

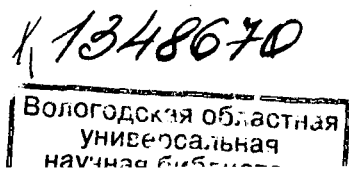
К 1348670

Русское слово в тексте и в словаре

ВОЛОГДА
2003

Русское слово в тексте и в словаре

ВОЛОГДА
2003

81.411.2

ББК 81.411.2

Р 89

81.411.2-3

+кр+кми

1. лексикология рус. яз

Редакционная коллегия:

Г. В. Судаков – гл. редактор,
С. Н. Смольников, Ю. И. Чайкина, Е. Н. Шаброва

Сборник подготовлен кафедрой русского языка
Вологодского государственного педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

Эволюция слова как результат изменения этнокультурных парадигм

Яцкевич Л.Г. Процессы сеоообразования в структуре исторических корневых гнезд (концепт «красота»).....	4
Андреева Е.П. Слова <i>дѣлати</i> и <i>дѣло</i> в составе специальной лексики старорусского языка	23
Цыцылкина Л.А. Семантика глагола <i>рубити</i> и его дериватов в старорусском языке	28
Парняков С.Б. Слова <i>анбар</i> , <i>сарай</i> , <i>житница</i> в русском языке XVIII в.	34
Зорина Л.Ю. «Словарь вологодских говоров»: окончание приближается.....	40
Кознева Л.М. Вологодское народное слово в оценке А.А.Веселовского.....	48
Шаброва Е.Н. Корневое гнездо с вершиной <i>-бод-/-буд-</i> в современном русском языке	55
Шаброва Е.Н. Особенности транспозиционного глагольного словообразования в вологодских говорах	60
Румянцева Л. «С душою светлою, как луч»: цвет в поэзии Н.Рубцова.....	65
Третьякова О.В. Словообразовательный аспект освоения англоязычных заимствований.....	76

История русского ономастикона

Смольников С.Н. Номинативные варианты антропонимов в деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв.	83
Комлева Н. В. Патронимы в именовании вологжан конца XVI-XVII вв.	102
Чайкина Ю.И. Способы выражения поссесивности в дозорной книге г. Белозеро 1617-1618 гг.	110
Монзикова Л.Н. Из истории ойконимии Вологодского уезда (по материалам списка селений 1678 г.	115
Варникова Е.Н. Признаки системности гидронимии Среднего Посухонья.....	122
Славнова Е. А. Детские прозвища как явление языковой игры.....	127

Языковая картина мира вологодского крестьянина

Дилакторский П.А. Прозвища жителей некоторых городов Вологодской губернии (публ. Е.Н.Шабровой)	137
Судаков Г.В. Словарь П.А.Дилакторского – окно в языковой мир вологодского крестьянина	141
Ипатов С.Н. Религиозная картина мира вологодского крестьянина (на материале словаря П.А.Дилакторского)	149
Головкина С.Х. Именования родства в словаре П.А.Дилакторского	158
Богданова М.В. Поэтика северного крестьянского жилища в стихотворениях Н.Клюева	166

ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ

Л.Г. Яцкевич

Процессы семообразования в структуре исторических корневых гнёзд (Концепт < красота >)

«Красота страшна» – Вам скажут...

«Красота проста» – Вам скажут ...

А. А. Блок

1.

Историческое корневое гнездо слов как диахроническая система эволюционирует в различных направлениях и на различных языковых уровнях. Эволюционные процессы протекают на словообразовательном уровне гнезда – образуются новые производные слова, на морфемобразовательном уровне – образуются новые морфемы, на гнездообразовательном уровне – образуются новые корневые и словообразовательные гнёзда, на лексико-семантическом уровне гнезда – образуются новые номинативные сферы и лексико-семантические зоны [1].

Источником формирования новых лексико-семантических зон в историческом корневом гнезде являются процессы семообразования, то есть возникновение в семантике производных слов новых сем. Новые непродуктивные в словообразовательном отношении семы объективируются в лексическом значении только одного производного слова и новых лексико-семантических зон в гнезде не образуют. А новые продуктивные семы влияют на последующую словообразовательную продуктивность данного производного слова, в семантической структуре которого они впервые объективировались, что приводит к появлению новых лексико-семантических зон в историческом гнезде, а иногда и к образованию новых морфем. Одна и та же лексико-семантическая зона может быть представлена сразу в большом количестве исторических корневых гнёзд, что говорит о концептуальном характере интегральной семы подобной лексико-семантической зоны.

В данной статье рассматриваются процессы семообразования, связанные с концептом < красота >. В истории русского словообразования этот концепт обнаруживает очень большую активность, поскольку соотносительная с ним сема зарождается в семантике производных слов очень многих исторических словообразовательных гнёзд на разных этапах их развития. Это гнёзда с такими, например, корнями, как: -бай-, -бас-, -бел-, -бр-, -вид-, -ворож-, -глад-, -гляд-, -год-, -гой-, -див-, -доб-, -зор-, -корол- /-краль-, -крас-, -кукл-, -лад-,

-леп-, -лест-, -лов-, -мил-, -маз-, -рад-, -раз-, -раж-, -ряд-, -слав-, -каз-, -хорош-, -цац-, -цвет-, -чар-, -чуд-, -ягод- и многие другие.

От древнего периода до современности прослеживается одна и та же тенденция в сеообразовании, соотносительном с концептом <красота>: сема 'красота' образуется в едином семантическом пространстве с такими семами, как: 'свет, блеск', 'порядок', 'чистота', 'совершенство', 'хороший', 'добрый', 'нарядный', 'подходящий, соответствующий', 'мягкий, нежный', 'обходительный', 'гладкий', 'ловкий', 'заметный, выделяющийся', 'слава', 'праздник', 'радость', 'наслаждение', 'кукла, игрушка', 'цветущий', 'влияние, сила', 'иное, необычное', 'сказочное', 'чара, колдовство', 'неземное, божественное', 'благодать'. Как правило, эти семы являются посредниками для образования вторичного концепта <красота>. Причём, интересно, что отношения между ними обратимы, после того, как этот концепт создан.

О словообразовательной активности концепта <красота> писал О.Н. Трубачёв: ““Красота” заведомо экспрессивное слово во всех языках. Отсюда следует, во-первых, неизбежность стирания и обновления этой лексики и, во-вторых, метафорический способ самого формирования и обновления слов 'красота' и 'красивый'. Эти значения развились из довольно разнообразных предшествующих: 'благообразный', 'цветущий, зрелый', 'яркий, красочный', 'приятный', 'хороший', 'правильный', 'чистый, мытый', 'крепкий, сильный, мощный' (ЭССЯ, 12, 95) [2].

Существенно то, что сема 'красота' имеет феноменологический характер по отношению к другим семам, которые её представляют в различной модальности и поэтому имеют характер аксиологический. Давая различные оценки и образы красивого, они не изменяют его сущности, как это кажется на первый взгляд, а лишь выражают отношение к данному явлению, своё представление о нём. А.Ф. Лосев, исследуя с философских позиций слово и его содержание, писал: “Феноменология – там, где предмет осмысливается независимо от своих частичных проявлений, где смысл предмета – самостождествен во всех своих проявлениях” [3]. (Автор опирается на работы Э. Гуссерля). В силу этого сема 'красота' организует семантическое пространство как среду своего присутствия и поэтому является концептом.

Лексический состав, выражающий это семантическое пространство, формируется на основе результатов процесса сеообразования, имеющего определённую цель, вектор. Как отмечал Г. Гийом, «...язык состоит из результатов, за которыми для понимания вещей необходимо раскрывать созидательную работу мышления. От результата – к процессу, который даёт этот результат» [4]. Именно на этом строится методика нашего исследования процессов сеообразования. Она состоит из следующих этапов. На первом этапе фиксируются результаты сеообразования в истории русского языка: 1) по историческим и диалектным словарям выявляется круг слов, включающих сему 'красота' в своё лексическое значение (в данной статье список слов, безусловно, приводится неполностью), 2) устанавливаются словообразовательные и семантические отношения данных слов с производящими с целью оп-

ределения их внутренней формы, характера мотивированности, 3) определяются слова и значения, производные от данных слов, наследующие или не наследующие сему 'красота'. На втором этапе исследуются семантические векторы, то есть направление формирования лексико-семантической зоны концепта <красота> в отдельных гнездах, определяется характер семантических процессов в исторических и современных корневых гнездах и на этой основе выясняется функционально-иерархическая структура изучаемой семантической зоны, типологические закономерности её развития.

2.

Далее рассматриваются некоторые результаты исследования, проведённого на основе этой методики.

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-bai-

Слово *обаятельный* (производные от него слова - *обаятельно*, *обаятельность*) было образовано от слова *обаятель* 'чародей, колдун' (Д., II, 567), 'заклинатель' (ГД, 360) и первоначально значило 'очаровательный, волшебный, знахарский' (Д., II, 567). *Обаятель* и родственное ему существительное *обаяние* 'очарование' образованы от глагола *обаяти* 'околдовать, очаровать' (Д., II, 567), а тот, в свою очередь - от *баяти*. Этимологическое значение этого глагола определяется по-разному, поскольку в праславянском отмечены два глагола: **bajati I* 'говорить, разговаривать', 'рассказывать', 'заговаривать, ворожить, колдовать', 'предсказывать, гадать' 'рассказывать сказки, выдумывать' (ЭССЯ, I, 138-139) и **bajati II* 'гореть, тлеть, мерцать' (ЭССЯ, I, 139). Анализируя разные точки зрения на характер отношений между этими глаголами, О.Н. Трубачёв пришёл к выводу: "Мы считаем обе группы слов этимологически родственными на и.-е. уровне, о чём говорят и другие этимологические аналогии, ср. **svьrkati* **svьrčati* и др. Разграничение, имевшее следствием выделение особых праслав. **bajati I* и **bajati II*, наметилось ещё в дославянский период. Здесь уместно вспомнить, что ещё Бак придерживался мнения о тождестве и.-е. **bhā-* 'говорить' и др.-инд. **bhā-* 'светить', греч. φαίνω [5], причём он представляет себе развитие знач. как 'делать ясным' > 'говорить'. Мы склонны выводить всё из синкретической ономастопеи» (ЭССЯ, I, 139-140). Несмотря на продуктивность корневого гнезда с данным этимологическим корнем **-baj-* в истории русского языка (*баяти*, *баюкать*, *бай*, *баян*, *баюн*, *байка*, *байдать* и др.), сема <красота> не получила распространения в семантике составляющих его слов. Она появилась довольно поздно в качестве фоновой, обусловленной контекстом, только у слов *обаяние*, *обаятельный*, *обаятельно*, *обаятельность*. В современном русском языке *обаятельный* определяется так: 'полный обаяния, очарования, чарующий'. Её образ, этот непонятный, ... но обаятельный образ слишком глубоко внедрил в его душу. Тургенев, Отцы и дети. (МАС, II, 519), а у слова *обаяние* отмечается три значения: 1. Притягательная сила, исходящая от ко-

го-, чего- либо. *Марфиньку обняло обаяние тёплой ночи.* И. Гончаров. 2. Сильное, покоряющее влияние. *Нет сомнения, что ни один русский писатель не свободен от обаяния гения и манеры Толстого.* Короленко. 3. Устар. Состояние человека, охваченного чем-л., находящегося под влиянием чего-л. *Обаяние, овладевшее слушателями и уносившее их далеко за эти скромные стены, разрушалось.* Короленко (МАС, II, 519). У всех значений появляется фоновая сема 'вызывать чувство восхищения' и 'быть красивым'.

Таким образом, исторический семантический процесс шёл в следующем направлении: 'говорить', 'светить' (и.-е.) → 'колдовать, очаровывать' (праслав.) → 'оказывать сильное, покоряющее влияние' (русс.) → 'вызывать чувство восхищения' → 'быть красивым' (фоновые семы).

Историческое гнездо с этимологическим корнем **-bas-*

Сема 'красота' составляет основное содержание диалектных слов *бас, баса, бась, баский* и многих других производных от них (СРНГ). М. Фасмер делает обзор нескольких этимологических версий: 1) заимствование из скандинавских языков, 2) заимствование из коми, 3) слово индоевропейского происхождения, родственное с др.-инд. *Bhāsas* 'свет, блеск', *bhāsatī* 'светить, блестять' (Ф., I, 129-130). О.Н. Трубачёв считает, что основа *bas-* «нуждается в более широкой этимологической трактовке» (ЭССЯ, I, 162). Учитывая наличие в говорах двух разных значений у слова *баской* - 'красивый' и 'говорливый', а также сравнивая с лат. *fās* (**bā-s*) 'божественный закон' и др.-инд. *bhāsatē* 'говорит', он сближает это слово с *bajati I, II* (см. выше) и считает, таким образом, что в основе этих лексем лежит единое и.-е. *bhā-* 'говорить', 'сиять' (ЭССЯ, I, 162). О верности этой этимологии свидетельствует всё последующее развитие данного гнезда слов в истории русского языка. В нём очень рано, ещё в праславянском, произошёл процесс семантической дивергенции, который привёл к образованию двух словообразовательных гнезд соответственно с интегральными семами 'красота' и 'говорить'. Одно гнездо слов с интегральной семой 'красота' сохранилось в основном в северных говорах. В ЭССЯ (I, 162) приводится также сербохорв. диал. *nābas* 'красиво, превосходно' и укр. *баский* 'резвый, ретивый, рьяный' (Гринченко, I, 32), 'ретивый, резвый (о коне)' (Картотека Украинского академического словаря).

По подсчётам Т.В. Лебедевой, в русское диалектное гнездо входит 88 слов [6]. В словообразовательном гнезде, образованном от исходных слов *бас, баса*, очень продуктивна словообразовательная синонимия. Так, по данным СРНГ, в этом гнезде существуют такие синонимические ряды: 1) 'красота, украшение' – *бас, бась, баса, бася, басенька, басеть, басота, басьё, басина, бащина*; 2) 'нарядно одевающаяся женщина, щеголиха' – *баса, басёна, баскала, басуля, басунья*; 3) 'щеголь' – *басалай, басана, басёна, басыла, басыло, басина, басиха, баскала, баскалыга, басуля, басун*; 4) 'красивый парень, красавчик' – *басёнка, басёнок*; 5) 'красивый, нарядный,

хороший' – *баской, басистый, басковый*; 6) 'хорошенький, красивенький, нарядный' – *басенький, басёхонький, бастенький, басченький*; 7) 'очень красивый, хороший, доброкачественный' – *баскущенький, баскущий*; 8) 'хорошо, красиво' – *басе, басёничко, басенько, баско, басковито, басно, басочно, басченько, побаса*; 9) 'украсить, разукрасить' – *выбасить, избасить*; 10) 'нарядяться, франтить' – *басать, басить, баситься, басоваться, баститься, забасить*; 11) 'нарядиться, разрядиться' – *выбаситься, набаситься*; 12) 'приукрасить, принарядить' – *побасить, побаситься, подбасить*; 13) 'ломаться, жеманиться, прихорашиваться, кокетничать' – *баскалиться, баскалычиться*; 14) 'перестать наряжаться' – *отбасить – отбаситься*. Обращает на себя внимание продуктивность глагольного префиксального словообразования, отражающих аспектуальную семантику. Кроме указанных выше глаголов, см. также: *недобаситься, добасить, избасить* (СРНГ); *взбасить, взбаситься, перебасить, прибасить, прибаситься, разбасить, разбаситься, убасить, убаситься, добаситься, подбаситься* (Волог.) [7]. Это свидетельствует о том, что данное гнездо является живым на Русском Севере.

Сематическая мотивация значений производных слов в этом гнезде и лексические значения всех слов позволяют сделать вывод, что первичные значения слов *бас, баса и басать* были связаны с концептом <украшать, наряжать>, и поэтому вторичный концепт <красота> характеризовал только внешнюю красоту, а более абстрактное значение не получило развития.

Второе гнездо с интегральной семьей 'говорить' охватывает не только диалектную сферу, но и литературный язык. Диалектные слова: *басить* (праслав. **basiti* – ЭССЯ, 1, 161) 'занимать кого-либо разговорами, рассказами' (Филин, 2, 130), 'лечить' (Е.Будде), 'заговаривать' (Деулинский словарь, 49), *басня* 'сказка' (Добровольский, 23) (праслав. **ba-sny* – ЭССЯ, 1, 162) и многие другие. В древнерусском: *баснь* 'вымысел, сказка', *баснослови* 'выдумки, сказки, мифы; ложное учение', *басньный* 'выдуманный, ложный, сказочный', *баснозизждьць* 'сочинитель сказок, мифов' и др. слова (СРЯ, 1, 105-107).

Таким образом, историческое корневое гнездо с корнем **-bas-*, в отличие от этимологически соотносительного с ним исторического гнезда с корнем **-bai-*, которое было рассмотрено выше, имело продуктивную в словообразовательном отношении сему 'красота'. Следует также указать, что общее направление их семантического развития 'говорить' → 'заговаривать, колдовать' не привело к одинаковым результатам, поскольку фоновая сема 'красота' появилась только в словах ИКГ с корнем **-bai-* *обаяние, обаятельный*, наследующих эти семы, и её нет в той части ИКГ с корнем **-bas-*, которая также наследует эти семы. В целом важно отметить, что в обоих гнездах, восходящих к и.-е. *bhā-* 'говорить', 'сиять', концепт <красота> актуализировался, но это произошло на разных этапах их исторического развития, что и определило его различный языковой статус в составе этих гнезд, а также различную его семантическую мотивацию: с одной стороны, чары, покоряющая сила и, с другой стороны, украшение, наряд.

Слово *белый*, имеющее соответствия во всех славянских, а также в других индоевропейских языках (например, в кельтском *belos* 'светлый, блестящий') также этимологически восходит к и.-е. *bhā-* 'говорить', 'сиять'

(ЭССЯ, II, 79-81). Как цветообозначение, это слово имеет очень продуктивное словообразовательное гнездо и в говорах, и в литературном языке. Сема 'красота' в этой словообразовательной системе не получила продуктивности, хотя в качестве фоновой семы она обнаруживается в тех случаях, когда слово *белый* употребляется в значении 'чистый' и 'праздничный'. У Даля: *бѣлянчикъ, бѣлянка, бѣляночка, бѣляюшка* обл. арх. 'белолицый, чистый лицом; // белокурый, светлорусый; // ласкат. 'красавчик, пригоженький' (Д., I, 154); *бѣлоголовица* смол. 'красотка, красавица' (Д., I, 156); *бѣлотѣлецъ* 'прозвище, данное ярославцам. *Ярославцы красавцы, бѣлотѣльцы*' (Д., I, 157). В "Словаре вологодских говоров": *бело* 'чисто, опрятно' "У их всегда бело в избе, баско". В.-у. Лод.; *белорудый* 'белолицый' "*Парень-то белорудой, баской*" Баб. Юрк. (СВГ, I, 28); *белый* 'То же, что белорудый' Грязн. Жерн. (СВГ, I, 29). В "Полном церковно-славянском словаре" Г. Дьяченко: *бѣлый* 'надевший белую, чистую, праздничную одежду' (Прол. 0. 9 л. 80 об.) (ПЦСС, 64).

Во всех рассмотренных случаях фоновая сема 'красота' соотносилась с понятием о внешней красоте человека или его одежды. Кроме этого, в древнерусских текстах *бѣлый* и производные от него включали в своё значение фоновую сему 'красота', которая соотносилась с понятием духовной красоты и божественной благодати: *бѣлообразоватисѧ* 'сиять белизной' Зд. 'очищаться при крещении' (СДЯ, I, 362); *бѣлыи* 1 образн. *И оувидѣвъ того брата исходъща изъ цркви всего бѣла дшею и свѣтла лицемъ*. Пр. 1383, 27 в; *аще и муринъ еси тѣломъ. Дшею бѣлъ буди*. ГБ XIV? 36г. (СДЯ, I, 363). В этих употреблениях слова *бѣлыи* проявляется христианский идеал красоты. Как писал святой Тихон Задонский, "Христос есть красота для человека"[8].

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-cid-

В современном русском языке разговорное слово *видный* 'рослый, статный, представительный' соотносится с производящим существительным *вид* 'внешний облик кого-либо, внешность' (МАС, I, 172, 174), то есть буквально значит 'имеющий хороший, красивый вид'. Наличие семы 'красивый' в этом слове подтверждают примеры его употребления (*Ему нашли за тридцать вёрст от Уклеева девушку Варвару Николаевну из хорошего семейства, уже пожилую, но красивую, видную*. Чехов. МАС, I, 174), а также толкование, данное этому слову в СРЯ XI-XVII вв.: 'отличающийся по внешнему виду, красивый'. *О рослых и видных собаках*. Кн. Охот. Рег., 11/2. XVIII в. - XVII в. (I, 176). I. В словообразовательном отношении сема оказалась непродуктив-

ной, т.к. других слов с этой семой в гнезде нет. Однако слово **видный** интересно тем, что представляет собой семантическую универсалию, которая повторяется в разных словах.

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-цог-.

Слово **обворожительный** 'приводящий в восхищение; очаровательный, пленительный' образовано от глагола **обворожить** 'привести в восхищение, очаровать, пленить' (МАС, II, 522). Оба слова в своём значении имеют сему 'красота', о чём свидетельствуют и примеры: *Я увидел обворожительные черты прекраснейшего из лиц, какие когда-либо встречались мне наяву и чудились во сне.* Чехов (МАС, II, 522). В словообразовательном отношении эта сема малопродуктивна в данном историческом гнезде, поскольку она противоположна по смыслу его первичной семе 'изгнанный, противник, враг': **обворожить** 'околдовать' < **ворожить** 'колдовать, вредить' < **ворог** 'изверженный из рода, противник' [9]. Слова **обворожительный** и **обворожить** представляют семантическую универсалию: 'колдовство' > 'влияние, сила' > 'красота'. Ср.: **обаятельный, прелестный, очаровательный.**

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-glad-.

Диалектные слова **гладиться** 'Уделять много внимания заботам о своей внешности и нарядях' Пск., Твер. (СРНГ, 6, 179) и **гладкий** 'имеющий полное, красивое, чистое лицо' (СРНГ, 6, 179) содержат в своём значении сему 'красота'. Первоначальная семантика корня **-глад-**, по мнению А.Г. Преображенского, 'сияющий, весёлый' (П., I, 124). Интересно, что не сохранившиеся в русских словах, это значение обнаружилось при их переносном употреблении в качестве фоновой семы. Итак, семантическая эволюция здесь: 'сияющий, весёлый' > 'ровный, гладкий' > 'полный, здоровый' > 'красивый'.

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-ględ-.

Сему 'красота' содержат в своём значении современные слова: разг. **загляденье** 'о ком-, чём-л. очень красивом, о том, кем (или чем) можно залюбоваться' < **заглядеться** 'увлечься пристальным рассматриванием кого-, чего-л.' (МАС, I, 508), народно-поэт. **ненаглядный** 'такой, на которого нельзя наглядеться, налюбоваться' (МАС, II, 456). По мнению А.Г. Преображенского, этимологический корень ***-ględ-**, как и рассмотренный выше ***-glad-**, восходит к и.-е. ***ghlend- (ghele-)** 'быть светлым, сиять' (П., I, 130). Таким образом, семантическая эволюция здесь: 'быть светлым' > 'воспринимать зрением, глядеть' > 'быть предметом увлечённого, пристального рассматривания.' > 'быть красивым'.

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-god-.

Сема 'красота' в этом историческом гнезде развилась на основе семантики древнерусских слов *годный* 'угодный, приятный' (< *годити* 'удовлетворять чьи-то желания, потребности, делать кому-л. что-л. нужное, желаемое'), *угодный* 'угодный, приятный', *угодиться* 'понравиться', *угодь* 'состояние удовольствия удовлетворения' (< *угодити* 'сделать кому-л. нужное, желаемое'), *лагодити* 'делать приятное, угодное' > *лагода* 'что-то приятное угодное', *гожий* 'подходящий, удобный', *пригожий* 'угодный, приятный', *пригожество* 'удобство, приятность' [10]. В современном русском языке употребляется только *пригожий*, народно-поэтич. 'красивый, привлекательный' (МАС, III, 402). В говорах эта сема более продуктивна в данном гнезде, что говорит об архаичности семантики: *гоже*, *гожо* и *гожно* 'красиво' *Гожо*, *баско*, *вместо красиво*. Вят., Тамб., Курск., Влад., Твер., Новг., Тобол., Перм., Волог., Олон., Яросл., Пенз., Ряз.; *гожель* и *гожилъ* 'красота, изящество, "убранство"' Нижегород.; *гоженький* 'годненький, хорошенький' Влад., Волог. *Гоженько* 'годненько, хорошенько' Влад.; *гожий* 'хороший' и 'красивый' Саратов., Самар., Оренб., Курган., Свердл., Орл. "Хороший, красивый, обычно при оценке внешних качеств молодых людей". Курск., Калуж., Влад., Костром., Новг.; *гожихонький* 'хорошенький, прекрасенький'; *гожь* 'что-либо хорошее, прекрасное; прелесть' Яросл. (СРНГ, 6, 277-279) и многие другие слова. Семантическая эволюция здесь: 'угодный, соответствующий, такой, какой необходим' > 'хороший' > 'красивый'. Ср.: *добрый*.

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-goj-.

Слова, включающие в своё значение сему 'красота', этого этимологического гнезда сохранились только в говорах: *гоить* 'приводить что-л. в порядок, наводить порядок где-либо, убирать' Южн.-Сиб., Перм., Вят., Волог., Нижегород., Челяб., Тобол., Барнаул., Кемер., Том. // 'придавать нарядный вид, украшая чем-либо' Челяб. (СРНГ, 6, 279); *гойный* 'видный, красивый, величавый' Ряз. 'приведённый в порядок, убранный', 'чистый' (СРНГ, 6, 280). Оба слова восходят к праславянскому **gojiti* 'кормить', 'угощать', 'лечить', 'ухаживать' и др. > *gojъ* 'мир', 'уход', 'выращивание', 'изобилие', 'радость' > *gojъть* 'мирный', 'целебный', 'упитанный', 'обильный' (ЭССЯ, 6, 196) [11]. Семантическая эволюция здесь идёт в двух направлениях: 1) 'кормить' > 'упитанный' > 'здоровый, радостный' > 'красивый', ср. со словами *хоронить*, *хороший*; 2) 'приводить в порядок' > 'делать чистым, нарядным, украшать' > 'быть красивым'. Ср. со словами *лад*, *ладный*.

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-div-.

Сема 'красота' входит в значение слов *дивный*, *дивовать(ся)* и *дива*, которые этимологически являются родственными. В современном русском язы-

ке **дивный** имеет два значения: 'разг., устар. Вызывающий удивление, поразительный, удивительный' и 'чудный, прекрасный, восхитительный' (СРЯ, 1, 398), **дива** 'знаменитая артистка, певица' [от итал. *Diva* - божественная] (СРЯ, 1, 397), диалектное **дивоват(ся)** 'любоваться, восхищаться' Яросл. (СРНГ, 8, 51), Волог. (СВГ, 1985, 26), **дивый** 'чудный, чудесный, изумительный, удивительный, редкостный; прекрасный, превосходный' (Д., 1, 435). В говорах встречаются слова с корнем **див-**, в которых появляются семы 'много', 'большой (по возрасту)', 'большой по протяжённости в пространстве или во времени': **дивно** 'странно, удивительно', 'много, в большом количестве', 'долго, в течении длительного времени' 'давно, много времени тому назад', 'далеко, на большом расстоянии' (СВГ, 1985, 25-26), **дивный** 'вышедший из младенческого возраста, подросший', 'значительный по величине, размерам, достаточно большой', 'продолжительный по времени и протяжённости' (СВГ, 1987, 26). В.В. Колесов отмечает, что «определение **дивный** появилось много позже, на что и указывает суффикс; в древнерусских текстах это слово относится к монаху, к Богу, встречается при описании рая, церкви или столь же богоугодных вещей, связанных со «светлой» стороной жизни. По-прежнему слово используется для обозначения того, что внушает благоговение и страх» [12].

По мнению А.Г. Преображенского и Г. Дьяченко, слав. ***-div-** восходит к и.-е. *deĩnos** 'Бог' < 'небесный' < *deĩno-* 'блестеть, светить'. Семантическая эволюция: 'свет' > 'Бог' > 'чудо' > 'удивление' > 'красота', 'большой (по возрасту, протяжённости в пространстве или времени)'.

Ю.В. Откупщиков намечает иной путь семантического развития: «Значения славянских слов, родственных рус. **диво** 'чудо', **дивный** 'чудесный, великолепный', могут быть связаны непосредственно с и.-е. ***de-u-** 'бог' (ср. рус. **божественный**, лтш. *Dievĩgs* 'чудесный, великолепный'). Но поскольку в славянских языках индоевропейское название бога (Див. - ЛЯ) приобрело явно негативный смысл, вероятно, связь значений 'бог' и 'дивный, чудесный' была в славянском ареале опосредованной. В качестве *tertium comparationis* мы можем рассматривать здесь древнейшее значение и.-е. корня ***dei-** 'светить, блестеть'. Ср. рус. **дивный**, с.-хрв. *dĩvan* и древнеиндийское этимологически "прозрачное" *dėvanam* 'блеск, сияние' [13]. Однако семантика слова **дивный** в говорах, рассмотренная нами выше, в большей степени свидетельствует о первом пути семантического развития этого слова.

Историческое гнездо с этимологическим корнем ***-dob-**.

Сема 'красота' была продуктивна в этом историческом гнезде в древнерусский период в книжном стиле. Слово **добрый** в значении 'хороший' образуя сложные слова, реализует в них сему 'красивый': **добровидный** 'имеющий приятную наружность, миловидный' (СРНГ, 8, 77), **доброгласие**, **доброзвучие** 'чистота и приятность голоса' (Д., 1, 444), **доброзрачие**, **доброзрачность** 'красота, благообразие, благовидность', **доброличие** 'красота лица, пригожест-

во' (Д., 1, 446), *добробрадый* 'с хорошей, красивой бородой', *добровзорный*, *добровидный* 'приятный на вид, миловидный', *доброкосый* 'с красивыми волосами, косами', *доброкрасный* 'красивый, изящный', *добролѣпие* 'красота', *добролѣпный* 'красивый', 'украшенный', *доброликий*, *доброличный* 'красивый, миловидный', *доброносый* 'имеющий красивый нос', *добропѣснивый* 'красиво поющий', *доброродный* 'породистый, красивый', *добросанный* 'имеющий красивую осанку' (СРЯ XI-XVII вв., 4, 259-266). "*Удобрити* – значило 'украсить' или 'исправить', но также и 'угодить, оказать добро'; даже связанное с этим глаголом слово *удобрение* обозначало какое-то украшение, – 'добротно красивую вещь' (Изб. 76) [14]. Слово *доброта* в церковнославянском имела, наряду с другими, значение 'привлекательная наружность, красота, изящество, блеск, великолепие' и при переводе Библии соответствовала др.-греч. *Κάλλος* (ПЦСС, 147), в древнерусском и старорусском это значение сохраняется, напр.: *Погибе градъ и земля резанская, измѣнися доброта ея и не бѣ что въ ней благо видѣти, токмо дымъ и земля и пепель*. (Пов. О разор. Рязани. Свед. И зам. 1, 89. XVI ~ XIV в. (СРЯ XI – XVII, 4, 267). В этом словаре указаны также значения 'привлекательность, миловидность и 'мн. украшения'.

Диалектное прилагательное *доб* 'хорош' (*Сарафан-то доб у тебя. Вон на карточке-то до чего доб!*) (СВГ, 1985, 30; СРНГ, 8, 72-23) и 'силён, здоров' (СРНГ, 8, 72-23) имеют фоновую сему 'красив', ср. также *доб-парень* 'красивый парень' (Картотека Новг. ГПИ. ЭССЯ, 5, 47). *Добрый* 'красивый' Олон. (СРНГ, 8, 76).

Праславянское **dobrъ(jь)* 'хороший, добрый' имело этимологический корень **-dob-* 'вид, способ, то, что подходит' (ЭССЯ, 5, 39, 46). Семантические изменения: 'соответствующий' > 'хороший' > 'красивый'. Рассматривая особенности семантики слова *добрый* в древнерусских текстах, В.В. Колесов делает вывод: "Постепенное развитие значения из корня *добр-*, из исходного его семантического синкретизма, не помогает нам определить точные значения слов, которые в том или ином виде мы встречаем в древних текстах. Отмечаются лишь начальные точки в развитии новых со-значений, и полученные уже значения продолжают сосуществовать наряду с новыми; все эти со-значения переплетаются друг с другом, особенно в традиционных, давно составленных или переведённых текстах, мешают осмыслению самого текста. Прежний синкретизм общего смысла мало-помалу преобразуется в многозначность новых слов. 'Полезный' > 'красивый' > 'ладный, добротный' > 'истинно правильный'... таково движение когда-то нерасчлнённого представления о «добром», и не сразу поймёшь, о чём идёт речь: о необходимом, о красивом, о качественно добротном, о хорошем?» [15]. Ср.: *гожий, пригожий, годный*.

Слова *красивый*, *красота* являются в современном русском языке основными наименованиями концепта <*красота*>. Современное словообразовательное гнездо имеет вершину *красивый* и содержит в своём составе 81 слово (ССРЯ, 1, 487-488), то есть сема 'красота' очень продуктивна в словообразовательном отношении. В древнерусском языке вершиной гнезда было слово *краса*, и образованное от него словообразовательное гнездо также было очень продуктивно. Слово *красивъ* имело более узкое, по сравнению с современным словом, лексическое значение 'богато украшенный' (СДРЯ, 1, 285), а слово *красный*, наряду с *краса* и *красота*, было основным носителем концепта <*красота*>. Обращает на себя внимание то, что, как и в церковнославянском, в древнерусском слова с корнем *-kras-* могли иметь в своём содержании также такие семы: 'порядок, устройство' (*красоти* '(о κόσμῳ) = порядок, устройство; распоряжение, устав, украшение: мир, свет, вселенная (Втор. 4, 19) (ПЦСС, 268), *красота* 'о ряде, строе, порядке: и, видъ ѿвъ слице и лоуноу и всю красотоу нб(с)ноюу <...> (СДРЯ, 1, 288)'); 'радость' (*краситися* 'радоваться чему-л.', *красоватися* 'радоваться чему-л., наслаждаться чем-л.', *красота* 'часто мн. радости, блага; удовольствия, наслаждения', *красный* 'радостный, приятный, сладостный', *красное* 'радости, блага; удовольствия, наслаждения' (СДРЯ, 1, 285-287, 291); 'праведность' (*красный* 'достойный, добродетельный, праведный', см. также *красити*, *краситися*, *красота* (СДРЯ, 1, 285-287, 291); 'известность, слава' (*красоватися* 'привлекать внимание, выделяться' *старци да красуют(с) молчанием* (СДРЯ, 1, 285-286).

Особенно продуктивно в семантическом и словообразовательном отношении диалектное гнездо слов с корнем *-kras-*. Так, только в пятнадцатом выпуске СРНГ они занимают более 30 страниц (с.171-203). Обращает на себя внимание развитая словообразовательная синонимия. Например: а) значение 'красота' имеют следующие слова: *краса*, *красатость*, *красиво*; б) значение 'красавец' – *красава*, *красавик*, *красавица* (м. и ж.) *красовуля*, *красник*, *красень*, *красик*; в) значение 'красавица' – *красава*, *красавица* (м. и ж.), *красавичка*, *красавка*, *красавонька*, *красавочка*, *красёна*; г) значение 'красивый' – *красавый*, *красённый*, *красенький*, *красный*. Слово *краса* имеет 7 значений, пять из которых связаны со свадебным обрядом и девичеством и указывают на украшения невесты и свадебного обряда (СРНГ, 15, 171). Интересна в плане выявления семантических универсалий в семантическом пространстве концепта <*красота*> полисемия слова *красный*. Укажем только на сферу 'положительные свойства человека', в которой у данного прилагательного развились значения: 'красивый, лучший', 'счастливый', 'большой', 'здоровый, сильный', 'славный, известный', 'деятельный, энергичный' (СРНГ, 15, 189). Интересно отметить, что в некоторых производных может обнаружиться и негативная оценка. Так, сема <обман, видимость> включается в значения таких диалектных слов, как: *закраса* 'прикрытие плохого товара лучшими его образцами', *закрашивать* 'класть наверх лучший товар, крикая им товар

худшего качества', качества', 'скрывать что-либо поступки, недостатки, приукрашивать что-либо' (СРГН, 10, 162-163).

Этимология слова *краса* спорна (ЭСРЯ, Ф.). Например, по одному из предположений, оно соотносится с др.-инд. *Krp* 'вид, красота' (ЭСРЯ, 1, 378) или 'фигура, красота' (Ф., 2, 367). Таким образом, концепт <*красота*> в данном историческом гнезде является очень древним. О.Н. Трубачёв считает, что **krasa*, вероятнее всего, праславянская инновация, не имеющая прямых соответствий в других и.-е. языках. При этом он уточняет: "Но само слово по форме – индоевропейского происхождения: имеет признаки типичного отглагольного имени с долгим (продлённым) корневым гласным *a* (**ǵ*), построенного на базе глагола с корневым *e* <...>" (ЭССЯ, 12, 96). Учитывая исследования Ф.Ф. Фортунатова и затем Бернекера, О.Н. Трубачёв указывает на производящие глаголы: **kresati*, **kresiti* 'создавать, творить' и на имя **kresъ* 'летний солнцеворот'. Он приходит к выводу, что "семантически **krasa* убедительно реконструируется как 'цвет жизни' > 'красный цвет (лица)' > 'цветение, цвет' > 'красота' (ЭССЯ, 12, 97). В.В. Колесов эту семантическую эволюцию представляет в более отвлечённом виде: 'сильный, могучий' > 'цветущий, здоровый, зрелый' > 'яркий, красочный' > 'хороший по качеству' > 'красивый' [16]. Он считает, что по мере развития отвлечённого представления о красоте, слово *красивый* стало вытеснять слово *красный*, которое с начала XVI в. стало употребляться только для обозначения цвета [17].

Историческое гнездо с этимологическим корнем **-lad-*.

Слово *лад* является общеславянским (ЭССЯ). Л.А. Климкова отмечает: "В русском языке оно живёт необычайно активно, богато, входя в разнообразные лексико-семантические парадигмы, в том числе внутри и за пределами словообразовательного гнезда с вершиной *ладить*, которое, по данным "Словообразовательного словаря русского языка" А.Н. Тихонова, насчитывает 115 слов. Среди них много полисемантов, смысловый объём которых, эпидигмы обширны" [18]. Рассмотрев обширную полисемию слов этого гнезда в современном русском языке и в говорах, автор пришёл к выводу: "Смысловый остов, своеобразный интенционал этих слов составляют семы 'согласованность', 'согласие'. Они же проецируются и на все производные от названных слов, непосредственно или опосредованно подчиняя себе все другие семы" [19]. Концепт <*красота*> в семантической структуре данного исторического гнезда автором специально не рассматривается, хотя Л.А. Климкова пишет о том, что большой ряд слов с оценочным значением включает в своё содержание "эксплицитные и имплицитные семы 'хороший', 'красивый', 'лучший'" и среди других называет такие диалектные слова: прилагательное *ладнёшенький* 'Ласк. красивый, аккуратный' Смол., глагол *ладнеть* 'улучшаться', 'становиться красивее, лучше' Смол., прилагательное *ладный* 'красивый, недурной' Том. Азерб. ССР [20].

На наш взгляд, кроме этих слов, в которых сема 'красота' присутствует эксплицитно, во многих других словах этого гнезда эта сема являлась имплицитной, была фоновой семой. Это относится ко всем словам, в значение которых входит семы 'порядок' 'создавать что-л' 'мир, согласие', 'соответствие', например: *ладилый* 'ловкий, умелый' Ахр.; *ладина* 'удача, успех'; *ладистый* 'хороший' Твер., Перм., 'удобный, подходящий' Пск., Твер., 'красивый, полный' Краснояр., *ладить* 'договариваться, улаживать', 'договариваться о свадьбе, сватать кого-л.', 'делать что-либо в лад, согласно, равномерно (обычно при молотье)' 'приводить в порядок...', 'думать, полагать, предполагать' и др. знач., всего 27 (СРНГ, 16, 230-232), *лад* 'хороший, благоприятный результат', *лада* 'фолькл. Муж, жена', 'жених, невеста', 'милый, любимый; милая, любимая', *лада* 'согласие, любовная сделка' (СРНГ, 16, 226-228). Убедительным свидетельством того, что концепт <красота> особым образом присутствует в семантике слова *лад* является название книги В.И. Белова "Лад. Очерки о народной эстетике". В предисловии к книге автор рассуждает о многогранной сложности этого понятия и о его простоте и цельности одновременно. Он пишет: "Мир для человека был единое целое. <...> Ритм – одно из условий жизни. <...> Всё было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось своё место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу от красоты. Мастер назывался художником, художник – мастером. Иными словами, красота находилась в растворённом, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии" [21].

Слово *лад* не имеет достоверной этимологии (ЭСРЯ, 1, 428), однако существенно для реконструкции исходного значения этого слова в праславянском то, что в разных славянских языках оно имеет общее значение 'порядок' и 'мир'. Этот факт позволяет сблизить концептуально слово *лад* со словом *красота*, которое также имело эти значения в древнерусском (см. выше). Итак семантическая эволюция здесь: 'порядок, согласие' > 'красота'.

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-lěp-.

В современном русском языке этот корень встречается только в связанном виде у слов *лепота*, *великолепный*, *великолепие*, *нелепый*, *нелепость*, *нелепо*, *нелепица*. В говорах он является свободным: в слове *лепый* 'красивый, прекрасный, хороший' Слов. Акад. 1847 [с пометой "церк."]. Она на лицо *лепа*. Перм., 1952. Урал. *Лепая лошадь*. Олон., Пск., Смол. Это слово является вершиной словообразовательного гнезда, в которое входят слова: *лепкий* *Скуй нам свабежку крепкую, лепку*. Смол.; *лепо* 'хорошо', 'великолепно' Пск., 'аккуратно, осмотрительно' Смол. Сев.-Двин.; *лепно* 'красиво' Краснояр.; *лепо* 'красиво, хорошо' Калуж. Смол. Пск.; *лепостный* 'хороший, приличный' Ярослав.; *лепота* 'красивая внешность, дородность' Арх. Север. Казаки-некрасовцы; *лепоть* 'то же, что лепота' Олон.; *лепший*

хонький, наряднёшенький, наряджрый; 'красивый внешний вид' – *нарядность* (СРНГ, 20, 143-147); 'щегольство в одежде' – *рядины*; 'украшать что-л.' – *рядить*; 'щёголь, щеголиха' – *рядиха, ряжёна, ряженка*; 'нарядный' – *рядный*; 'красивый' – *рядный*; 'украшенный, покрытый узором, орнаментом' – *ряженный*; 'наряджаться' – *ряжаться* (СРНГ, 35, 341-348). Продуктивны наречия и слова категории состояния, имеющие в своём значении сему 'красота': *наряднёхонько, наряднёшенько* (СРНГ, 20, 144); *рядно* (СРНГ, 35, 343). Можно предположить, что в это гнездо входит и слово *ряжий* 'красивый, полный (о человеке)' *Девка ряжая*. Курск. (СРНГ, 35, 349), учитывая, что есть и другое слово *ряжий* 'аккуратный, любящий порядок' Пск., Смол. (Там же), а также производящие для них существительные: 1) *ряда* 'наряжение' и *рядить* 'наряджать' (СРНГ, 35, 341) и 2) *ряда* 'порядок' (СРНГ, 35, 340). Однако существует и другое предположение: *ряжий* соотносят с *ражий* 'дородный, дюжий видный, сильный, красивый', имеющим другой этимологический корень (ЭСРЯ, II, 174).

В древнерусском, как и в других славянских языках, слов *рядь* и родственные с ним слова обычно включали в своё значение сему 'порядок' (Ф., III, 536; ПЦСС, 566), возможна также и сема 'исключительность, преимущество, превосходство'. Эти семы, как правило, имеют потенциальную сему 'красота'. См., например, *изрядие, изрядити, изрядно, изрядный, изрядне* и др. (СДРЯ, IV, 94-95). Таким образом, в данном историческом гнезде намечаются два направления развития: 1) 'порядок' > 'исключительность, превосходство' > 'красота'; 2) 'порядок' > 'приводить в порядок' > 'одеваться' > 'одеваться' > 'красиво одеваться' > 'красивая одежда' и 'красиво одетый человек' > 'красивый человек' и 'внешняя красота'.

Историческое гнездо с этимологическим корнем *-rod-.

Слова этого этимологического гнезда имеют в своём значении сему 'красота' только в диалектной сфере: *рожа* 'красота, красивость' Казан., *рожалый* 'рослый, видный, представительный' Ряз., *рожан* 'видный, представительный человек', *рожанья* 'видная, представительная женщина' Новг. (в Сямженском районе Вологодской области это слово употребляется также в значении 'красивая девочка с полным лицом' – ЛЯ), *рожово* 'довольно, достаточно, много; хорошо' (СРНГ, 35, 147, 148, 154), *рожо* 'красиво' (СВГ, 2002, 64), *раже* и *ражо* 'красиво', *ражевой* и *ражовый* 'красивый', *ражесть* 'красота (в обращении к девушке)', *ражий* 'красивый, привлекательный', *ражно* 'хорошо, красиво' (СРНГ, 33, 251-252).

В древнерусском Срезневский отмечает слова: *рожай* 'природные свойства, физиономия, весь наружный вид человека' (Ип. л. См. Срезн. М. 3, 140) и *рожаистый* 'видный, красивый' (Соф. вр. Срезн.). А.Г. Преображенский, рассматривая этимологию слова *рожа*, считает: "Вероятно, к *рода*. Образование: *рода*: **родја*: *рожа* (ЭСРЯ, II, 210). *Ражый*, по его мнению, образовано от *рожа*: "перегласовка, в степени растяжения, к *рожа, рода, ружь*; отно-

сительно значения ср. *видный* в смысле 'красивый, большой' " (ЭСРЯ, II, 174). Слово *род* имеет, среди множества других, и такие значения: 'образ, способ, порядок' (Д., IV, 10), диалектное *рода* - 'род, вид, образ' Сар., 'облик, физиономия', 'видение, привидение, призрак' (Д., IV, 11). В древнерусском это слово также многозначным. Говоря о древнем синкретизме этой многозначности, В.В. Колесов пишет: «Для древнерусского человека «род» – всё вместе, в единстве смысла и символа; но в каждом своём повороте, в особых обстоятельствах на первое место выходит что-то одно, самое в данный момент: *рождение, род, родичи, Род*» [23]. По мнению О.Н. Трубачёва, *род* восходит к **ǫrd-* 'происхождение', 'успех, урожай, прибыль; забота' [24].

Таким образом, семантическое движение шло в таком направлении: 'происхождение' > 'порода' > 'внешний облик' > 'красивый внешний облик' > 'красота, красивый, красиво'.

Историческое корневое гнездо слова *хороший*

Слово *хороший*, отмеченное в памятниках письменности с XIII в., имеет довольно продуктивное историческое словообразовательное гнездо. Правда, границы этого гнезда установить трудно, поскольку у данного слова существует несколько этимологий [25]. В современном литературном языке сему 'красота' имеют всего несколько слов: *хорош* 'только кратк. ф. 'очень красивый', *хорошенький* 'приятной внешности, довольно красивый; миловидный', *хорошет* 'становиться красивее, приобретать более привлекательный вид', *хорошиться*, *охорашиваться*, *прихорашиваться* 'стараться придать себе более привлекательный вид' (СРЯ, IV, 620-621), *прихорашивать* 'придавать кому-, чуму-л. более нарядный, красивый вид' (СРЯ, III, 455).

В говорах таких слов гораздо больше: 'красивый' – *хороший*, *хоровитый*; 'красота' – *хорош(е)ство*, *хоросьво*, *хорости* (Д., IV, 562) *хорость* (ЭС-СЯ, 8, 79; 'украшать напоказ' – *хорошить* (Д., IV, 562); 'придать себе более нарядный, красивый вид (поправив причёску, шляпу, одежду) – *прихорашиваться* (СРНГ, 32, 51); 'нарядиться' – *охорашиваться* (СРНГ, 25, 46); 'украшать кого-л.' – *расхорашивать* (СРНГ, 34, 303); 'красавица' – *хорошуха*, *хорошайка*, *хорошава*, *хорошуля* (Д., IV, 562); 'красавчик, щеголь' – *хорошай* (Д., IV, 562); 'нарядная одежда' – *прихорошка* (СРНГ, 32, 51).

В древнерусском языке *хорошии* 'красивый', 'прибранный, убранный', *хорошавыи* 'щеголь' (ЭССЯ, 8, 80).

Для определения направления семантического развития концепта <красота> рассмотрим три этимологии слова *хороший* (хотя их гораздо больше, как было отмечено выше).

1. Слово *хороший* образовано от **xorostь* (см. диал. *хорость* 'удобство, красота, приятность') < *хоръѣ*. Однокоренные слова: *хорошит*, *хорошит* 'лушить, чистить (кукурузу, фасоль и т.п.)', *хараший*, *харашун* 'коновал', *харошыць* 'чистить' и подобные (ЭССЯ, 8, 80). «Предложенная гипотеза объясняет исход слова и учитывает скрытые стороны значения слова *хороший* и

гнезда ('скрести', 'чистить'), вполне отвечает этимологии реконструкции *sker-/skor-* ("ЭССЯ, 8, 80). При такой этимологии восстанавливается такая семантическая цепочка: 'очищенный', 'чистый' > 'хороший' > 'красивый' > 'хороший'. Однако тогда возникают вопросы: почему в говорах и в древнерусских текстах у этого слова бытовало первоначальное значение 'красивый'.

2. В.П. Гудков восстанавливает для слова *короста* праславянскую форму **k/xors-ta*, а древний корень прилагательного *хороший* в виде **xors-*. Происхождение этого прилагательного он связывает с видом древнего украшения – зернью, при котором узор наносится припаиванием мелких металлических шариков на металлический фон. Соответственно выстраивается такая семантическая цепочка: 'бугорчатый, пёстрый' > 'украшенный, узорный' > 'красивый' > 'хороший' [26]. Эту этимологию поддерживает также Ю.В. Откупщиков [27]. Однако, на наш взгляд, развитая полисемия данного слова противоречит этому предположению.

3. Ряд этимологов (Бернекер, Ягич, Брюкнер) считают, что *хороший* соотносится с *хоронен*, *хоронить*, хотя Фасмеру кажется это менее вероятным (Ф., IV, 267). Эта версия представляется нам убедительной. На наш взгляд, она поддерживается следующими фактами. В «Этимологическом словаре славянских языков» указано, что праславянский глагол **xorniti (se)* с древним значением 'кормить, питать' образован от имени **xorna*, которое в разных славянских языках имеет значение 'корм, пища, питание' (ЭССЯ, 8, 76-79). Древнерусский глагол *хоронити*, кроме значения 'прятать, скрывать', имел значения 'хранить, беречь' и 'соблюдать' (ЭССЯ, 8, 79). В русских говорах у данного глагола известны значения 'хранить, держать' (Новосиб.) и 'беречь, стеречь' (Пск.) (ЭССЯ, 8, 79). С этими древними значениями можно соотнести значения слова *хороший*, зафиксированные в русских и белорусских говорах. В вологодских говорах [28]: 'здоровый, крепкого сложения' (*Хорошой люд обран на войну*. Волог.; *Невеска хорошая у нас, кровь с молоком*. Вельс.), 'обладающий здоровьем, не больной' (*С утра быў хороший, а после обеда занемог*. Вож.; *А где мне хорошей-то быть, всё болит*. Тотем.), 'здоровый, сохранивший здоровье, не состарившийся' (*Старуха у иё пывко хорошая*. Тотем.; *Отец ешио хорошей, из годов не вышеё*. Харов.; *Мужик хороший ещё, а она-то всё время болеет*. Верх.), 'красивый' (*Девки у нас хорошие*. Сямж.). В переходном говоре Лоевского района Гомельской области слово *харошы* (белорус.) имеет пять значений [29], среди которых есть такие: 'крепкий, плотный, полный' (*Томка харошая, а Валя худенечкая*), 'красивый' (*Да такая ж деўка була, як дунай, харошая такая; Чалавек як падчэпурыца, дак харошы*).

Таким образом, если принять эту этимологию, то возможны две семантические цепочки: 1) 'кормить' > 'вскормленный' > 'полный', 'крепкий, здоровый' > 'красивый', ср. со словами *гойти*, *гойный*; 2) 'кормить' > 'хранить, беречь' > 'сохранённый' > 'здоровый, не больной' > 'здоровый, крепкий' > 'красивый', ср. со словом *добрый*.

Выводы. Сема 'красота' развивается у слов в семантической структуре многих исторических гнёзд русского языка, что позволяет считать это языковое значение концептом. У этого концепта в процессе его выражения в различных лексемах обнаруживаются всегда две стороны содержания: сущностная и феноменальная. Феноменальная сторона всё время видоизменяется, варьирует, но остаётся неизменной, так как представляет одно и то же явление и одну и ту же сущность. Рассматривая материальное проявление красоты, человек поднимается до понимая красоты как вечной идеи. Платон писал: "Красота вечная несотворённая и не погибающая, которая не увеличивается, но и не оскудевает, которая неизменна во всех частях, во все времена, во всех отношениях, во всех местах и для всех людей. И эта вечная красота не представится его воображению в конкретном виде лица, рук, или какой-либо части тела, ни в виде какой-нибудь беседы или знания. И эта красота не представит, как нечто, находящееся в чём-нибудь другом, хотя бы, напр., в каком-нибудь живом существе, на земле или на небе, или в каком-нибудь ином предмете, но как нечто такое, что, будучи однородным, существует всегда независимо само по себе и в себе самом. А все остальные прекрасные вещи имеют к ней такое отношение, что между тем как сами они и возникают и гибнут, она решительно нисколько не увеличивается и не уменьшается" [30].

Процессы семообразования в исторических корневых гнёздах, связанные с концептом <красота>, отражают структуру его смыслового поля, характер проявления этого феномена, но не затрагивают его сущности.

Словари

Д. – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. – СПб.; М., 1880-1882.

СВГ – Словарь вологодских говоров. / Ред. Т.Г. Паникаровская; Л.Ю. Зорина. – Вологда, 1983 и сл. (по выпускам).

Сл.РЯ XI –XVII вв. – Словарь русского языка XI –XVII вв. – М., 1975 и сл. (по выпускам).

СДРЯ – Словарь древнерусского языка. Т.1- 4. – М., 19

СРНГ - Словарь русских народных говоров. – М.; Л., 1965 и сл. (по выпускам).

Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1-3. – СПб., 1893-1903.

Ф. – Этимологический словарь русского языка. Т.1-4., М., 1964-1973.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / Под ред. О.Н. Трубачёва. – М., 1974 и сл. (по выпускам).

1. Яцкевич Л.Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд // Слово. Семантика. Текст: Сб. научных трудов, посвященный юбилею проф. В.В. Степановой / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб., 2002. – С. 76-79.
2. Трубачёв О.Н. ссылается на обзор в книге: Buck C. D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages 1191. etc.: Beautiful.
3. Лосев А.Ф. Имя и знание // Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. – М., 1999. – С. 173-174.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992. – С. 135.
5. Buck C. D. Words of speaking saying in the Indo-European languages. – AJPh XXXVI, 1915, 127.
6. Лебедева Т.В. Структура и семантика корневых гнезд с корнем *-бас-* в вологодских говорах. Дипломная работа. Научный руководитель – Л.Г. Яцкевич. – Вологда 2000.
7. Там же.
8. Схиархимандрит Иоанн Маслов. Симфония по Творениям святителя Тихона Задонского. – М., 1996. – С. 433.
9. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. – С. 70.
10. Казакова О.В. Эволюция исторического корневого гнезда с корнем *-god-* в русском языке. Дипломная работа. Научный руководитель – Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2000.
11. Фокина А. Реконструкция структуры исторического корневого гнезда с корнем **-ǵi-/ -goi-/ -gai-* в праславянский период // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. X. – Вологда, 2002.
12. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. – С. 104.
13. Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. – Изд-во СПб. Университета, 2001. – С. 251.
14. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. Добро и зло. – СПб., 2001. – С. 136.
15. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. Добро и зло. – СПб., 2001. – С. 137.
16. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. Добро и зло. – СПб., 2001. – С. 193.
17. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. Добро и зло. – СПб., 2001. – С. 195. Автор ссылается на: Иссерлин Е. М. История слова *красный* // Русский язык в школе, 1951, 3, с.85-89.
18. Климкова Л.А. Слово в русской языковой картине мира: кумулятивная функция // Аспекты лингвистических исследований. – Тверь, 2003. – С.261. См. также: Климкова Л.А. “Лад” в русской языковой картине мира // Человек. Язык. Искусство. Материалы научно-практической конференции. – М.: МГПУ, 2002.
19. Климкова Л.А. Слово в русской языковой картине мира: кумулятивная функция. С.262.
20. Климкова Л.А. Слово в русской языковой картине мира: кумулятивная функция. С.264.
21. Белов В.И. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1982. – С. 7.

22. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. Добро и зло. – СПб., 2001. – С. 189.
23. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. – С. 28.
24. Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства. – М., 1959. – С. 151-152.
25. Обзор различных этимологий см. у Фасмера (Ф., IV, 267), в «Этимологическом словаре славянских языков» под ред. О.Н. Трубачёва (ЭССЯ, 8, 80), а также: Гудков В.П. Три русские этимологии (*майка, хороший, хмурый*) // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. – С. 34-38; Варбот Ж.Ж. *Хорохориться* и *хороший* // Русская речь. – 1980. – 1. – С. 138-141.
26. Гудков В.П. Три русские этимологии // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V.- Изд-во Московского ун-та, 1966. – С. 35-36.
27. Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. – С. 385.
28. Картотека словаря вологодских говоров. Вологда, кафедра русского языка ВГПУ.
29. Даугяля Г.А. Сінанімічнае гняздо прыметнікаў у пераходнай гаворцы // Беларуская мова. Міжведамасны зборнік. Вып. 14. – Мінск: Выдав. “Універсітэцкае”, 1986. – С. 79-88.
30. Платон. Соч. Т. 2. – М., 1970. – С.142.

Е. П. Андреева

Слова дѣлати и дѣло в составе специальной лексики старорусского языка*

В последние десятилетия в лексикологии существует закономерный интерес к проблеме формирования промысловой лексики старорусского периода. Анализ специальной лексики предполагает выявление базовых лексем, составляющих ядро различных терминосистем. В старорусском языке, на наш взгляд, таковыми являются глагол *дѣлати* и существительное *дѣло*. В качестве основного источника использовались данные «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» и материалы его картотеки [1].

Глагол *дѣлати* занимает одно из центральных мест в составе специальной лексики. Данный глагол является многозначным. В основном значении ‘трудиться, работать’ глагол *дѣлати* отмечен, как свидетельствует «Словарь русского языка XI-XVII вв.», в конфессиональных памятниках XI-XII вв. [2]. С XVI в. слово *дѣлати* в указанном значении широко употребляется в документах деловой письменности: *Дѣлал Костица четыре дни, бревна из воды валял и скоблил за ту же мѣру*. Кн. прих. Корел. м. № 941, 16. 1575 г. – КДРС. *Дѣлал члвек около лодьи два дни*. Кн. Унск. ус. Ник.-Кор. м. 1609 г. – ГААО, ф. 191, оп. 1, т.1, д. 39, л. 25.

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (грант №02-04-00054а)

Глагол *дѣлати* активно функционирует в составе специальной лексики и в производном значении 'изготавливать, создавать что-либо': *Живеть дворомъ своимъ око(н)чины дѣлаеть*. Вед. Сп.-Прил. м. 1703 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 75, л. 2-2 об. *А неводъ дѣлайте тотчасъ, не откладывать бы вдалъ*. Пам. 1668-1679 – АЮБ II, 705. Указанное значение реализуется в сочетаниях с прямым дополнением, обозначающим объект действия, продукт труда (*дѣлати барки, валь, гвозди, горнь, горшки, двери, кожи, цепи, цыренъ, чуланъ* и т.д.) Как свидетельствуют многочисленные примеры, это значение глагола *дѣлати* является самым частотным.

Анализ семантической валентности глагола показывает, что обозначаемое им действие предполагает указание на субъект и объект: *Судовой мастер Пружининской Максимъ Павлов дѣлал про монастырьской обиход двѣ барки*. Кн. расх. К.-Бел. м. 1606-1607 – Ник., ОССХI. Для точного описания производственного процесса при глаголе *дѣлати* широко использовались существительные в роли семантического актанта, указывающего на способ действия: *Дѣлали на Колмогорах три кожи дубленъ/ю дал от дѣла десятъ/ы алтын*. Кн. расх. Корел. м. 1563 г. ; № 937, 26 – КДРС. Глагол *дѣлати* мог управлять и семантическими сирконстантами, указывающими цель действия: *Ис тех криць дѣлають доски желѣзные на горшки*. Гр. Устюж. 1702 – РГА-ДА, ф. Оруж. п., д. 35766, л. 1. Такое употребление глагола в сочетании с существительными позволяло всесторонне описать действие.

Поскольку глагол *дѣлати* в отмеченный период выражает базовую семантику 'изготавливать, создавать' и обозначает родовое понятие, в памятниках деловой письменности его значение нередко уточняется путем употребления ряда глаголов-гипонимов: *Июля въ КГ день дѣлали заднюю трубу волочили трубки вон да и в трубу садили и пересаживали четырежды*. Кн. уч. Сп.-Прил. м. 1606 – ДПРС I, 40. Более узкое, видовое значение этот глагол мог выражать в составе терминологических сочетаний: например, в кожевенном промысле употребляются составные термины *дѣлати кожи дубленью*, *дѣлати дубом* 'дубить кожу'; *дѣлати кожу на сыромяти*, *дѣлати сыромяти* 'обрабатывать кожу, вымачивая и затем отбивая и разминая ее'; *дѣлати овчину* 'выделывать овечьи шкуры'. В мельничном промысле используется сочетание *дѣлати крупу* 'молоть, измельчать', в лесном деле *дѣлати лесъ* 'вырубать'.

В языке деловой письменности XV-XVII вв. в различных терминосистемах (строительном, плотничном и кузнечном деле, судостроении, бондарном промысле и пр.) широко употребляется видовая пара анализируемого глагола *сдѣлати*: *И въ анбары сдѣлатъ двери полуколодные съ прибойными досками*. Порядн. УВ 1680 – АХУ I, 523. *Ворота арбатцкие а к ним велено сдѣлат решотка а в неѣ надобно 19 полос вверхъ в длину по 5 сажен полоса да попережных ж 36 полос 3 сажени ... да к ней 600 гвоздеи щивальных*. Гр. Устюж. 1630 – РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 37, л. 4. *Сдѣлал для привозу из Софѣйской дом ... новую лодью дліной пятнатцать сажен а поперег середь лодьи пять сажень о двух порубняхъ с шакшей*. Гр. Вол. 1664 – САСК (С), 34. *Того ж числа*

дано бочару Прошке двадцать рублей, за тѣ денги здѣлал он десять дшанов на капусту. Кн. солян. пром. № 22, 119. 1662 г. — КДРС.

Другие приставочные глаголы с предельным значением, образованные от глагола *дѣлати*, характерны для определенного промысла. Так в терминологической системе лесного дела отмечается глагол *выдѣлати* в значении 'вырубить': *А выделать нам тот лѣс в нынѣшном во 180-м году и поставить водным путем на Петров день и Павлов в Лосте рекѣ на исадах*. Гр. Леж. Вол. 1671 — САСК (С), 164. *А сѣчь жерди огородные еловые и осиновые ядреные и прямые и, выделав жерди, приприводить на Вологду*. Гр. Леж. Вол. 1679 — ОСВ, 3, 47. В строительном деле использовались глаголы *вздѣлати* и *подѣлати* в значении 'возвести, построить': *Взделать два крылоса окольные проходны не к стене; околь крылосной забирать в косяк з брусем*. Порядн. Троицк. в. 1637 — САС III, 415. *На церкви верх и на олтари сводить клином, а клин на церкви в высоту рубить по тесу три сажени печатных. Из клина взделать шея и маковицы*. Порядн. Устькул. в. 1680 — САС III, 424. *Да в церкви ж взделать два буроньдачка для книги*. Порядн. Троицк. в. 1637 — САС III, 415. *Баня подѣлати и каменница перекласти*. АИ II, 61. 1605 г. — КДРС. В кожевнном промысле употреблялся глагол *издѣлати* в значении 'выделывать, обработать (кожу, овчину)': *Романовские хрестьяне Митка Ларин издѣлал 100 овчин да томка дѣлал 100 овчин дал им отъ дѣла полтину*. Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1567 — Ник., OLXVIII. *Изделал две кожи на сыромать на гужи дал от дела 3 ал. 2 ден.* Кн. прих.-расх. Унск. пр. 1597 — ВХК, 181. В иконописном деле использовался глагол *отдѣлати*: *А писати мнѣ Василью тѣ иконы неотходно, покамѣсть тѣхъ всѣхъ иконъ наготово не отдѣлаю, нигдѣ индѣ не подряжатись и на сторону иконъ не писати*. Порядн. зап. 1674 — АХУ II, 990.

Еще большей активностью в производственно-техническом стиле старорусского языка обладало существительное *дѣло*. Слово *дѣло* имело в специальной лексике XV-XVII вв. основное значение 'обязательная работа, повинность': *Да пошли къ вамъ на Ковжу работники, а с ними салдать Надежда, а приказали мы ему надъ ними присматривать и на дѣло наряжать*. Пам. Ковжа 1668-1679 — АЮБ II, 705. В составных наименованиях это значение конкретизируется: *городовое дѣло, острожное дѣло* 'трудовая повинность по строительству и содержанию города, острога': *Делали городовое дѣло: бревна на сваи и на подвязи ронили и тес на кружала и желобы на кровли тесали*. Кн. город. К.-Бел. м. 1656 — Пам. Вол., 160.

Второе значение слова *дѣло* 'род занятий, ремесло, промысел' носит более конкретный характер, как правило, указанное значение развивается у лексемы в сочетании с определителями: *городовое дѣло, емчужное дѣло, иконное дѣло, каменное дѣло, воротное каменное дѣло, колоколное дѣло, колоколничное дѣло, корабельное дѣло, кузнечное дѣло, кузничное дѣло, оружейное дѣло, плотничное дѣло, сидовое дѣло, сечное дѣло, смольное дѣло, соляное дѣло, ствольное дѣло* и т.д. Обратимся к отдельным примерам:

Был он, Константин, въ Вологодцком уѣзде в Глушицком монастырѣ для иконново дѣла. Гр. Вол. 1669 – ОСВ IX, 58. Наимовал казаков возити кирпичю и дров и х каменному дѣлу к паперти подымщиков итого в расходе 3 рубли 8 алтынъ 3 денги. Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1610 – Ник., ОСССВІІ. Старец Власей наймовал казаков к воротному делу х каменному. Кн. расх. Сп.-Прил. м. 1588 – ВХК, 309. Возили къ колоколному дѣлу на два заводы глины да песку да клетку съ плота, да дровъ зъ берегу, да слегъ на дрова. Расх. каз. денег Куропол. в. 1620 – АХУ I, 52. Да Еришу за бревна даль 48 алт. за двадцать четыре бревна к колоколничному делу. Пам. расх. Куропол. в. 1615-1619 – АХУ I, 31 и т. д. У отмеченного значения можно выделить семантический оттенок ‘изготовление, производство чего-либо’. И взяти намъ отъ того дѣла за стѣнники и за мастерство девяносто рублевъ, а подошву есми сами дѣлали церковную. Порядн. на кам. работы Белоз. 1552-1553 – АЮБ II, 776. Обычно для реализации этого значения требуется наличие прилагательного: горшечное железное дѣло, горшковое дѣло, заслонное дѣло, иконное дѣло, кирпичное дѣло, кожевное дѣло, подошевное дѣло, решеточное дѣло, сковородное дѣло, укладное дѣло. Троска валится от горшечного желѣзного дѣла. Росп. Устюж. 1702 – РГАДА, ф. Оруж. п., д. 49232, л. 53. Подѣловали горшокъ желѣзной ветчанъ изъ вотчины на шти, дали кузнецу отъ дѣла горшкового десять денегъ. Кн. расх. 1585-1589 – РИБ 37, 67. Кутили на земской розход на заслонное дѣло у шуянина у Елизара Фомина дватцатъ пят(ь) полицъ желѣза иренного. Арх. Ант.-Сийск. м., № 13, 7. Кн. расх. 1649 – КДРС.

Значение ‘изготовление, производство чего-либо’ могло конкретизироваться при употреблении лексемы дѣло в составе двухкомпонентных терминов, образованных по модели: (глагол. + от) сущ. + от сущ. в род. п.: дѣло отъ кожъ, дѣло отъ кожи сыромяти, дѣло отъ сыромяти ‘обработка и выделка кож’: Дал Ивану Кожевникову от дѣла от кож шестнатцать алтын четыре денги. Кн. о сол. д. Ник.-Кор. м. 1617 – ГААО, ф. 1, оп. 1, № 77, л. 23 об. – 24. Дано от кожи от сыромяти от дѣла гривна. Кн. прих.-расх. Вол. арх. д. XVII в. – ГАВО, ф. 948, оп. 1, д. 2, л. 65 об. Дано от дѣла от сыромяти яловичной пять алтынъ. Кн. прих.-расх. Ник.-Кор. м. 1641 – ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, № 267, л. 5 об. Еще большая дифференциация этого значения достигается за счет указания конкретного вида обрабатываемой кожи: дѣло козлинь, дѣло овчинъ ‘выделка козьих, овечьих шкур или кож’: От дѣла коз/линь. Кн. зап. Вол. 1704 – ГАВО, ф. 496, оп. 1, л. 17 об. Дано о(в)чиннику Семену... о(т) двуна(т)ца(ти) овчи(н) о(т) дѣла от овчинъ по Г (де). – Кн. прих.-расх. Вол. арх. д. XVII в. – ГАВО, ф. 948, оп. 1, № 2, л. 65.

Значение лексемы дѣло ‘строительство, изготовление, сооружение’ реализовывалось в таких СН, как: езовое дѣло, иконостасное дѣло, острожное дѣло, садовое дѣло, церковное дѣло, церковное кровельное дѣло. А ез бьют весие на полой воде, как лед пройдет, 20 человеки, опричь монастырей, недель 6. А на езовое дѣло лес добывают в своих лесех. Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, л. 1569 об. Да того ж числа золота двоинога столяру Власу з братом... к ико-

ностасному дѣлу. Кн. выд. Сп.-Прил. м. 1693 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 149, с. 6 об. По записи за кузнечное дѣло что ковка гвоздья к церковному делу і за той гвоздяную ковку отдал в отплату два рубли денег. Гр. Холм. 1688 – ГАОО, ф. 1025, оп. 1, д. 258, л. 1. Мы отъ нихъ отъ соборныхъ поповъ дѣлали острожново дѣла сажень, обрубъ въ своемъ лесу срубили и осыпъ звели и ровъ копали и вычистили доготова. Отп. УВ 1618 – АХУ I, 178. А мимо то церковное дѣло, намъ плотникомъ инде нигде иново дѣла не дѣлатъ, а дѣлатъ намъ плотникомъ то церковное дѣло безотступно и неоплошно безъ простою. Поручн. УВ 1617 – АХУ I, 163. Отъ того церковного кровельного дѣла отъ всево 53 рубли денегъ. Поручн. УВ 1617 – АХУ I, 163.

Слово дѣло могло обозначать в различных промыслах не только процесс, но и сам продукт труда, изделие. Это значение реализовывалось в СН с определителями железное дѣло, кузнечное дѣло, сковородное дѣло: Делают котлы и иные всякие желѣзные дѣла. Гр. Устюж. 1700 – РГАДА, ф. Оруж. п., д. 35766, л. 12. Кузница, гдѣ лѣтомъ кузнецы къ каменному строенью всякое кузнечное дѣло куют и связные свары свариваютъ. Гр. Арх. 1670 – ДАИ VI, № 5. А самъ он Карпушка того сковородного дела никакова не куетъ. Гр. Устюж. 1702 – РГАДА, ф. Оруж. п., д. 49232, л. 26. Как свидетельствуют приведенные примеры, развитию предметного значения способствовало как использование определителей со словом дѣло, так и употребление его в составе конструкций с глаголами: делать железное дѣло, ковать кузнечное, сковородное дѣло.

Слово дѣло использовалось не только в качестве опорного компонента различных составных терминов, но и в составе определителей. Существовала устойчивая формула для локативной характеристики продуктов труда различных промыслов: сущ. + компонент дѣло в форме родительного падежа с прилагательным. По этой модели образованы СН пушка домашнего дѣла, шкатуля холмогорского дѣла: Пушка мѣдная... прозванием Задора, длина два аршина, тринадцать вершковъ, домашнево дѣла. Кн. описн. К.-Бсл. м. I, 5. 1668. Куплена шкатуля о два жира холмогорсково дѣла. Кн. прих.-расх. УВ 1681 – АХУ I, 541.

Наконец компонент дѣло в форме творительного падежа в сочетаниях с глагольными словами употреблялся для обозначения 'способа сооружения': гладкимъ дѣломъ, клетцкимъ дѣломъ. А церковь ставить как в Кириловѣ монастырѣ церковь Успения пресвятыя Богородицы, гладкимъ дѣломъ. Порядн. на кам. раб. Белоз. 1552-1553 – АЮБ II, 776. Мы порядили... делать храм новой теплою с трапезою во имя Благовещения святой Богородицы клетцким дѣлом на два верха с предѣлом. Порядн. Троишк. в. 1637 – САС III, 414.

Приведенные примеры убедительно показывают полифункциональный характер термина дѣло. Данная лексема обладает диффузной семантикой, что является характерной особенностью многих старорусских терминов. Но, как правило, контекст позволяет дифференцировать значения компонента дѣло, даже в том случае, когда употребляются многозначные составные термины.

Так в памятниках деловой письменности XV-XVII вв. фиксируются СН *городовое дѣло* 'повинность' и 'род занятий, промысел', *иконное дѣло* 'род занятий, промысел' и 'изготовление, производство', *кузнечное дѣло* 'род занятий, промысел' и 'изделие' и т.п.

Проведенный анализ свидетельствует о том, многозначный глагол *дѣлати*, обладающий полигрупповой сочетаемостью, и существительное *дѣло* играли большую роль в складывании производственно-технического стиля старорусского языка. Отмеченные лексемы функционировали в составе терминосистем различных ремесел и промыслов. Слова *дѣлати* и *дѣло* обладали высокой активностью в образовании составных наименований, в результате могли выражать как обобщенное действие, явление, так и конкретное.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина – СПб., 2003. Вып. 1.
2. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1977. Вып. 4. С. 204-205.

Л.А. Цыцылкина

Семантика глагола *рубить* и его дериватов в старорусском языке*

При изучении промысловой лексики внимание, как правило, уделяется именам существительным, поскольку становление и развитие той или иной терминосистемы осуществляется прежде всего за счет субстантивов. Однако без исследования глаголов-терминов восстановление объективной картины формирования определенной лексической группы невозможно.

Старорусские терминологические глаголы нередко имеют размытую семантику, синкретичны, поэтому способны сочетаться со словами разных тематических групп. Таким образом, в составе промысловой лексики преобладают двух- и трехвалентные глаголы, зависимое существительное при которых может обозначать объект, способ, место, цель действия и т.д. [1]

В лексической системе русского языка донационального периода глаголы образуют ряд групп, объединяясь на основе того или иного семантического признака. Как отмечает В.Г. Гак, "действие – это понятие с нечеткими границами и должно интерпретироваться в виде полевой структуры"[2]. Среди множеств, составляющих глагольную систему старорусского языка, выделяется поле глаголов строительства, архилексемой которого выступает слово *строить*. Данное поле в свою очередь можно разделить на два микрополя. Объединяющим началом их являются архисемы 'строить из дерева' и 'строить из камня'.

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 02-04-00054 а.

Первое микрополе в силу объективных причин является более многочисленным. Так, по данным двух первых выпусков «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», глаголы – названия плотницких операций преобладают (53 лексемы), в то время как количество глаголов, называющих процессы, связанные со строительством из камня, – 12 лексем. Отмеченное поле обладает четкой структурой, между его членами наблюдаются обширные деривационные связи слов, выявляются родо-видовые, синонимические отношения.

Внутри рассматриваемого множества лексемы объединяются на основе ряда интегральных семантических признаков:

1. 'строить (построить) из дерева здание, сооружение в целом': *рубить (срубить), взделать, взнимать, воздвигнуть, совершить*.

2. 'строить, изготовлять из дерева часть сооружения': *нарубить (нарубить), прирубать (прирубить), подрубать (подрубить), сводить (свести), решетить (обрешетить), мостить (намостить), бить, побивать (побить), втирать, ополубить, опушить, разобрать (тесом), и др.*

3. 'обрабатывать поверхность чего-либо': *тесать (вытесать), скоблить (выскоблить), желобить, дорожить, пазить и др..*

4. 'заготавливать строительный материал': *рубить (вырубить), ронить, вынимать, вырубать (вырубить), драть, наскоблить, сечь (насечь) и др.*

Среди лексических единиц, называющих плотницкие операции, словом с наиболее общим значением, архилексемой, является глагол *рубить (срубить)*: семантический признак 'строить из дерева', входящий в лексическое значение всех элементов микрополя представлен здесь в чистом виде, без дополнительных сем. Также можно отметить отсутствие жанровой обусловленности термина, его частотность. Глагол *рубить* является вершиной корневого гнезда, обладает широкой лексической сочетаемостью, следовательно, играет большую роль в формировании старорусской терминосистемы строительного дела.

Целью настоящей статьи является установление особенностей семантики и синтагматики глаголов старорусского языка, входящих в корневое гнездо с вершиной *рубить*.

По мнению ряда лингвистов, лексическая сочетаемость не зависит от грамматической характеристики слова и может быть определена «согласованием» на уровне смысла. Валентность лексемы обусловлена частичным совпадением/несовпадением семантических множителей слов в синтагме: в предметном значении содержится указание на свойства предмета, в значении действия может быть представлена сема субъекта, результата, орудия или объекта, с которым связано действие [3].

Рассмотрим семантику глагола *рубить (срубить)*. По данным исторических словарей, в старорусском языке слово имело несколько значений: 1. '*рубить, срубить (дерева); заготавливать лес рубкой*'; 2. '*наносить раны, умерщвлять, ударяя с размаху чем-л. острым*'; 3. '*разрубать, размельчать рубкой*'; 4. '*вырубая в бревнах пазы и шипы, изготовлять деревянную постройку*';

строить, соорудить из бревен, брусьев'; 5. 'облагать сбором' (СлРЯ XI-XVII, 22, 227).

По мнению О.Н. Трубачева, исконным у глагола *рубить* (*срубить*) является значение 'строить (построить) из дерева' (праслав. **rabati* / **robiti*, русск. рубить). Значение 'рубить, рассекать вообще' – вторичное [4].

Являясь многозначным, глагол способен сочетаться со словами разных тематических групп. Выделим группы существительных, управляя которыми глагол реализует свое этимологическое значение:

1. названия строений: *Плотники...рубили Пахомьеву кѣлю з сѣнми и курицы и застрѣшины желобы дѣлали дано им от дѣла 25 алтынѣ*. Кн. пр.-расх. К.-Бел. м. 1605 – Ник., OCLXXVIII. *На первой срок, как он храм обложит и почнет рубить, дати пятнацать рублев*. Порядн. Троицк. в. 1637 – САС III, 415. *А мы з братею старец Тарасеи с трудниками бревна выронили и вывозили, и срубили избу и синник*. Гр. Ник. Мокр. пуст. 1681-1684 – САСК (К), 268.

2. названия частей строений: *А на четверне рубить бочка четвероконечна накрест*. Рядн. У.-Вымь 1683 – ИИАО IV, 73. *А на церквах четверик и осмерик рубить в замок*. Рядн. Важ. у. 1666 – ИИАО II, 319.

В редких случаях объект строительства не называется, указан только характер трудовой операции: *А до поднапертного моста рубить как пригож, а наперть на выпусках полторы сажени*. Порядн. УВ 1672 – САС III, 422.

3. названия строительных материалов: *А храм делать по сей записе: бревна рубить и скоблить вольная сторона и взнимать*. Порядн. Троицк. в. 1637 – САС III, 415.

В значении 'заготавливать рубкой' глагол *рубить* выступает, сочетаясь с лексемами *лес, дрова*: *Аще кто в лѣсѣ дров рубя не постережет, но падѣ дерево и убьет вола... дастъ животину за животину*. Кн. законные, 51 XV в. – XII-XIII вв. – СлРЯ XI-XVII, 22, 227. *А лишнего и на продажу лѣсу и дровѣ въ томѣ въ заповедном Солотчинском лѣсу отнюдѣ и никакого бѣ лѣсу не рубили*. АЮБ I, 336. 1682 г. – там же.

Наиболее последовательно терминологическое значение глагола реализуется в составных наименованиях с зависимой предложно-падежной формой существительного или наречием. В этом случае в лексическом значении глагола актуализируются различные семантические признаки: 'строить здание или его часть определенным образом' (*рубить клетки, рубить вверх, рубить на четыре стороны, рубить на два ската и т.п.*) или 'строить, изготавливать часть (деталь) здания, используя какие-либо плотницкие приемы' (*рубить в брус, рубить в лапу, рубить в угол, рубить в замок, рубить в ус, рубить в притинь*).

Составные наименования первой группы характеризуют процесс возведения церковного здания в целом или его верхней части: *Церковь Пророка Ильи теплая деревяная рублена клетки*. Кн. писц. УВ 1676-1683, 74. *Другая церковь Рождество Христово деревяная переделывают, рубят вверх*. Кн. писц. Углич. у. 1593-1594, 24. *И верх на обое лавки срубили на два ската*. Кн. расх.

УВ 1678-1679 – ТКМГ III, 276. *А рубить верх на церкви над подволокой сь разводом на четыре стороны.* Рядн. У.-Вымь 1683 – ИИАО IV, 73.

Семантику составных наименований второй группы можно представить следующим образом:

рубить в брус (рубить брусом), рубить в лапу – «строить из дерева, не выпуская концы бревен за пределы наружной плоскости стены»;

рубить в угол – «строить из дерева, оставляя спаружи короткие концы бревен, углы»;

рубить в замок – «строить из дерева, соединяя углы, вырубая на концах бревна зубцы определенной формы, вставляя их в пазы других бревен»;

рубить в ус – «строить из дерева, соединяя бревна под углом» (Ср. *ус* – ‘угловатое соположение досок’) [5].

Значение составного наименования *рубить в притинь* специальными и историческими словарями не зафиксировано.

Ср.: *Настоящая церковь от полу въ верхъ рублена въ брусъ.* Кн. описн. Княг. у. 1672, 143. *Колокольня деревяная, рублена брусом, о четырех стенах, покрыта тесом.* Кн. вкладн. К.-Бел. м. 1693, 167. *А под ту большую соборную главу срубить шестерня брусовая в лапу.* Наемн. Минецк. пог. 1700, 521. *Село Лубяницы, а в нем церковь... рублена в угол, пизменная.* Кн. описн. Княг. у. 1672, 156. *А углы у колокольни рубити в замок.* Порядн. Верхов. в. 1643, 418. *На церквах срубить полатка в ус, а на полатке здѣлать пять глав.* Порядн. Вол. 1700, 281. *А внутри углы рубить до подволоки в притинь и стены тесать и выскоблить.* Порядн. УВ 1672, 422.

Основной дифференциальный признак, на основе которого противопоставляются значения данных составных наименований, – ‘способ соединения бревен в строении, срубе’.

По данным картотеки «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», корневое гнездо с вершиной *рубить* включает 11 глаголов: *врубить, вырубить, дорубить, зарубать, зарубить, нарубить, обрубить, отрубить, подрубить, прирубить, прорубить, разрубить, срубить*.

Памятники деловой письменности старорусского языка свидетельствуют о высокой частотности видовой пары – глагола *срубить*: *Мы отъ нихъ отъ соборныхъ поповъ дѣлали острожново дѣла сажень, обрубъ въ своемъ лесу срубили и осыпъ звели и ровъ копали и вычистили доготова.* Отп. УВ 1618 – АХУ I, 178. Кроме того, проведенный анализ позволяет судить о разнообразной акционсартной семантике производных лексем. Значения дериватов обусловлены семантикой приставок и лексическим значением управляемых слов.

Дорубить – результативный завершительный способ глагольного действия: *Изба, что куплена у Матфѣя Ширяева, вверху дорубити и сомшить и покрыть.* ДАИ X, 132. 1682.

Врубить – «вделать, укрепить что-либо в углублении, вставить (о деревянном строении), врубить»: *И в таможенной избе нижней пол намостили и брусье подволочное врубили.* Кн. расх. УВ 1678-1679 – ТКМГ III, 244. Общее значение приставки *в* – ‘поместить внутрь чего-нибудь’.

Сходное значение имеет приставка в глаголе *прорубить* – ‘направить действие сквозь что-нибудь, вглубь’: *Противо сохи прорубить окно близь потолка для сушения векошных бечев или в морозы для таенья*. Росп. труб д., 191.

Глагол *вырубить* в зависимости от управляемых существительных выступает в двух значениях: «заготовить лес, вырубить» (значение приставки – ‘довести до результата действие’): *вырубить намъ подрятчикомъ въ своемъ сосновомъ добромъ ядренѣмъ лѣсу гладкихъ и несукватыхъ бревенъ на церковное строение*. Порядн. Вол. 1700 – ИИАО III, 281. В сочетании с существительными – названиями строений семантика глагола сужается: *вырубить избу баню* – «срубить нужное для постройки число деревьев». *А кто явится сторонней человекъ въ монастырскомъ лѣсу вырубить избу или баню или клѣтъ, или овинъ, и съ того имать десятая жъ пошлаина чего та хоромина по оуѣнке судить*. АИ V, 333. 1689 г.

Семантика глаголов *зарубать* и *зарубить* расходится в силу многозначности префикса. Глагол *зарубать* употребляется в составе устойчивого терминологического сочетания *зарубать зубцы* – «изготавливать рубкой украшение по краю кровли в виде острых выступов»: *И спуски спустить по аршину, и зубцы зарубать*. Поручн. УВ 1617 – АХУ I, 162. Значение приставки за продуктивное в специальной лексике, – ‘распространить действие на часть предмета’. Оно реализуется в глаголе *зарубить* – «сделать выемку на чем-либо топором или иным рубящим орудием»: *заруби зарубки над нижними ставы, толко шесты, чтобы не замешатся, а став и догруз не снимаючи*. Росп. труб. д., 199.

Сравнивая семантику терминов *нарубить*, *подрубить*, *прирубить* со значением производящего глагола, можно выделить дополнительную сему, указывающую на место совершения действия.

Нарубить (нарубить) – ‘строить, изготавливать из дерева’ + ‘часть здания’ + ‘над чем-либо, сверху’ (ср. надстроить): *А с стопы храмовые подвести вверх полсажени и шея новая нарубить*. Порядн. Троицк. В. 1661, 131. *Нарубал верхъ у служни избы Василеи Корѣянин с товарищи, дал от дѣла 6 алтын*. Кн. прих.-расх. Ант. м., № 1, 225 об. 1588 г.

Прирубить (прирубить) – ‘строить из дерева’ + ‘часть здания’ + ‘рядом, в непосредственной близости’ (ср. пристроить): *И к тѣмъ церквамъ прирубить две паперти*. Порядн. Вол. 1700, 281. *Ис покупного же лѣсу устюжанин Яков Прокопѣв Пономарев прирубил к таможенному винному анбару и к таможене пристен двоежырной*. Кн. прих.-расх. УВ 1678-1679 – ТКМГ III, 245.

Подрубить (подрубить) – ‘подводить (т. е. пристраивать снизу - Л.Ц.) новые венцы к бревенчатому строению’ (СлРЯ XI-XVII, 16, 49; ср. *подруб* – ‘ряд новых венцов, подведенных под сруб’; там же): *Дал Якову церковному мастеру рубль денег за то ж за церковное дело, что церковь подрубал*. Кн. пр.-расх. Ант.-Сийск. м. 1578, 104. *Жытница подрубить на вевери да и покрыть дертием новым*. Порядн. Важск. у. 1634 – Рус. яз. Ист., 179.

Обрубить – «сделать из бревен ограду, сруб, обвязку» (СлРЯ XI-XVII, 12, 160). Общее значение приставки – ‘направить действие вокруг чего-нибудь’: *Круг двора обрубили обруб*. Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 2, 154 об. 1574 г.

Приставки глаголов *отрубить*, *разрубить* синонимичны – ‘отделить что-либо’, однако терминологическое значение лексем расходится: *Да под колокольнею отрубити анбар надвое, да двои двери в анбары простые, а третие двери в колокольню колодные*. Порядн. Верхов. в. 1643 – САС III, 418. *И к тѣм церквам прирубить двѣ паперти, а межъ притвором и трапезою розрубить пополам*. Порядн. Вол. 1700 – ИИАО III, 281. *Лѣсъ нам крестьяномъ по чему розрубимъ, бревенъ ли, тесницъ и скалъ везти и мох на нось*. Дело Холмог. 1694 – АХУ I, 1127. Как видим из примеров, глагол *отрубить* – трехвалентный, управляет существительными со значением объекта действия, места действия, к нему примыкает наречие, обозначающее способ действия, следовательно, можно представить семантику термина так: ‘строить из дерева’ + ‘часть здания’ + ‘разделяя ее на отдельные помещения’. Глагол *разрубить* имеет в первом случае сходную валентность, во втором примере сочетается с названиями строительных материалов, его значение полностью обусловлено семантикой префикса – «разделить на части рубкой» (ср. глагол *рубить* в знач. 4).

Необходимо отметить, что, хотя семантика рассмотренных глаголов обусловлена их морфемным строением (префиксы на-, при-, под- указывают на место совершения действия; в-, про- об- – направление действия), в их лексическом значении имеются имплицитные семантические компоненты, указывающие на конкретную реалию, на которую направлено действие. Данные семы определяют способность слова сочетаться с существительными определенных тематических групп: *нарубить верх*, *нарубить шею*, *нарубить шатер* (т.е. верхняя часть здания) и под.; *прирубить паперть*, *прирубить придел* (т.е. пристроенная часть здания); *подрубить подруб*, *подрубить амбар* (т.е. нижняя часть здания) и под. Сочетаемость терминов можно представить в виде нескольких моделей:

1. действие → объект действия (*рубить келью*, *срубить обруб*, *подрубить житницу*, *вырубить избу*, *прорубить окно*, *нарубить шею*, *рубить бочку*, *врубить брусью*);

2. действие → способ действия (*рубить в лапу*, *рубить в замок*, *рубить в ус*, *срубить на два схода*, *отрубить надвое*, *разрубить пополам*);

3. действие → средство действия (*подрубить лесом*) – модель непродуктивна.

Анализ лексических единиц, входящих в микрополе ‘названия плотничьих операций’, позволяет говорить о том, что оно представляет собой особую разветвленную систему, стержнем которой является многозначный глагол *рубить*. Данный глагол, обладая широкой лексической сочетаемостью, является гиперонимом для ряда составных наименований (*рубить клетски*, *рубить вверх*, *рубить в брус*, *рубить в лапу*, *рубить в угол*, *рубить в замок*, *рубить в ус*). Семантическая валентность производных терминов обусловлена

значением префиксов, как правило, дериваты – это переходные глаголы, которые сочетаются с прямым дополнением, обозначающим объект действия. Богатые синтагматические связи глагола *рубить* и его производных реализуются при функционировании лексем в старорусском языке.

Наблюдения над данными лексемами свидетельствуют о том, что становление и формирование производственно-технической терминологии началось еще в допетровскую эпоху, в старорусском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреева Е.П. Глагольная лексика в составе промысловой терминологии старорусского языка. // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002. – С. 180.

2. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 78.

3. Коссек Н.В. К вопросу о лексической сочетаемости // Вопросы языкознания 1966, № 1. – С. 97.

4. Трубаев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. – М.: Наука 1966. – С. 149.

5. Стахович М.А. Народные технические выражения // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. – Т. 3. – Вып. XVII-IX. – Спб., 1856. – С. 368.

С. Б. Парняков

Слова *анбар*, *сарай*, *житница* в русском языке XVIII века (на материале памятников вологодской деловой письменности)

В статье описывается значение, сфера употребления, особенности происхождения и сочетаемости в русском языке XVIII века трех слов, входящих в лексико-семантическую группу «названия строений»: *анбар*, *сарай*, *житница*, а также рассмотрены особенности (конструкционные, функциональные, расположения) строений, обозначаемых данными лексемами.

Материалом для написания статьи послужили памятники вологодской деловой письменности XVIII века, а также центральные печатные издания, сельскохозяйственные инструкции и словари того же периода.

Анбаром и *сараем* в XVIII веке могли называть вообще всякое строение или помещение, используемое для хранения чего-либо.

Так в местных памятниках деловой письменности нередки упоминания амбара как хранилища для хлеба, вещей, различных припасов: «унес из анбара ржи четыре, овса две четверти» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 560. Л. 7 об. 1786), «к анбару, где хлеб лежал» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 560. Л. 7 об. 1786),

«и потом ходили в анбар... где и нашли ржи четыре пудовки» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 710. Л. 7 об. 1788), «у которого крестьянина имеется близ его дому по обычаю крестьянскому для всыпания всяких родов хлеба и прочего звания домовых пожитков анбар» (ГАВО. Ф. 592. Оп. 1. Д. 178. Л. 3 об.), «анбар старой крыт желобьем двери на железных петлях с замком в нем шесть сусеков а в них хлеба пшеницы пять четвериков ржи один четверик... семени льняного пять четвериков сена четыре воза... двадцать возов ржаной соломы» (ГАВО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 184-184 об. 1780-1797), «и знаком ему тот анбар потому что в прошлом году содержал его из найму и хранил в нем сено» (ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 619. Л. 30 об. 1780-1797), «в анбаре где хранился... деготь» (ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 619. Л. 33. 1780-1797), «увидел на анбаре, где хранилось имение...» (ГАВО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 30. 1780-1797), «в ночи покрали из анбаров их неведомые люди разных вещей женского платья, холста и прочего» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 555. Л. 6 об. 1793), «Рогачеву для поклажи отведен был анбар в котором и хранил свое имущество» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 606. Л. 4 об. 1796), «схожено в анбар двери и унесено разного шкрабу в двух сундуках и в одной коробке» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 1222. Л. 3 об. 1792), «покрадено из оног анбара денег и разных пожитков...» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 724. Л. 9 об. 1788).

Приведенные выписки, помимо указания на характер использования строения, именовавшегося *анбаром*, содержат и сведения о его конструктивных особенностях: наличия крыши, отдельного входа с прочными дверьми «на железных петлях и замком», приспособлений, например, сусеков.

Все это позволяет говорить об амбаре как отдельно стоящей постройке. При этом *анбаром* могли называть помещение, верхнего или нижнего яруса, используемое для тех же нужд: «под горнищей анбар» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 6), «изба, под ней анбар» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 8), «под сенми анбар» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 10), «клеть на анбаре» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 14 об.), «горница на анбаре» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 25), «анбар под ним сеновня» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 35), «анбар над ним два сушила в одной связи» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 144 об.), «сенник под ним анбар» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 40 об.), «анбар под ним погреб» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 11 Об), «под анбаром две стаи» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 39), «конюшно над ним анбар» (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 110).

Сооружение таких двухэтажных строений, состоящих из помещений различного назначения, было характерным явлением не только для XVIII, но и XVI-XVII веков. М.Г. Рабинович в связи с этим замечает: «В XVI-XVII веках не только в богатых, но и в домах рядового населения... надворные постройки нередко были высокими — погреб имел «напогребницу», на амбаре могло быть «сушило» или «сенница»...»¹.

Следует также отметить, что в ряде случаев амбар мог иметь небольшой низкий полуэтаж, используемый для хранения сундуков с различными вещами².

Слово *анбар* в памятниках деловой письменности XVIII века часто встречается в составе терминологических сочетаний (данный способ номинации (синтаксическая деривация) существовал в русском языке и в более ранний период, характерен он и для современной терминологии³), наиболее ярко характеризующих конструкционные особенности данного строения характер его использования.

Словосочетанием *анбар хлебной* (*хлебной анбар*, *хлебенной анбар*) в памятниках вологодской деловой письменности называли строение (помещение) для хранения зерна: «хлебной анбар» (ГАВО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 29. 1780-1797), «анбар хлебный» (ГАВО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 30. 1780-1797), «ходил он с товарищами к вышеписанному крестьянину... в хлебной анбар для воровства» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 724. Л. 9. 1788); то же и в предшествующий период: «в хлебом анбаре...» (ГАВО. Ф. 1260. Кор. 10. Д. 183. Л. 29. 1690), «хлебенной анбар» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 142. Л. 9. 1685).

Рассматриваемое словосочетание зафиксировано и некоторыми толковыми словарями XVIII века: «хлебный амбар» (САР. 1. 28).

Для обозначения строения (помещения) для хранения сена в памятниках вологодской деловой письменности начала XVIII века встречается словосочетание *анбар сенной*: «два анбара сенных деревянные» (ГАВО. НСБ. 7847. 64 об.), «анбар сенной» (ГАВО. НСБ. 7847. 109 об.). Рассматриваемое составное наименование не было локально ограниченным (Сл. рус. яз. XI-XVII. 1. 5; Сл. рус. яз. XVIII. 1. 570).

Помимо прямого указания на продукт, вещь и т.п., хранящиеся в амбаре (например, *анбар снастной* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 52), *анбар соляной* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 52) и т.п.), рассматриваемые словосочетания могли содержать указания на характер использования строения: *анбар запасной* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 67), *анбар кладовой* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 2 об.; ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Л. 361, 398, 399. 1791-1792; ГАВО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 86. Л. 23. 1782); или же одновременно на то и другое: *анбар кладовой соляной* (ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Л. 398. 1791).

Терминологические сочетания *анбар прядиленной* (ГАВО. НСБ. 7847. 86 об.), *анбар дуботолчной* (ГАВО. НСБ. 7847. 210), *анбар дубной* (ГАВО. НСБ. 7847. 8), *анбар дубиленной* (ГАВО. НСБ. 7847. 8), *анбар смолной* (ГАВО. НСБ. 7847. 71), *анбар молотовой* (АИЕС. 204. 1713), *анбар мельнишной* (АИЕС. 204. 1713), *анбар угольной* (АИЕС. 205. 1713), *анбар кирпишной* (АИЕС. 204. 1713), *анбар рудной* (АИЕС. 205. 1713), являлись названиями строений производственного назначения (с указанием вида производства), распространенных на территории Вологодской губернии⁴.

Конструктивные особенности амбара, расположение его относительно других строений отражаются в словосочетаниях: *анбар поземный* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 10), *анбар двойной* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 10), *анбар двоежитный* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 14 об.), *анбар о два жителя* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 28 об.), *анбар в дву стенах* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 34 об.), *анбар двоежирный* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 48 об.), *анбар одна жителя* (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 110),

анбар каменный (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 280 об.), анбар с навесом (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 398 об.), отставной анбар (ГАВО. НСБ. 7847. Л. 16 об.).

Анализ семантики данных словосочетаний позволяет говорить о том, что слово анбар в XVIII веке служило именованьем различных по функциональному назначению и конструктивным особенностям строений (помещений), активно использовалось для образования устойчивых терминологических сочетаний.

Строение (помещение) для хранения хлеба в русском языке XVIII века могло иметь и специальное (наряду с общим, например, рассмотренным выше — *анбар*) название — *житница* (вероятно, от жито — «хлеб» (Сл. рус. яз. XI-XVII. 5. 119), известное не только на Вологодчине: «житницы и другия хлебныя места от голубей, ворон и воробьев, а особливо от мышей и кротов тща-тельно затыкать и хранить» (ЭУ 1791. 163. 1791), «житницы и сарай, в которые класть хлеб, сено и прочее, прежде осмотреть» (СХИ-1. 63. 1719), «хлеб молочной... всыпать в житницы» (СХИ-1. 62. 1719), «в государевых житницах всякой хлеб молочной по перемеру а немолоченой в кладях по опыту принять» (СХИ-1. 11. 1703), «молоченой в житницах всякой хлеб» (СХИ-2. 171. 1759), «житницы с хлебом велеть караулить... а замки у житниц и печати где будут приложены осматривать» (СХИ-1. 32. 1781).

Слово *житница* отмечено и в словарях рассматриваемого периода: «hog-geust — житница, хлебной анбар» (Геснер. 1. 620. 1796), «житница, хлебный сарай» (Вейсман. 536).

Как было отмечено выше, слово *житница* в значении «строение (помещение) для хранения хлеба» зафиксировано и в памятниках местной деловой письменности: «на огороде житница» (ГАВО. НСБ. 7847. 122 об.), «у крестьянина Андрея Черняева изба две горницы двор святыя образа баня житница погреб» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 1478. Л. 7. 1793), «у крестьянина Григоря Казакова дом изба горница с святыми образами и банею и с погребом и з двором с житницею» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 1478. Л. 5. 1793).

В некоторых сельскохозяйственных инструкциях XVIII века, написанных московскими помещиками, слово *житница* встречается также в значении «помещение для хранения мякины»: «а ухоботье всякое... всыпать в особую житницу... также мякину всякую... всыпать в особую житницу» (СХИ-1. 62. 1719); «в сухие ветряные дни окошки в житницах верхние велеть открывать и на всякой чрез три месяца велеть ухоботье и мякину от стены к другой стене перекидывать» (СХИ-1. 63. 1719).

В данном значении рассматриваемое слово было, видимо, синонимично слову *мякинница*, обозначавшему строение для хранения мякины.

К общим названиям строений и помещений, используемых для хранения чего-либо, можно отнести и слово *сарай*: «вблизи конюшни надлежит иметь сараец для поклажи конской сбруи» (КРГА. 1789. 75), «при том дворе гошпиталь и сарай на телеги и ящики полковые» (ПИК. 1722. 103), «близ хлебов надлежит сделать сарай для поклажи корма» (КРГА. 1789. 76), «близ хлебов сделать сарай для поклажи сена» (Сокр. Вит. 1789. 60), «оставшееся сено в

стогах, скирдах и сараях, пересуша, перетрясти» (ЭКД 1780. 37), «житницы, сарай, в которые класть хлеб и сено и прочее» (СХИ-1. 63. 1719), «а солому яровую... положить в сарай... а колос всякой... положить в особый сара» (СХИ-1. 62. 1719).

В памятниках деловой письменности Вологодского края слово *сарай* употребляется примерно в том же значении – «хозяйственное строение для хранения различных вещей, кормов, сельскохозяйственных орудий и прочего»: «два сарая ... для ... сена и денных всяких припасов» (АИЕС. 205. 1713). При этом слово отмечается (в том числе и словарях XVIII века – «сарай – р. повесть» (РЛ. XVIII. 369)) и в более конкретном значении: «помещение на скотным двором для хранения сена и хозяйственного инвентаря»: «над воротами сараец» (ГАВО. НСБ. 7847. 26), «стая скотья над ней сарай» (ГАВО. НСБ. 7847. 22 об.), «конюшно над ним сарай» (ГАВО. НСБ. 7847. 251 об.) «взяв огня и взошед на сарай подложила под солому отчего и зделался великой пожар» (ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 221. Л. 29 об. 1783).

В данном значении в настоящее время слово употребляется на территории Вологодской области в районе г. Череповца, в междуречье Сухоны и Юга, Ваги и Вожеги⁵.

В русском языке XVIII века слово *сарай* употреблялось также в значении «строение для содержания скота»: «надобно сделать большой покрытой сараи для проежживания молодых и манежных лошадей» (Гор. и дер. коновал. 1783. 9), «овца живет около десяти лет... стужа есть главнейший неприятель сей скотины, почему и должно их сохранять от оной и давать им корм в их сараях» (Гор. и дер. коновал. 1783. 366), «сарай, хлев, или загон для скотины, тыном, кольями огороженный» (Геснер, 1796. 1. 183).

Сараем могли именовать строения (помещения) производственного назначения: «для обжигания того кирпича делана печь и сарай» (ДЛПР 17-18. 33. 190).

Как и рассмотренное ранее слово *анбар*, *сарай* в текстах XVIII века нередко встречается в составе терминологических сочетаний, где дается характеристика строению по содержанию, характеру использования, конструктивным особенностям и др.: *сарай судовой* (ГАВО. НСБ 7847. 52а), *сарай придиленной* (ГАВО. НСБ 7847. 87 об.), *сарай кирпичной* (ГАВО. НСБ 7847. 109), *сарай дуботолчной* (ГАВО. НСБ 7847. 207 об.).

Последние три словосочетания, возможно, были синонимичны рассмотренным ранее: *анбар придиленной*, *анбар дуботолчной*, *анбар кирпичной*.

Наличие устойчивых словосочетаний со словом *сарай* отмечается и в текстах центральной печати, различных сельскохозяйственных инструкциях рассматриваемого периода. При этом строение характеризуется с точки зрения его содержимого: *хлебный сарай* (ЭМ. XI. 1782. 33-34), *сенной сарай* (ЭМ. XXXII. 1787. 196), *каретный сарай* (КРГА. 1789. 75; СХИ-1. 86. 1724); конструктивных особенностей: *теплый сарай* (СХИ-1. 124. 1725), *сарай на столбах* (АИЕС. 205. 1713), *сарай деревянный (каменный)* (Псков и пригороды. 252).

1699; Блт. 3. 297); характера использования: *молотильный сарай* (ЭМ. VII. 1781. 329) и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рабинович М.Г. Русское жилище в XII-XVII веках // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С. 183.

² Беловинский Л.В. Изба и хоромы: Из истории русской повседневности. – М., 2002. – С. 109-110.

³ Чайкина Ю.И. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: оно-масиологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси) // Русская региональная лексикология и лексикография: Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1999. – С. 7.

⁴ Подробнее об этом см.: Фалин Н.В. Краткое топографическое описание г. Вологды в XVIII веке. – ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 1-5; Тюрнин И.А. Прошлое города Вологды. – ГАВО. – Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 361. – Л. 1-9; Засецкий А.А. Исторические и топографические известия по древности о России и частно о городе Вологде и его уезде. – М., 1782. – С. 62-64; Иноходцев П. Описание городов Вологодского наместничества с их округами // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. – СПб., 1793. – Ч. X. – С. 300-328 и др.

⁵ Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части России). Карты. – Вып. 3. – Часть 1: Лексика / РАН. Института русского языка им. В.В. Виноградова. – Минск, 1997. – Карта № 17.

Список использованных сокращений и источников

АИЕС. Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970.

Блт. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков, 1783-1795: В 3-х т. – М., 1993.

Вейсман. Немецко-латинский и русский лексикон Э. Вейсмана. – СПб., 1731.

ГАВО. Государственный архив Вологодской области. – Ф. 833, 88, 883, 1260, 177, 476, 847, 592.

ГАВО. НСБ. 7847. ГАВО. Научно-справочная библиотека. № 7847: «Книга переписная с мерой 1711 и 1712 годов. Переписи и меры Ивана Шестакова и Василья Пикина».

Геснер. Полной латинской Геснеров лексикон с российским переводом, с прибавлением к нему греческих слов и российского реэстра, вновь исправленной и умноженной Дмитрием Синьковским. – М., 1796-1798. – Ч. 1-3.

Гор. и дер. коновал. 1783. Городской и деревенский коновал, или Собрание необходимо нужных наставлений, каким образом заводить, содержать и лечить лошадей, коров и овец... – М., 1783.

ДЛПР 17-18. Двинской летописец (пространная редакция) // ПСРЛ. – Т. 33. – Л., 1982. – С. 109-125.

КРГА 1789. Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству, изданное для народных училищ Российской Империи. – СПб., 1789.

ПИК. Памятники по истории крестьян XIV-XIX вв. / Под ред. А.Э. Вормса, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтера, А.И. Яковлева. – М., 1910.

РЛ XVIII. Рукописный лексикон первой половины XVIII века. – Л.: ЛГУ, 1964.

САР. Словарь Академии Российской 1789-1794: В 6-ти т. – М., 2002.

Сл. рус. яз. XI-XVII. Словарь русского языка XI-XVII вв. – Вып. 1 - ... М., 1975.
Сл. рус. яз. XVIII. Словарь русского языка XVIII вв. – Вып. 1 - ... М., 1975 - ...
Сокр. Вит. 1789. Сокращенный Витрувий, или совершенный архитектор / Пер.
Ф. Каржавина. – М., 1789.

СХИ-1. Материалы по истории сельского хозяйства России: Сельскохозяйственные инструкции (первая половина XVIII века). – М., 1984.

СХИ-2. Материалы по истории сельского хозяйства России: Сельскохозяйственные инструкции (вторая половина XVIII века). – М., 1987.

ЭМ VII. Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов... – Ч. VII-XXXII. – М., 1781-1787.

ЭУ 1791. Экономический указатель, или порядочное расположение домашних дел / Пер. с нем. – 2-е изд. – М., 1791.

Л. Ю. Зорина

«Словарь вологодских говоров»: завершение приближается*

Словарь вологодских говоров, создаваемый в Вологодском государственном педагогическом университете с 1983 года, уже известен лингвистической общественности России. Этот словарь, выходящий отдельными выпусками /1/, отражает состояние народно-разговорной речи жителей центральных и восточных районов Вологодской области и строится на материале картотеки, составляемой с 60-х годов XX века по настоящее время.

Вологодская группа говоров (а именно ее лексический состав представлен в словаре) – одна из самых крупных и исторически важных единиц диалектного членения, входящих в северновеликорусское наречие. Вот почему словарь стал изданием, которое используют в своей работе не только диалектологи, но и историки языка, этимологи, акцентологи, а также русисты, занимающиеся вопросами разговорной речи и просторечия /2/.

Вологодские говоры имеют целый ряд выделяющих их и именно им присущих языковых особенностей, что отчетливо можно видеть при анализе материалов словаря. Поэтому так важен сам факт выхода в свет каждого выпуска словаря. К настоящему времени опубликовано 9 выпусков Словаря вологодских говоров. IX выпуск общим объемом 12,8 учетно-издательских листов, изданный в 2002 году /3/, включает в себя словарные статьи в алфавитном отрезке *рабангская – сеять*.

В работе над IX выпуском словаря принимали участие 8 членов словарного коллектива. Л.Ю. Зорина подготовила для 9 выпуска словаря словарные статьи *рука – ряхка, свадеблянии – свяц* и отредактировала материалы в алфавитном отрезке *рабангская – разыграть*, присланные Т.В. Парменовой. Е.П. Андреева представила словарные материалы в алфавитных отрезках *рыба – ряхка и секач – сенной*. О.И. Новоселова работала над словарными материалами в отрезке *саван – сбыточный*. Г.А. Дружинина написала сло-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 03-04-004 16 а.

варные статьи *роба – рожон, сгадаться – секать*. Л.М. Кознева обработала материалы в алфавитных фрагментах *рванина – ричаги, сесла – сеять*. Т.Г. Овсянникова провела работу по описанию материала в алфавитных отрезках *роза – рузенёк, сено – сирянка*. Т.Г. Паникаровская, инициатор создания Словаря вологодских говоров и редактор словаря, консультировала действующий коллектив по вопросам лексикографического представления словарного материала; а также подготовила статьи в алфавитном отрезке *простопеха – прыскуха*. Е.Н. Шаброва систематизировала словарные материалы в алфавитном фрагменте *расканилитель – рачиться*.

Материалы IX выпуска Словаря вологодских говоров убеждают в том, что с его страниц звучит колоритная живая русская народная речь. Фиксация особенностей речи жителей отдаленного северного края важна уже сама по себе, ибо диалектные особенности нивелируются под воздействием литературного языка и сильнейшим влиянием социальных факторов. Будучи записанными и отраженными в словаре, образцы народной речи сохранятся и будут доступны для восприятия читателями в будущем.

Процитируем некоторые иллюстрации, свидетельствующие об органичном использовании диалектных слов жителями исследуемого региона: *Вза'муж-то са'ма-то друга'я вы'шла; по'няли? Нет? Ну в положе'нии*. Хар. Никул. *Она' бои'тся, чтоб её не заруга'ли. Она' ведь за больши'ми рука'ми живёт. Сноха' не обожает, когда она' росска'зывает, да и сы'н тоже*. Сямж. Монаст. *У на'с вот в Бурни'хе есь – и зна'ю, как его' зову'т, – тако'й рабо'тник хороший, а ти'хонькой. Вот его' и зову'т рознотёплым. Доя'рки-те крича'т: «Рознотёпный прие'хал!»* Сямж. Монаст. *К но'чи до'ждь-то бы не сдо'бился*. Шексн. Кам. *Не пошла' за него' за'муж, так мои' родны'е так роспы'шались!* Нюкс. Бобр. *Как жони'х-то придёт, неве'сту запру'т в куть, и реве'т она' во всю' ро'жу*. К-Г. Коск. *Мне бы'ло шестьдеся'т пять рубле'й ря'жено за ле'то*. Тарн. Сверчк. *Когда со'лнышка нет да ве'тер ду'ет, серо-ного д'ьем и называ'ли*. Тот. Мос.

Богатый иллюстративно-цитатный материал делает Словарь ценнейшим источником не только для лингвистов и ученых других профилей, но и для широкого круга лиц, интересующихся народным языком и умеющих ценить его достоинства. Словарь может, по-видимому, привлечь к себе внимание писателей и поэтов, публицистов. Его читателями будут школьные учителя и методисты. К нему будут обращаться все, кого привлекает народная речь своей меткостью, яркостью, выразительностью.

Лексикографические принципы обработки и представления материала обеспечивают возможность использования Словаря самым широким кругом читателей. Здесь содержится немало сведений, ценных для краеведов и всех, кто интересуется жизнью края, его материальной и духовной культурой. Словарь отражает особенности вологодской речи в ее современном состоянии и, вместе с тем, представляет сведения о далекой старине. Это делает его весьма полезным для историков русского языка, русского народа, русской культуры.

Диалекты, наряду с литературным языком, являются одной из составляющих национальный русский язык, а значит, неотъемлемой частью культуры народа. В связи с этим Словарь вологодских говоров – явление гораздо большее, чем собрание образцов говоров определенной территории. Цели и задачи авторов-составителей словаря шире простой фиксации слов и их значений, понятий, за ними стоящих. Составители словаря показывают читателю традиции, склад ума, мировосприятие, мировоззрение, присущее жителям Вологодского края, т.е. их менталитет.

IX выпуск словаря многочисленными фактами иллюстрирует природные условия края. Так, представлены наименования разновидностей леса, деревьев (*ра́йда* – ива; *ро́поть* – березовая роща; *росля́к* – молодой лес из деревьев разных пород; *ро́поть* – чаща, дремучий лес; *ромши́на* – тонкий ствол молодого дерева и др.), особенностей ландшафта (*рёлка* – возвышенное место), погодных условий (*серопого́дые* – пасмурная погода; *ры́жечный дождь* – мелкий грибной дождь; *сды́нка* – ледяная корка на снегу, наст и др.).

В словаре обилён материал, отражающий особенности быта в Вологодском крае: *развала́* – сани с выгнутой задней стенкой; *разле́в* – глиняный горшок для приготовления теста; *ропотня́* – колокольчик, который надевали на шею корове; *рукава́* – сшитая из ситца или холста верхняя часть женской сорочки с длинными рукавами; *рукаве́ц* – нарукавник, которым пользовались жнецы, чтобы растения не кололи руку; *рукави́чница* – приспособление в виде сетки для просушивания сырых рукавиц; *рунду́к* – площадка большого крыльца, ведущего в крестьянском русском доме с *повити* на скотный двор; *рустави́ца* – сосуд типа ковши для переливания пива; *растату́ра*, *ратату́й* – род похлебки, приготовленной на воде из картофеля и лука; *рю́ница* – кушанье из сушеной репы, залитой кипятком, и мн. др.

В очередном выпуске словаря наглядно отражается важность в народном сознании таких понятий, как *работа*, *сердце*, *рука*, *брак*, *семейные отношения* и др. Словарные статьи, посвященные словам *рука*, *сердце* и др., весьма обширны, иллюстрированы достаточным количеством примеров, содержат в себе много фразеологических единиц, например: *не к рука́м куде́лька* – о неумелом человеке; *не с руки́* – неудобно, несподручно; *печа́ль на рука́х* – о грязных, непромытых руках; *поломи́ть ру́ки* – о выражении сильного удивления; *с руки́ разде́лка* – быстро, энергично; *у рук не быва́ло* – о человеке, которому не приходилось делать что-либо, иметь дело с чем-либо. Лексемы, однокоренные со словами *работать*, *свадьба*, *резать*, *ряд* и некоторыми другими, формируют значительные ряды образований: *работа́ть*, *работно́й*, *рабо́тный*, *рабо́чий*, *рабо́чий*; *сва́тальщик*, *сва́танье*, *сва́тарь*, *сватовщи́к*, *свату́н*, *свату́нья*, *свату́ха*; *резко́й*, *ре́знуться*, *резо́вый*, *резо́ц*, *резу́н*, *резуне́ц*, *резу́нья*; *ряди́льный*, *ряди́на*, *ряди́ть*, *ряди́ться*, *рядки́*, *рядно́й*, *рядово́й*, *рядо́м*, *ряду́шка* и др.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в IX выпуске Словаря вологодских говоров многочисленные лексемы представлены единичными

фиксациями /3, с.34 - 35/, что позволяет предполагать их окказиональный характер или недостаточность собранного материала. Однако не менее впечатляет и противоположное наблюдение, свидетельствующее о том, как хорошо диалект выполняет свою кумулятивную функцию: *рёлка* – 7 значений, *ряди'ть* – 8, *рыка'ть* – 9, *ря'ска* – 9, *салама'т* – 9, *са'льник* – 10 значений.

Словарь вводит в научный обиход новый материал, расширяющий познания не только о лексике говоров вологодского региона, но и о специфике языкового строя живой народной речи. Диалектологи найдут в этом выпуске немало единиц, не зафиксированных в известных словарях (*раздру'жба* – ссора, *рота'нь* – звуки, издаваемые ртом и напоминающие игру на гармонии, *рукосу'йничать* – вмешиваться в чужие дела, *рути'ть* – мутить, тошнить, *руша'ник* – пирог с картофелем, нарезанным ломтиками, и др.). Внимание привлекают редко отмечаемые в современных русских говорах уменьшительно-ласкательные слова типа *рукоте'рничек*, *рукотёшек*, *ра'жненький*, образования типа *розночу'й* – плохо слышащий человек, *ранноста'в* – человек, легко просыпающийся рано утром, и т. п.

В Словаре много слов, дающих меткую, образную характеристику человеку по различным его качествам: *разведе'нец*, *разведе'ник* – мужчина, находящийся в разводе с женой; *рапу'та* – невнимательный, рассеянный, нерасторопный человек; *развожжа'й* – неумелый, бесхозяйственный человек; *разже'ня* – человек, расторгнувший брак; *рагоза'* – непоседливый человек; *раде'йко* – всем довольный человек, весельчак; *ра'дко* – простодушный человек; *разгу'ла* – человек, злоупотребляющий спиртными напитками; *разори'до'м* – мужчина, оставивший свою семью, *разва'ра* – медлительный человек, *разля'нда* – нерасторопный, неумелый человек; *размужи'чье* – женщина, имеющая мужеподобную внешность или выполняющая мужскую работу, *растря'са*, *растепёха* – рассеянный, невнимательный человек, *расцеко'лда* – бойкая, энергичная женщина; *салагу'з* – эгоистичный, себялюбивый человек; *самозна'й* – высокомерный человек; *сапала'й* – задиристый ребенок и мн. др.

Еще более яркая, экспрессивная характеристика дается человеческим свойствам посредством фразеологических оборотов: *режь у'хо, а кро'вь не ка'нет* – о равнодушном, безучастном человеке; *рот на огоро'д* – о некрасивом человеке; *ни от ко'су ни от ро'ту* – о тихом, молчаливом человеке; *рот рази'нул, а пе'сни не поёт* – о человеке, который занимается в жизни не своим делом; *как я'блочко садо'вское* – о красивом человеке; *к себе'на'льцы гну'тся* – о жадном человеке и др.

В Словаре представлены многочисленные наименования народных праздников и обрядов: *радова'льница*, *ра'довница*, *ра'долина*, *ра'дунцы* – радунца; *размо'вы*, *размыва'ние* – обряд очищения, обмывания повивальной бабкой новорожденного, *раздава'ть кра'соту* – обряд прощания с девичеством, во время которого невеста раздает подругам свои украшения, ленты, заколки, и др. Лексические и фразеологические единицы отражают обычаи,

сложившиеся у народа на этой территории: так, фразеологизм *через сно'н не сва'тают* отражает обыкновение отдавать замуж сначала старшую дочь и только затем ту, которая моложе; наименования *разго'ня, разго'нщик* обозначают блюдо (обычно кисель, сладкий пирог или др.), которое подается в знак окончания застолья. Любопытны факты, свидетельствующие о трансформации в народном восприятии наименований христианских праздников: *рождество* – Рождество, *сви'жов день* – Воздвижение, *ра'довни'ца* – ра'довальница, *радова'ница, ра'довни'ца, ра'довоница, ра'долина, радова'сница, ра'дунцы* – радуница.

В ряде случаев материалы IX выпуска словаря могут содействовать решению теоретических вопросов русской диалектологии и науки о русском языке в целом. Они заставляют, например, пересмотреть положение о незначительной доле в словарном запасе народной речи слов с отвлеченным значением, а также о малочисленности лексико-грамматического класса наречий. Пласт слов с отвлеченным значением в IX выпуске словаря значителен: *раде'нье* – старание, *радове'сь* – удовольствие, наслаждение; *разли'чка* – различие, отличие; *разлюбова'нье* – то, чем можно любоваться, испытывая чувство удовольствия; *ра'зума* – разум, ум и мн. др. Словарь отражает также исключительное богатство вологодских говоров в области наречий, представленных здесь многочисленными образованиями: *ра'жо* – вполне достаточно, в избытке, много; *ра'зно* – раздельно, по видам, по сортам; *разоста'висто* – широко раздвигая меха (об игре на гармонии); *ра'не, ранёхочко, ранину'* – рано; *ре'дко* – медленно, не спеша; *ро'дко* – в изобилии, много; *ря'хом* – в беспорядке, кое-как; *самоу'кой* – самостоятельно, самоучкой; *свершны'х* – со спины лошади; *сво'ли* – снаружи; *сёгону* – в этом году; *се'дом* – усердно, старательно и мн. др.

Убедительным фактическим материалом подтверждается жизненная важность в российском народном лексиконе глагольной лексики (*работа'ть – работать, радеть* – радоваться; иметь интерес к чему-либо; *разбаси'ть – украсить, разбаси'ться* – нарядно одеться, *разве'дривать* – проясняться, *разве'ньгаться* – раскапризничаться; *разве'дриваться* – проясняться, *развесели'ть* – размешать что-либо до получения однородной массы; *разгрёмжити'ся* – расплакаться; *раздушни'ться* – рассердиться, обидеться на кого-либо, *разжвя'чить* – разжевать, *разжи'диться* – стать жидким, *размокропго'диться* – испортиться, стать дождливой – о погоде), имен прилагательных (*разва'льчивый* – нездоровый, чувствующий себя больным; *разви'листый* – широкоплечий; *развитно'й* – достигший высокого уровня развития, развитой; *разду'рно'й* – глупый, неумный; *рахма'льный* – несобранный, неактивный; *ро'хлый* – слабый, больной; *рушино'й* – младенческого возраста; *самолю'бный* – эгоистичный; *сед'атый* – седой и т.д.).

Словарь вологодских говоров дает обильные материалы для изучения диалектного варьирования слова (*раже* и *ражо*; *рукотерник, рукотёрник,*

рукотельник; сево'год, сево'года, сево'гуда, сево'гуду, сево'годы, сево'гуды, сево'гуда, сево'гуды, се'год, сёгод, сёгуду, се'годы, сёгоды и др.), для исследования процессов образования синонимии и дублетов (раздру'жба, разла'док, разра'та – ссора; руко'тёр, руко'тёрка, руко'тёрщик, руко'тёшек, руко'тя'жка, ру'шник, ру'ко'шник, редя'шка – полотенце из грубого холста для вытирания рук).

Значителен в IX выпуске словаря пласт местных, диалектных фразеологизмов: как из *решета'* – о большом количестве чего-либо; *рипс рипсо'м* – о плохо, небрежно одетом человеке; *за больши'ми рука'ми жить* – жить под чьим-либо контролем, не самостоятельно; *на кру'ту'ю ру'ку* – быстро, наспех, торопливо; *рых ряхом* – в беспорядке, кое-как; *воро'на сапоги' дала'* – о цыпках, трещинах на коже ног; *бежа'ть (течь) ру' stom* – течь сильной струей, ручьем; *ры дом реве'ть* – громко, отчаянно плакать; *семи'хино ружьё* – о человеке, который часто меняет свое мнение; *через сно'п не сва'тают* – об обычае не выдавать младшую дочь замуж раньше старшей; *ни бо'жьим ро'дом* – ни при каких обстоятельствах и мн. др. Количество подобных фактов велико, что определенным образом свидетельствует о наблюдательности диалектонологов, образном восприятии ими действительности, чувстве юмора.

Обращают на себя внимание зафиксированные в IX выпуске Словаря вологодских говоров формулы речевого этикета: *Руно' ше'рсти! На большо'е руно'!* – пожелание стригущему овцу; *Легота' в ру'ки!* – слова благодарности человеку за то, что потер в бане спину; *Река' молока'!* – пожелание тому, кто доит корову; *Разли'в ма'сла!* – пожелание хозяйке, которая сбивает масло; *Свеже'нько!* – благопожелание тому, кто черпает воду из колодца; *Гости'те други'м разко'м!* – приглашение тому, кто уходит или уезжает, еще раз прийти, приехать в гости; *рожёнко* – ласковое обращение к ребёнку. Наличие подобных стандартных выражений, обычно функционирующих в составе диалоговых единств, убедительно иллюстрирует регламентированность, этикетность коммуникации в народной культуре.

Вологодский словарь не позволяет согласиться с тем суждением, что в настоящее время территориальные диалекты представляют собой разрушившуюся, пережиточную категорию, нечто мертвое, нежизнеспособное. IX выпуск словаря отражает говоры как живую стихию, в которой не только сохраняется старина, но и формируется новая лексика. Так, например, в относительно недавнее время возникли наименования *прыску'ха* – баллончик с аэрозолем, *разо'рва – газ, предназначенный для бытового применения*, и др.).

Региональный вологодский словарь, дополняющий вологодские материалы в "Словаре русских народных говоров", представляет собой ценное пособие для изучения русских говоров Прикамья, Урала, связанных с вологодскими генетически, и для исследования говоров Сибири, т. к. базой многих сибирских диалектов является севернорусская основа, а среди выходцев в Сибирь было немало вологжан. Так, для изучения пермских говоров весьма любопытны данные Вологодского словаря о словах типа *разве ньгаться* (в пермской речи *веньгать, веньгун*).

Материалы вологодского словаря имеют большое значение для исследований по исторической лексикологии русского языка и этимологии. Так, слова с корнями *работ-*, *(раз)болок-*, *(раз)волок-*, *(раз)бая-*, *(раз)бас-*, *(раз)гои-* сопоставлении с материалами других русских территорий дают необходимые сведения для анализа изменений в структуре и семантике этих и других однокоренных слов в историческом аспекте, для установления их происхождения. Словарь отражает лексику субстратного происхождения и лексику из соседних финно-угорских языков: *райда* – ива, *ракита* – из карельского, финского языков /Фасмер, III, с.436/.

Последний, девятый выпуск словаря фиксирует ценные материалы для исследований в области исторического словообразования (ср. *рукосова'ть* *рукосу'й*, *рукосу'йничать*; *разлив*, *разлива'ха*, *разлива'шка*, *разливе'ц*, *разли'вистый*, *разли'вка*, *разливу'ха*, *разли'вчик*; *рога'тушка*, *рога'туш*, *рогу'лька*, *рога'тка*, *рогу'ля*, *рогу'шка*; *роди'на*, *ро'дня*, *родня'не*, *родовая*, *ро'зный*, *рознотёпный*, *розночueva'тый*, *розночуй* и мн. др.). Огромным количеством фактов представлено приставочное словообразование. Нельзя в этой связи не обратить внимания на приставки *раз-/рас-* и обильный, многообразный материал, иллюстрирующий их активность.

До сих пор широко распространено мнение о том, что в русский литературный язык сложные слова пришли в основном из книжной речи, из старославянского и других языков. Между тем материалы русских говоров не позволяли безоговорочно принять это положение. Они свидетельствовали о достаточно интенсивном образовании сложных слов в живой русской народной речи. Ярчайшие свидетельства обнаруживаются и в Словаре вологодских говоров. Ср. лексемы: *разоридо'м* – мужчина, оставивший свою семью, *розночу'й* – человек, который плохо слышит, *ранноста'в* – человек, который легко просыпается рано утром, *рукоде'йство* – рукоделие, *рукоде'лить* – заниматься рукоделием, *рукоде'ль* – рукоделие, *рукоде'льник* – предмет домашнего изготовления, *рукосу'йничать* – вмешиваться в чужие дела, *рукоде'йство* – рукоделие и мн. др. Поражает словообразовательная активность числительного *семь*: *семиба'течный*, *семибрато'вщина*, *семигла'зка*, *семидву'ха*, *семиды'ра*, *семире'зка*, *семиру'к*, *семиру'чка*, *семисёлка*, *семишёлковый*, *семишо'вный* и др. Диалектные материалы подтверждают, что в народном сознании данное число (количество предметов, единиц меры) является особенно значимым, наполненным важным содержанием.

Словарь хорошо представляет географическую терминологию Русского Севера, что актуально не только для исторической лексикологии и диалектологии, но и для ономастики, т. к. дает основание для установления происхождения многих топонимов Русского Севера, Урала и Сибири (ср. *ра'йда*, *ра'мень*, *ра'менье*).

Своевременна фиксация многих диалектных слов, позволяющих реконструировать прозвища, ставшие основой многих русских фамилий, что делает словарь необходимым для работы в области антропонимики.

В историческом плане данные Словаря вологодских говоров представляют значительный интерес для историков и двух других восточнославянских языков – белорусского и украинского. Зафиксированные в вологодских говорах слова *разбо́лока'тить*, *разбо́лока'ть*, *разбо́лока'ться*, *разбо́локну'ть*, *разбо́локну'ться*, *ро'бить* и др. помогут в интерпретации их семантики и особенностей развития в славянских языках.

В наименьшей мере значимы показания представляемого выпуска словаря и для науки о современном русском литературном языке. Материалы словаря в ряде случаев проливают свет на семантику лексем и фразеологических единиц различных типов.

Словарь вологодских говоров, по мнению известных диалектологов, обладает определенными положительными качествами научного лексикографического описания диалектной лексики и заслуживает всевозможной поддержки для успешного завершения его и неотложной публикации.

Труд коллектива составителей словаря получил не только признание педагогической общественности, но и высокую оценку со стороны органов государственной власти. Он стал первым в истории Вологодской области коллективом, удостоенным в 1998 году Государственной премии Вологодской области. 10 составителей семи выпусков словаря – Т.Г. Паникаровская, Е.П. Андреева, Р.Ф. Богачева, Г.А. Дружинина, Л.Ю. Зорина, Л.М. Кознева, А.П. Ларионова (посмертно), О.И. Новоселова, Т.В. Парменова, Л.Г. Яцкевич – стали лауреатами этой премии.

Поддержка РНГФ, оказанная коллективу составителей Словаря вологодских говоров (гранты 99-04-004 17 а, 03-04-003 16 а), помогла решить некоторые проблемы лексикографов. Тем не менее вологодские диалектологи все же испытывают нужду в приобретении современной компьютерной, аудио- и видеозаписывающей техники, картотечных ящиков и достаточного количества каталожных карточек. Коллектив составителей словаря в перспективе планирует переиздание его в 3-4 томах в дополненном и откорректированном виде в твердом переплете.

Заказы на имеющиеся в продаже 7, 8 и 9 выпуски Словаря вологодских говоров можно направлять по адресу: 160035, г. Вологда, проспект Победы, 37, кафедра русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 1. А-Г. – Вологда: ВГПИ, 1983. – 143 с.; Вып. 2. Д-З. – Вологда: ВГПИ, 1985. – 184 с.; Вып. 3. З-И. – Вологда: ВГПИ, 1987. – 128 с.; Вып. 4. К-М. – Вологда: ВГПИ, 1989. – 93 с.; Вып. 5. М-О. – Вологда: ВГПИ, 1990. – 129 с.; Вып. 6. О-П. – Вологда: ВГПИ – «Русь», 1993. – 124 с.; Вып. 7. П. – Вологда: ВГПУ – «Русь», 1997. – 168 с.; Вып. 8. П. – Вологда: ВГПУ – «Русь», 1999. – 120 с.
2. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 14. – М.: Наука, 1987. – С. 4.
3. Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 9. Р-С. – Вологда: ВГПУ – «Русь», 2002. – 129 с.

А. А. Веселовский о вологодском народном слове*

Александр Александрович Веселовский (род. в 1880 г.) по окончании Петербургского университета занимался историей литературы, служил в библиотеке Императорской Академии Наук и в Российской книжной палате. (В 1920 г. он жил в Вологде, где работал в Научно-техническом комитете Вологодского совнархоза и Вологодской публичной библиотеке. Тогда же А.А. Веселовский выполнял обязанности секретаря созданной при библиотеке Комиссии по библиографии Севера. Он занимался также преподавательской деятельностью, был профессором Вологодского педагогического института (в предисловии к Программе для собирания сведений о народном говоре ученый упоминает о том, что он преподавал историю русского языка диалектологию [1], в архиве ВГИАХМЗ сохранились и его учебные материалы: конспекты, выписки из трудов известных лингвистов). А.А. Веселовский являлся деятельным членом кружка краеведения, созданного в педагогическом институте (тогда Вологодский институт народного образования) в 1921 г. Активно участвовал он и в работе ВОЙСК. А.А. Веселовский (совместно с сыном) создал не утративший своей значимости библиографический труд «Вологжане-краеведы» (Вологда, 1923 г.). Публиковал краеведческие статьи в вологодских газетах и журналах («Вологодская жизнь», «Красный Север», «Северный край»).

Архивные материалы ВГИАХМЗ свидетельствуют, что сферой, в которой наиболее плодотворно трудился А.А. Веселовский, была библиография. Можно также говорить об активной деятельности А.А. Веселовского в области фольклора (среди его трудов представлены записи песен, частушек, различные описания свадебного обряда, игр и др.).

Значительное место в архиве А.А. Веселовского занимают и разнородные диалектные материалы. Это библиографические сведения, программы сбора материала (диалектно-этнографические и диалектные), лексика: списки слов разного объема (от нескольких десятков до нескольких сотен), описание фонетики и грамматики вологодских говоров.

Разнородность данных материалов объясняется различными причинами, в частности, научными интересами А.А. Веселовского и сферой его профессиональной деятельности. Очевидно, что изучение лексики вологодских говоров для него было неразрывно связано с занятиями краеведением, а точнее этнографией. Такой подход, основанный на совокупном изучении родственных наук, берет свое начало еще в XIX в. [2]. Занятия этнографией неизбежно привлекали внимание исследователей к народной речи, позволяющей наиболее точно идентифицировать и локализовать описываемые явления материальной культуры. С другой стороны, этнографические данные широко использовались (и используются) при описании диалектной лексики. На необ

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 03-04-003 16 а.

ходимость координации сведений об объектах, изучаемых данными гуманитарными науками, указывается и в наши дни [3]. По-видимому, А.А. Веселовский осуществлял этнографические и диалектные наблюдения параллельно, поскольку в его записях далеко не всегда разграничиваются лингвистические данные и данные, фиксирующие самобытность крестьянского быта. Среди текстов в архиве ВГИАХМЗ хранится рукопись пособия по краеведению «Очерки по истории изучения быта и творчества крестьян Вологодской губернии (Очерки по истории Вологодской этнографии), 1820-1917» [4]. Представлены в архиве также «Очерки по истории изучения быта и творчества крестьян Вологодской губернии (Очерки по истории Вологодской этнографии), 1922-1927» (машинопись) [5] и «Опыт конспекта вологодской диалектологии с приложением образцов записей народной словесности и библиографией» (Вологда, 1928. Машинопись) [6]. Следует отметить, что в очерках по истории этнографии речь идет и о работе по сбору диалектного материала.

А.А. Веселовский, активно пропагандируя краеведческую деятельность (в том числе и в средствах массовой информации), постоянно обращал внимание на значимость диалектологии при изучении родного края. По мнению А.А. Веселовского, знакомство с вологодской диалектологией «для всякого педагога-краеведа...обязательно. ...Говорить о значении изучения русских говоров не приходится: они являются составными частями русского языка, перед которым благоговели лучшие наши писатели» [7]. В одной из статей он призывает: «Отнесемся же к нему [*русскому слову* - Л.К.] внимательно и бережно и во время общей ломки ненужного хлама и старья сохраним нашу исконную звучную, меткую, хлесткую народную речь» [8]. А.А. Веселовский обращает внимание и на значимость изучения говоров для этимологии: «Изучение говоров и в частности местных слов (провинциальных) важно и потому, что благодаря ему познаем иногда внутреннюю идею непонятого на первый раз слова. Так слово *безалаберный* происходит от слова *алабер* – ‘порядок’ (Владим. губ.); *ни зги* – от *згинка* – ‘искра’ (там же); *ненастье* от *наст* – ‘подмерзший лед’; *неряха* от *рыхать* – ‘убирать’ (Вологодск. губ.) и т.д. и т.д.» [9].

Создавая обзорные работы по изучению Вологодского края, А.А. Веселовский обобщает и критически оценивает результаты работы по сбору диалектной лексики, в частности лексики, собранной для Опыта областного великорусского словаря и для Словаря П.А. Дилакторского. Он замечает: «Как видно, Вологодский край...не обойден в отношении изучения языка русской наукой» [10]. А.А. Веселовский видит как недостатки, так и достоинства ранних исследований: «Несмотря на то, что составители смешивают фонетические особенности с лексическими и в силу этого без нужды расширяют словарь, несмотря на то, что порой приводятся слова не исключительно вологодские (обычный захватный, краелюбский прием, расширяющий Вологодскую область чуть ли не на всю северную континентальную Россию), несмотря на то, что объяснения кратки, порой субъективны - работы эти представляют

значительную ценность, давая зачастую местные слова, употребительные в середине прошлого века, но вымершие под натиском культуры» [11].

Высоко оценивает А.А. Веселовский лексикографическую деятельность П.А. Дилакторского, обращая внимание на ту роль, которую играет народное слово в познании материальной и духовной культуры русского крестьянства: «Издание такого словаря местных слов в бытовом и этнографическом применении чрезвычайно важно. Ведь, изучая словарь языка, наречия и даже говора, можно представить себе полную гамму жизни народа, области, местечка: его «пение, труд и мудрость» [12].

Исследователь дает научную характеристику словарю П.А. Дилакторского, в которой указывается и на ряд недостатков. Так, по мнению А.А. Веселовского, общий состав словника - 14 тысяч слов - можно сократить тысячи на две, поскольку они либо являются общерусскими, либо отражают не лексические, а фонетические или морфологические диалектные особенности. Обращает он внимание и на диалектизмы в толкованиях: *ести, тряпок* (лит. *тряпки*) [13]. Указывает А.А. Веселовский также на неполноту словаря П.А. Дилакторского, не включившего в свой словарь материалы Архива Географического общества и те материалы, что были собраны после 1902 г.

Анализирует А.А. Веселовский и труды тех, кто собирал материалы для словаря П.А. Дилакторского. Среди них он выделяет словарь учителя Вотчинского земского начального училища С.В. Мальгинова (Кадн. у.), богатый этнографическим материалом, содержащий много сведений об играх детей и молодежи, приметах, суевериях и т.д., дающий «полную картину жизни глубокой северной глуши» [14]. А.А. Веселовский считает, что знакомство с рукописью С.В. Мальгинова для краеведа-этнографа, изучающего крестьянский быт и творчество, весьма целесообразно [15]. А представленные в рукописи данные по народным играм следовало бы, выделив, издать отдельной книжкой; они пригодны как для этнографа, так и для педагога [16]. А.А. Веселовский обращает внимание и на широту взглядов С.В. Мальгинова («для провинциального этнографа, обычно не в меру стыдливого, *[широта – Л. К.]* необычайная»), который считал целесообразным для отражения всей глубины крестьянского слова включение в словарь «нецеремонных слов» или «варваризмов (матерных слов, доставшихся нам от варваров)». Собиратель восклицает: «Пора их вытащить на свет!» [17]. Далее А.А. Веселовский цитирует слова С.В. Мальгинова, свидетельствующие, что при этом собиратель преследует не только научные, но и моральные цели: «Я настаиваю, чтоб в наш словарь вошли все и грязные слова, чтобы заменить их более гладкими, освободив нашего крестьянина от ненужных присловий и слов, потому что они, загрязняя душу, действуют и на тело» [18]. Проанализировав труд С.В. Мальгинова, А.А. Веселовский делает вполне обоснованный вывод: «Разумеется, труд Мальгинова был одним из лучших источников словаря Дилакторского» [19].

Говоря о словаре П.А. Дилакторского, А.А. Веселовский ставит вопрос о новом издании (доработанном переиздании) словаря вологодских говоров: «Труд, в случае переиздания, предстоит немалый: помимо проверки старого

материала и дополнений его надо составить словарную программу и, разослав оную, произвести единовременный набор слов и разобраться в присланных материалах. Но главное, девять десятых сделано, и от этого отказываться не стоит» [20].

Сам А.А. Веселовский начал составлять и распространять «словарные программы», позже составил также программу фонетико-грамматическую. Одна из разработанных им программ (краткая программа по сбору диалектной лексики) опубликована в 1923 г. в журнале *Кооперация Севера* [21]. В этой публикации ученый сообщает, что «более подробную программу можно размножить и выслать по требованию желающих работать». Архив ВГИАХМЗ хранит краткую программу «Лексикология» [22]. А в 1930 г. А.А. Веселовским выпущена под грифом Вельской краеведческой организации уже упоминавшаяся Программа для собирания сведений о няндомском говоре (тираж 1000 экземпляров) [23]. Эта программа, включающая в основном вопросы по фонетике и морфологии [24], предваряется критической оценкой существующих программ: Программы для собирания особенностей севернорусского наречия, составленной II отделением Академии наук в 1896 г., Малой академической программы 1903 г и Краткой программы, составленной А.И. Соболевским. Перечисленные программы, по мнению А.А. Веселовского, либо слишком обширны и научны, либо чересчур общи. «За последнее время стал к изучению говоров применяться краеведческий метод, стали изучать более мелкие языковые территории с изучением — обследованием других сторон творчества и быта» [25]. Для такого изучения составляются специальные программы, среди них лучшими А.А. Веселовский считает программу, составленную Н. Каринским (Вятка. 1922), и программу для собирания материалов по народным говорам Тверской и Рыбинской губ. (Петроград. 1923) [26]. Ценность этих программ, как отмечает А.А. Веселовский, подтверждается педагогическим опытом — преподаванием истории русского языка и диалектологии. Он составляет программу такого же типа, сожалея, однако, что не может внести в нее вопросы фольклорные и этнографические. Такого рода программы он планировал создать в будущем [27].

Лексический материал в его архиве (ВГИАХМЗ) представлен именной и глагольной лексикой. К сожалению, А.А. Веселовский, как правило, не указывает, когда и кем записан лексический материал и зачастую нет места фиксации слова. В его списках лексем практически отсутствуют указания на многозначность. Толкование обычно однословно (ср. его похвалу С.В. Мальгинову за подробность описания этнографического свойства при материалах, присланных П. А. Дилакторскому), как правило, нет примеров словоупотребления лексем в диалектной речи. Следует отметить, что при большом интересе к пословицам и поговоркам им не записывались фразеологизмы.

А.А. Веселовского интересовала прежде всего лексика, связанная с этнографическими и фольклорными исследованиями. Так, большое внимание уделялось им сфере любовных отношений: его интересовали глагольные лексемы со значением 'любить', именные номинации - 'милый, милая' [28].

Народное слово, изучавшееся в тесной связи с этнографией и фольклором, отражает существенные для крестьянина представления и понятия. И неслучайно то обстоятельство, что, работая с диалектным словом, А.А. Веселовский предпринимает попытку составления тематического словаря со следующей рубрикацией лексем: народный календарь, красть; воровать; обмануть; наврать; милый; милая; демонология; карты; народная медицина; бить, пить; прозвища; погода; фамилии; знахари; колдуны; запачкаться; свадьба, метеорология; пожелания и формулы; частушка; песни; фольклор; посиденка киот [29]. По-видимому, он предполагал описание этих тематических групп позволяющее с опорой на языковой материал осмыслить своеобразие материальной и духовной жизни вологодских крестьян, их миропонимание.

Сопоставление лексических материалов архива А.А. Веселовского с материалами Словаря вологодских говоров (далее - СВГ), естественно, обнаруживает, что материалы А.А. Веселовского значительно уже материалов Словаря вологодских говоров. Однако совпадающие языковые факты зачастую отличаются географией, значение некоторых лексем отлично от зафиксированного в СВГ. Целый ряд лексем, представленных в записях А.А. Веселовского, отсутствует в СВГ, что может объясняться разными причинами, в том числе и утратой этих лексем вологодскими говорами. Очевидно, что диалектная лексика, зафиксированная А.А. Веселовским, заслуживает специального изучения.

Интересен «Опыт конспекта вологодской диалектологии с приложением образцов записей народной словесности и библиографией». Вологда. 1928. Машинопись [30] (Далее – Опыт конспекта). Этот труд предназначен, как указано в предисловии к нему, для нужд педагогов-словесников и краеведов [31]. А.А. Веселовский хорошо понимал, что запись диалектной лексики и возникающая при ее выявлении необходимость отграничения местных лексем от общерусских требует четких представлений о фонетических и морфологических особенностях исследуемых говоров. Не предпринимая собственных исследований, А.А. Веселовский обобщил такого рода сведения, содержащиеся в работах XIX-начала XX вв. (А. Соболевского, М. Колосова, О. Брока, И. Белоруссова, М. Едемского, П. Воронова, А. Светлова, Н. Шайжина и А. Шайтанова).

Как отмечает составитель, этот конспект является первой попыткой подытожить языковой материал на территории современной Вологодской губернии [31]. Обобщение того, что представлено в центральных и местных публикациях на протяжении предшествующих десятилетий, позволяет представить фонетические и морфологические особенности вологодских говоров (данные Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Тотемского, Вельского и Каргопольского уездов) во второй половине XIX в. и в начале XX в. И хотя составитель не всегда корректно использует лингвистическую терминологию (возможно, потому, что он стремился избежать академизма старых программ, учитывая, что конспектом могут пользоваться не только филологи), не всегда точно им формулируются вопросы (например, вопрос об окончаниях

род пад. мн. ч. существительных), некоторые вопросы дублируют друг друга (см. например 9-11 вопросы, посвященные возвратным глаголам, в разделе «Глагол» и вопрос 3 в разделе «Местоимение»), данное описание важно, поскольку при таком представлении специфика вологодских говоров на определенном синхронном срезе становится очевидной.

К основным фонетическим особенностям этих говоров А.А. Веселовский относит оканье и мягкое цоканье. Указывает он и на другие характерные вологодские черты (рефлексы Ъ, позиционные изменения гласных, 1 «среднее», позиционные изменения согласных, специфика категории твердости-мягкости согласных, ассимилятивные и диссимилятивные их изменения, наличие диерезы и др.).

В области морфологии в круг внимания первых вологодских диалектологов попали специфические черты, связанные прежде всего с словоизменением и формообразованием знаменательных частей речи: флексии дат.-мест.п. ед. ч. суш. жен. р., совпадение форм дат.-тв. мн. ч. существительных, склонение суш. с суффиксов -ушк-, формы им. п. ед. ч. суш. 'мать', специфика словоизменения личных местоимений и формы указательных и относительно-вопросительных местоимений; стяженные формы прилагательных и адъективные флексии им. ед. и мн. ч., формы сравнительной и превосходной степени; специфика спрягаемых форм глагола и образование именных форм (деепричастий, инфинитива). Обращается внимание и на такую особенность вологодских говоров, как широкое использование постпозитивных согласуемых частиц. Упоминается и о специфических наречиях места и времени (*тамотка, тутотка, ноне, топере, этта, лонись, достюлесь* и др.).

О синтаксических особенностях, судя по «Опыту конспекта», составителю известно немного: это конструкции типа *топить баня* и древнее управление *мстить кого*. По-видимому, выявление синтаксических диалектных явлений сопрягалось с большими трудностями, чем фиксация диалектизмов других уровней языка. В приведенных А.А. Веселовским записях говора такие факты есть, например: *жена наредилась, как о праздник Ъ* [32].

Составитель осознавал недостаточность описываемого материала в связи с чем писал в предисловии к «Опыту конспекта»: «данный конспект, разумеется, не может быть чуждым многим промахам. Многих источников в Вологде не оказалось, а главное, сохранились целые большие площади диалектологической целины, еще никем не описанные» [33]. А.А. Веселовский рассчитывал на то, что устранение недостатков станет возможным с получением ответов на составленную им программу по вологодской диалектологии. И тогда «дело изучения Вологодской диалектологии можно будет основать более прочно» [34]. Вряд ли А.А. Веселовскому удалось решить эту задачу. Изданная в 1930 г. Программа для собирания сведений о нядомском говоре, очевидно ориентированная на «Опыт конспекта», по содержанию совсем немногим отличается от него.

И все же несмотря на то, что исследователь не смог реализовать задуманное, представленные в «Опыте конспекта» факты (фонетические и граммати-

ческие), сопровождающиеся библиографическими сведениями, несомненно заслуживают внимания и могут быть точкой отсчета в изучении современного состояния вологодских говоров.

По-видимому, сложности в реализации задуманных А. А. Веселовским исследований были связаны и с языковой политикой государства. К концу двадцатых годов изучение диалектов перемещается на далекую периферию краеведческих исследований. Выпущенная под грифом «М.О.Н.О. В помощь учителю» Программа для краеведческих исследований предписывала исключение из круга исследований «чистого натурализма», историзма, этнографии. По мнению составителей, «краеведческий синтез должен происходить вокруг общественно значимых задач современности. В центре внимания – производительные силы волости» [35]. В выпусках вологодского краеведческого журнала «Северный край» за 1929 г. нет ни одного упоминания об изучении говоров. Л.Л. Касаткин связывает резкое изменение отношения к народной речи в 20-30 гг. с изменением отношения к крестьянству – основному носителю диалектов, на уничтожение которого как класса были направлены социальные преобразования в деревне 20-40 гг [36]. Диалектологическая работа возобновилась в Вологде лишь в сороковые годы XX в.

Замыслы А.А. Веселовского были реализованы неполностью, но и то, что он сделал, позволяет говорить, о значении его трудов для изучения вологодского народного слова и вместе с тем вологодского крестьянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А.А. Веселовский. Программа для собирания сведений о няндомском говоре. – Вельск, 1930. – С.4
2. История русской лексикографии. – СПб.: Наука, 2001. – С. 279.
3. См., например, Русская диалектология. Под ред. В.В. Колесова. = М.:Высш. шк., 1990. – С. 14.
4. Ф. 157. Оп. 1. Д. 115.
5. Ф. 157. Оп. 1. Д. 112.
6. Ф. 157. Оп. 1. Д. 130.
7. А.А. Веселовский. Программа для собирания сведений о няндомском говоре. С. 5.
8. А. W. Источник краеведения. Вологодский говор // Кооперация Севера. – Вологда, 1923. – С. 117.
9. А.А. Веселовский. Программа для собирания сведений о няндомском говоре. С. 5. Следует отметить, что Словарь вологодских говоров не отмечает этого значения у глагола 'ряхать': Ряхать... 1. *Работать, трудиться*. 2. *Делать что-либо плохо, кое-как*. – СВГ. – Вып. 9. – Вологда, 2002. – С. 83.
10. А. W. Источник краеведения. Вологодский говор. – С. 116.
11. Ф. 157. Оп. 1. Д. 112. Л. 5.
12. Ф. 157. Оп. 1. Д. 115. Л. 81.
13. Там же.
14. Ф. 157. Оп. 1. Д. 115. Л. 76.
15. Ф. 157. Оп. 1. Д. 115. Л. 78.

16. Ф. 157. Оп. 1. Д. 115. Л. 77.
17. Ф. 157. Оп. 1. Д. 115. Л. 75.
18. Ф. 157. Оп. 1. Д. 115. Л. 76.
19. Ф. 157. Оп. 1. Д. 115. Л. 78.
20. Ф. 157. Оп. 1. Д. 115. Л. 81.
21. А. В. Источник краеведения. Вологодский говор. - С. 116
22. Ф. 157, Оп. 1, Д. 116. Л. 102.
23. Составление и публикация этой программы связаны, по-видимому, с готовившимся Обществом краеведения комплексным исследованием поселка Няндомы (Спутник краеведа. - Вологда, 1929. - № 2. - С. 3).
24. В программу включено несколько лексических вопросов. В одном предлагается дать небольшой список местных слов, другой о прозвищах и еще два о неологизмах и их освоении говорами.
25. А.А. Веселовский. Программа для собирания сведений о няндомском говоре. - С. 4.
26. Там же.
27. Там же. С. 4-5.
28. Вопрос о ласкательных и бранных словах традиционно включался в вопросники, но особый интерес А.А. Веселовского к этой группе слов, видимо, объясняется его научными исследованиями: в 1909 г. им была опубликована работа «Любовная лирика XVIII века. К вопросу о взаимоотношении народной и художественной лирики XVIII века», СПб.
29. Ф. 157. Оп. 1. Д. 131. Эта тетрадь, озаглавленная «Толковый словарь простонародных выражений и слов» (объемом в 45 л.), содержит самое большое в архиве А.А. Веселовского количество лексем.
30. Ф. 157. Оп. 1. Д. 130.
31. Там же. Л. 1.
32. Там же. Л. 7
33. Там же. Л. 2.
34. Там же.
35. Программы для краеведческих исследований. - М., 1925. - С. 3-4.
36. Л.Л. Касаткин. Русские диалекты и языковая политика // Л.Л. Касаткин. Современная русская и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. - М.: Наука; Школа «Языки русской культуры».

Е. Н. Шаброва

Корневое гнездо с вершиной -бод- // -буд- в современном русском языке и его территориальных диалектах

Сопоставительный анализ корневых гнезд (далее КГ) в различных подсистемах языка – важная задача современной морфемики [1]. Решению этой задачи посвящена данная работа. В ней рассматриваются особенности лексического состава и формально-семантического устройства КГ, вершиной кото-

рого является общеславянский процессуальный корень *-бод-* // *-буд-* ... (**bosti* [ЭССЯ, 2: 223]) с общим значением отрицательного физического воздействия на объект 'бить, колоть рогами'. Литературный и диалектный варианты этого КГ имеют существенные отличия в отношении репрезентации вершины гнезда, его лексического состава, структуры и семантики.

В литературном языке вершина КГ представлена двумя алломорфами (*-бод-* // *-бод'*). Этот корень является морфемно связанным в суффиксально-корневых основах (*бод/а/ть* и производные). Корневое гнездо *-бод-* // *-бод'* насчитывает 20 слов, связанных между собой отношениями словообразовательной производности [СС, 1: 107]. Словообразовательное гнездо насчитывает 2 ступени производности. Большую его часть составляют производные глаголы, различным образом модифицирующие значение производящего глагола *бодать* 'бить, колоть рогами' (*бодаться, боднуть, выбодать, забодать, перебодать, прободать*). В гнездо входят отглагольные существительные со значением опредмеченного действия (*бодание, прободание, прободение*), опредмеченного признака (*бодливость*), производителя действия (*бодун, бодушня*), а также отглагольные прилагательные со значением 'склонный к выполнению действия' (*бодливый, бодастый*). Литературный вариант гнезда характеризуется семантической однородностью. В семантической структуре всех его элементов присутствует значение отрицательного физического воздействия на объект в виде одиночного или повторяющегося колющего удара острыми краями костяных выростов на голове животного. Частичная фразеологизация значения происходит в составе медицинских терминов *прободать* 'образовать сквозное отверстие в стенке полого органа', *прободение* (*прободение желудка*) и *прободной* (*прободная язва*) [Ож.: 603]. Ниже представлен общий вид гнезда с вершиной *-бод-* // *-бод'* в современном литературном языке. Оно имеет типовую структуру отглагольного словообразовательного гнезда и отличается высокой функциональностью: в нем представлено большинство элементов, свойственных отглагольным гнездам, немногочисленные случаи словообразовательной синонимии (*бодливый – бодастый, прободание – прободение*).

<i>бод/а/ть</i> →	<i>бодать-ся</i>	
	<i>бод-ну-ть</i> →	<i>вы-боднуть</i>
	<i>бод-ниж-е</i>	
	<i>бод-ун</i> →	<i>бодунж-а</i>
	<i>бод-лив-ый</i> →	<i>бодлив-ость</i>
	<i>бод-аст-ый</i>	
	<i>вы-бодать</i>	
	<i>за-бодать</i>	
	<i>из-бодать</i>	
	<i>пере-бодать</i> →	<i>перебодать-ся</i>
	<i>про-бодать</i> →	<i>прободать-ся</i>
		<i>пробода-ниж-е</i>
		<i>пробод-ениж-е</i>
		<i>пробод-н-ой</i>

Специфика диалектного варианта корневого гнезда определяется, в первую очередь, характером его вершины. В русских говорах это свободный корень, представленный сразу двумя параллельно существующими группами фонематических вариантов (-бод- // -бод'- // -бос- и -буд- // -буд'- // -бус-): *бості́*, *бо́сть* (Яросл., Твер., Смол., С.-Двин., Киров., Свердл., Сибир., Иркут., Том., Латв., Лит., Эст.) и *бусті́* (Волог., Арх., Кир., Свердл.) 'бить, колоть рогами, бодать' [СРНГ, 3: 126; 307]. Каждая из групп последовательно реализуется в параллельных фонематических вариантах гнезда (см., например, КГ₁ в вологодских говорах или КГ₂ в среднеобских говорах [Опыт: 42 – 43]).

КГ₁.

<u>бос/ті́</u>		<u>бус/ті́</u>	
<i>бод-у́н 1</i> <i>бод-у́ч-и́й 1</i>		<i>буд-а́-ть</i>	<i>*буд-ыс-а́-ть</i>
<i>бод-а́-ть</i>	<i>бод-у́н 2</i> <i>бод-у́ч-и́й 2</i> <i>бод-ну́-ть</i> <i>за-бодáть</i> <i>из-бодáть</i> <i>пере-бодáть</i> <i>раз-бодáть</i> <i>у-бодáть</i>		<i>буд-ых-а́-ть</i> <i>будáть-ся</i> <i>будá-нк-о</i> <i>буд-а́чк-и́й</i> <i>буд-ну́-ть</i> <i>за-будáть</i> <i>из-будáть</i> <i>раз-будáть</i>
<i>бості́-сь</i> <i>за-бості́</i> <i>из-бості́</i> <i>раз-бості́</i> <i>у-бості́</i>		<i>бусті́-сь</i>	<i>будысáть-ся</i> <i>будыс-а́к-и́й</i> <i>будыхáть-ся</i> <i>за-будáться</i>

КГ₂.

<u>Бості́'</u>		<u>Буда́'ть</u>
I. 1. <i>за-бості́</i> . Довести действие до отриц. результата	<i>забості́-ть</i> ЛТ забости	I. 1. <i>за-бус-ті́</i> . Довести действие до отриц. результата.
2. <i>из-бості́</i> . Интенсивно совершить действие.		2. <i>будáть-ся</i> . ЛТ <i>будá'ть</i>
3. <i>бості́-сь</i> . ЛТ <i>бості́'</i>	II. <i>буд-а́ч</i> . Животное по склонности к действию.	<i>будáч-и-ть</i> . Совершать характер для животного действия.
4. <i>бості́-ть-ся</i> . ЛТ <i>бості́</i>		

На границе ДКГ с вершиной -бод- // -буд'- ... могут быть выделены слова, причисление которых к данному гнезду проблематично: *бутáться* 'бодаться' (влад.) [СРНГ, 3: 307], *забуты́'кать* (нижегор.), *забуты́'скать* (перм.) 'забодать' [СРНГ, 9: 279] – ср.: *бутáть* 'шумом, стуком пугать рыбу' (пск.) [СРНГ, 3: 307], *бутáситься* 'барахтаться, метаться' [СРНГ, 3: 309].

Как и в литературном языке, в говорах гнездо имеет словообразовательную структуру. Ниже приводится вариант данного ДКГ в вологодских говорах.

<i>бос/тѹи</i> →	<i>бод-ѹн 1</i> 'бодливое животное' [СВГ, 1: 35]		
	<i>бод-ѹч-ий 1</i> 'бодливый' [там же]		
<i>бос/тѹи</i> →	<i>бод-а-ть</i> →	<i>бод-ѹн 2</i> 'бодливое животное' [СВГ, 1: 35]	
		<i>бод-ѹч-ий 2</i> 'бодливый' [там же]	
		<i>бод-нѹ-ть</i>	
		<i>за-бодать</i>	
		<i>из-бодать</i>	
		<i>пере-бодать</i>	
		<i>раз-бодать</i> 'забодать' [КСВГ]	
		<i>у-бодать</i> 'забодать' [КСВГ]	
		<i>бости-сь</i> 'бодаться' [СВГ, 1: 41]	
		<i>за-бости</i> 'забодать' [СВГ, 2: 96]	
		<i>из-бости</i> 'забодать' [СВГ, 3: 6]	
		<i>раз-бости</i> 'забодать' [КСВГ]	
		<i>у-бости</i> 'забодать' [КСВГ]	
<i>бос/тѹи</i> →	<i>буд-а-ть</i> →	<i>*буд-ыс-а-ть</i> →	<i>будысать-ся</i> 'бодаться' [СВГ, 1: 48]
<i>бос/тѹи</i> →	'бодать' [КСВГ]	<i>буд-ых-а-ть</i>	<i>будыс-ак-ий</i> 'бодливый' [СВГ, 1: 48]
		'бодать' → [СРНГ, 3: 248]	<i>будыхать-ся</i> 'бодаться' [там же]
		<i>будать-ся</i> →	<i>за-будаться</i> 'начать бодаться'
		'бодаться' [КСВГ]	[КСВГ]
		возм., <i>буда-нко</i> 'нахмурившись, насупившись' [СВГ, 1: 47]	
		<i>буд-ачк-ий</i> 'бодливый' [СВГ, 1: 47]	
		<i>за-будать</i> 'забодать' [КСВГ]	
		<i>из-будать</i> 'забодать' [КСВГ]	
		<i>раз-будать</i> 'забодать' [КСВГ]	
<i>буд-а-ть</i> →			
		<i>бустѹи-сь</i> 'бодаться' [СРНГ, 3: 307 (вгл.)]	

В сравнении со словообразовательным гнездом литературного языка диалектное гнездо имеет ряд особенностей. Первую из них составляет параллельное существование в системе вологодских говоров нескольких глаголов в основании данного словообразовательного гнезда. Древние различия в семантике этих глаголов (**bosti* – **bodati*) уже не ощущаются в современных вологодских говорах, вследствие чего глагол *бости* / *бустѹи* выходит из употребления и нередко уже не опознается информантами (автором данной статьи за 15 лет наблюдений он был услышан дважды в речи диалектоносителей 92 и 87 лет), достаточно редко используются также постфиксальные производные этого глагола *бости-сь* / *бустѹи-сь*, причем в речи информантов, употребляющих этот глагол, параллельно более активно используется семантически тождественный глагол с суффиксальной основой: «*Научилась корова бости-ся, дак теперь спасу нет никакого, всё и бодается*» [СВГ, 1: 41; Ник. Осин.]; «*Бабка наша Петровна говорила, что корова бодется, а больше я не слышала, мы дак скажем «бодается»*» [Влгд. Сяма]. Диалектное словообразовательное гнездо, избавляясь от семантической избыточности, утрачивает исходный

элемент *бості́ / бусті́* и по своей структуре приближается к соответствующему гнезду литературного языка, насчитывающему 2 ступени производности. При этом корень *-бод-* // *-буд-* в вологодских говорах переходит в разряд морфемно связанных корней.

Подобным же образом в речи диалектоносителей устраняется избыточность в отношении фонематических вариантов корня (*бодать / будать*). Наблюдения показывают, что в частных диалектных системах обычно активно функционирует один из вариантов, при этом остальные варианты опознаются, но не используются или используются реже, при изменении условий общения:

- *Бык-от коўхозной буда́ется, коўды чужо́й кто ходи́т, дак он буда́ёт.*
- *А как здесь говорят: бода́ет или буда́ет?*
- *А кто как ска́жет. Бода́ет-то, поди, по-культу́рному, а как пазгнё́т сза́ди рогáм, дак и культу́ру всю забуде́шь!*
- *А не ска́жут «бодёт» или «будёт»?*
- *Будёт? Скажут: «Будёт тебе́, Ма́рья, язык-от чеса́ть, робо́тать иди́!»* [Кир. Борб.].

Речевая дифференциация вариантов корня [2] затрагивает как вершину данного словообразовательного гнезда, так и производные слова, вследствие чего можно говорить о существовании в речи диалектоносителей двух фонематических вариантов гнезда:

- *Я в се́мью-то пришла́, дак у Па́вля три сестры было: Ма́нька, Лизаве́та и Лиди́я. До́ма-то я им те́тя Нюра, а в шко́ле Анна Алексе́вна <...> Я в шко́ле-то о́дно учу́: «Бода́ет, забода́л, бода́ется», – а как домо́й при́дут, дак ма́тка по-домо́шнему, а и я, быва́ет, скажу́: «Смотри́, Ма́нька, когда ове́ц-то застава́ть пойдёшь, у Ка́ти Хабто́вой бык буда́чкой, как бы не розбудáл. Вот де́вки и пу́тались, писа́ли»* [Кир. Борб.].

Еще одну характерную особенность диалектного гнезда составляет суффиксальное образование экспрессивных глаголов: *буд-ыс-ать, буд-ых-ать, буд-а́ч-иться* [3]. Как и при образовании экспрессивных суффиксальных модификатов (*вор-юг-а, ветр-ин-а*), суффиксы в структуре глагольных основ не меняют, а только модифицируют значение производящего слова, усиливают в нем экспрессивно-оценочный компонент. В пользу типологической близости данных словообразовательных типов свидетельствует также то, что и для тех, и для других характерно фонематическое варьирование формантов без тенденции к их функциональному разграничению (*буд-ыс-ать, буд-ых-ать* 'бодать' – ср.: *ветр/юг/а – ветр/яг/а*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шелепова Л. И. Особенности словообразовательной системы говоров и этимология // Историческое и диалектное словообразование Алтая. – Барнаул, 1985. – С. 157-167; Шаброва Е. Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания. – СПб, Вологда, 2002. – 86 с.

2. О функциональном распределении вариантов в диалектной речи см.: Блинов, О. И. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск, 1975; Богословская З. М. Явление варьирования слова в системе говора. – Томск, 1984; Голова на Э. Д. Формальная вариантность в речи диалектного типа. – Киров, 1991 и др.

3. Более подробно об этом см.: Шаброва Е. Н. Некоторые особенности экспрессивного внутриглагольного словообразования (на материале вологодских говоров) // Х Ломоносовские чтения: Тезисы докладов. – Архангельск, 1998. – С. 61-62.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КСВГ – картотка «Словаря вологодских говоров» (хранится на кафедре русского языка ВГПУ).

Ож. – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.

Опыт – Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря. Томск, 1982.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 9. Вологда, 1983 – 2002.

СС – Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка.: Т. 1 – 2. М., 1990

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – 35. М., СПб., 1965 – 2002.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков.: Вып. I – XVII. М., 1974 – 1992.

Е. Н. Шаброва

Особенности транспозиционного словообразования диалектных глаголов в вологодских говорах

Изучение образования глаголов от слов других частей речи составляет одну из актуальных проблем диалектного глагольного словообразования. Эта проблема ранее рассматривалась на материале различных южнорусских говоров (донских [1], воронежских [2] и др.), русских говоров Сибири [3] и некоторых других диалектных систем. В данной статье представлен опыт описания особенностей транспозиционного словообразования диалектных глаголов в современных вологодских говорах.

Транспозиционное словообразование диалектных глаголов в данной системе осуществляется с помощью продуктивных общеязыковых морфем от имен существительных (*конюх/а/ть, конюш/и/ть* ‘ухаживать за лошадьми’ [СВГ, 3: 99] ← *конюх*), имен прилагательных (*лы’с/и/ть* ‘снимать кору’ [СВГ, 4: 58] ← *лыс/ый*); имен числительных (*пере/четыр(ж)/и/ва/ть* ‘пересказывая, передразнивая, пересмеивать’ [СВГ, 7: 47] ← *четыре*); местоимений (*та́к/а/ть, та́ч/и/ть* ‘учить, наставлять, советовать’ [КСВГ] ← *так*); междометий и звукоподражательных слов (*спаси́б/а/ть, спаси́б/ова/ть* ‘говорить «спасибо»’ [КСВГ] ← *спасибо*; *клы’к/а/ть* ‘икать’ ← *клык* ‘звукоподражание икающему’ [СВГ, 3: 68]). Диалектные особенности производных глаголов

этой группы составляет их образование от диалектных производящих (*бас/ѳ/ть* 'украшать' ← *бас/а* 'красота' [СВГ, 1: 22]; *дрѳл/и/ть/ся* 'быть связанными любовью' ← *дрѳл/я* 'влюбленный в кого-то человек, поклонник (поклонница)' [СВГ, 2: 58]; *из/береж/а/ть* 'вынудить преждевременно родить детеныша, ожеребиться' [СВГ, 3: 6] ← *берѳж/ая* 'жеребая (о лошади)' [СВГ, 1: 29]), большая или меньшая продуктивность в этой системе общезыковых морфем (например, продуктивный в книжной речи словообразовательный суффикс *-ствова-* (*мудр/ствова/ть*, *злѳб/ствова/ть*) зафиксирован однократно в экспрессивном контексте: «Он с ребѳнков такой гад, дак до сей поры и гад/ствѳ[ѳ/э/т]» (Влгд. Сяма.)), не свойственное словообразовательной системе литературного языка сочетание аффиксов конфиксальных моделей словообразования (*обо/дн/ѳ/ть* 'установиться к полудню хорошей погоде' [СВГ, 6: 125] ← *дн/я* (основа косв. п. сущ. *день*); *о/чуж/а/ть/ся* 'увлеченно заниматься чем-либо' [СВГ, 6: 111] ← *чуж/ой*), а также нетипичные видоизменения основ (*о/сер/(ен)ѳ/ть* 'запачкать серой' [СВГ, 6: 77] ← *сера*; *на/вы'м/(н)а/ть* 'приобрести признаки приближающегося окота, отела – увеличенное в размерах вымя' [СВГ, 5: 29] ← *вым/я* или *вымен/и*). В остальном транспозиционное словообразование диалектных глаголов происходит в соответствии с общерусскими моделями словообразования при помощи продуктивных словообразовательных морфем. Эти морфемы, как и в литературном языке, выражают значения совершения действия, свойственного лицу или животному (*больша/ч/и/ть* 'хозяйничать' ← *больша'к* 'старший в доме, глава семьи, муж' [СВГ, 1: 37]; *баб/нича/ть* 'заниматься ремеслом повивальной бабки' [СВГ, 1: 17] ← *бабк/а* 'женщина, занимающаяся оказанием помощи при родах, повитуха' [СРНГ, 2: 20; влгд.]; *желн/ѳ/ть* 'сердито бормотать, ворчать' [СВГ, 2: 82] ← *желн/а* 'дятел' [Дил., 1: 61]; 'большой чѳрный дятел // надоедливый проситель // злонамеренный человек // скупец, скряга' [Д., 1: 530]), совершения действия с помощью предмета (подобно предмету, в целях создания предмета) (*охан/и/ть* 'ловить рыбу *оханом*' ← *охан* 'рыболовное орудие в виде сетчатого мешка на длинной рукоятке' [СВГ, 6: 105 – 106]; *компас/ѳ/ть* 'принимать участие в руководстве' [СВГ, 3: 95] ← *компас*; *бугр/ѳ/ть* 'окучивать картошку' [СВГ, 1: 47] ← *бугор* или *бугр/ы*); проявления, становления признака или каузации его появления (*дик/ова/ть* 'развлекаться, забавляться шутками, шалить' ← *ди/к/и/ѳ* 'сумасшедший; глупый; необразованный; плохой; назойливый; ветренный; сильно опьяняющий' [СВГ, 2: 28] *жесточ/а/ть* 'становиться жестким' ← *жестѳк/и/ѳ* 'твердый при надавливании, жесткий' [СВГ, 2: 84]; *квел/ѳ/ть* 'дразнить, доводя до слез' [СВГ, 4: 53] ← *квѳл/ы/ѳ*), произношения некоего междометия или звукоподражательного слова (*спасѳб/а/ть*, *спасѳб/ова/ть* 'говорить «спасибо»' [КСВГ] ← *спасибо*; *клы/к/а/ть* 'икать' ← *клык* 'звукоподражание икающему' [СВГ, 3: 68]). Как и в литературном языке, словообразовательные аффиксы, выражающие эти значения, вступают в отношения синонимии (например, суффиксы *-и-*,

-ова- // -ева-, -нича-, -а- как средства выражения отношения действия к лицу или предмету: *зимогóр/и/ть* 'ходить в мороз легко одетым; бродяжничать; проказничать' ← *зимогóр* 'человек, который не боится холода; бродяга, босаяк, живущий случайной работой; драчун, хулиган; беглый каторжник, бандит; ленивый человек' [СВГ, 2: 172 – 173], *молодц/евá/ть* 'проводить время до замужества, женитьбы' [СВГ, 4: 89] ← *молодец*, *бобы/ль/нича/ть* 'бездельничать' ← *бобы/ль* 'ленивый человек' [СВГ, 1: 34], *ня/ньк/а/ть* 'пестовать, нянчиться' [СВГ, 5: 116] ← *няньк/а*; суффиксы -ну-, -е-, -а- как средства образования глаголов со значением становления признака: *бус/é/ть* 'плесневеть' ← *бúс/ый* 'серый, дымчатый' [СВГ.; 1,51], *гус/ну/ть* 'густеть' [СВГ, 1: 136] ← *густ/ой*, *жесточ/á/ть* 'становиться жестким' ← *жестóк/ий* 'твердый при надавливании, жесткий' [СВГ, 2: 84] и др.) [Гр. – 70: 245 – 246].

Далее приводятся аффиксальные парадигмы транспозиционных диалектных глаголов в соответствии с представленными в них словообразовательными морфемами. Основу каждой парадигмы составляют продуктивные словообразовательные суффиксы, а также их сочетания с другими морфемами в составе словообразовательных конфиксов.

1) *-и-/ть*. *Отсубстантивные глаголы*: *бед/ú/ть* 'причинять огорчения, неприятности' [СВГ, 1: 26] ← *бед/а*; *двор/ú/ть* '(с отрицанием) не приходиться к месту, оказываться не подходящим к каким-либо условиям' [СВГ, 1: 11] ← *двор*; *борозд/ú/ть* 'пахать' [СВГ, 1: 40] ← *борозд/а*; *бунт/ú/ть* 'тревожить' [СВГ, 1: 49] ← *бунт*; *бутóр/и/ть* 'мести (о выюге)' ← *бутóр/а* 'выюга' [СВГ, 1: 54]; *вёдр/и/ть* 'становиться ясной (о погоде)' [СВГ, 1: 59] ← *вёдр/о* и др.; *отадъективные*: *востр/ú/ть* 'точить' [СВГ, 1: 85] ← *востр/ый*; *квел/ú/ть* 'дразнить, доводя до слез' [СВГ, 3: 53] ← *квёл/ый*; *лы/с/и/ть* 'снимать кору' [СВГ, 4: 58] ← *лыс/ый*; *отместоименные*: *тáч/и/ть* 'учить, наставлять, советовать' [КСВГ] ← *так*; *смешанного образования*: *дв/е/ря'д/и/ть* 'свивая, соединять две нитки или две полоски ткани в одну' [СВГ, 2: 9] ← *дв/е*, *ряд*; *конфиксальные производные*: а) *-и/ть/ся*: *брун/ú/ть/ся* 'колоситься, созреть (об овсе)' ← *брунь* 'колос у овса' [СВГ, 1: 45]; *весл/ú/ть/ся* 'грести веслами' [СВГ, 1: 64] ← *весл/о*; *молод/ú/ть/ся* 'проводить время до замужества' [СВГ, 4: 88] ← *молод/ой*; б) *Pr...и/ть*: *вы'/перст/и/ть* 'привести за руки' [СВГ, 1: 96] ← *перст*; *из/боч/ú/ть* 'сделать кособоким' [СВГ, 3: 6] ← *бок*; *на/долóн/и/ть* 'пришить заплату на ладонную часть рукавицы' [СВГ, 5: 35] ← *долóнь* 'ладонь' [СВГ, 2: 40]; *об/огн/ú/ть* 'подвергнуть действию огня, прокалить' [СВГ, 6: 125] ← *огонь*; *о/прост/ú/ть* 'освободить от чего-либо' [СВГ, 6: 67] ← *прост/ой* 'пустой, ничем не заполненный, порожний' [СВГ, 8: 95]; *под/барахл/и/ть* 'приготовить, сделать' [СВГ, 7: 86] ← *барахл/о*; в) *Pr...и/ть/ся*: *из/дохтур/и/ть/ся* 'изловчиться' [СВГ, 3: 10] ← *дохтур* (искаж. *доктор*); *об/семé/и/ть/ся*, *о/семé/и/ть/ся* 'обзавестись семьей' [СВГ, 6: 73] ← *семья*; *при/хил/и/ть/ся* 'притвориться больным, слабым' [СВГ, 8: 69] ← *хилый* и др.

2) *-ова- // -ева- / ть*. Отсубстантивные глаголы: *болѣзн/ова/ть* 'соболезновать' [СВГ, 1: 36] ← *болѣзнь*; *вечер/ова/ть* 'проводить время по вечерам в кругу молодежи, занимаясь какой-либо работой' [СВГ, 1: 67] ← *вечер*; *голод/ова/ть* 'голодать' [СВГ, 1: 119] ← *голод*; *отадьективные*: *дик/ова/ть* 'развлекаться' ← *дѣк/ий* 'безумный; глупый' [СВГ, 2: 28]; *миз/ова/ть* 'щурясь, всматриваться' ← *миз/ой* 'обладающий слабым зрением, близорукий' [СВГ, 4: 85]; *конфиксальные производные*: а) *-ова- / ть / ся*: *возм., об-раз/ова/ть/ся* 'получать благословение родителей во время свадебного обряда' [СВГ, 6: 3; КСВГ] и др.

3) *-а- // ть*. Отсубстантивные глаголы: *бѣт/а/ть* 'ударять по воде ботом, загоняя рыбу в сеть' ← *бот* 'шест с прикрепленным на одном конце конусообразным металлическим наконечником, ударом которого по воде вспугивают рыбу и загоняют в сеть' [СВГ, 1: 41, 42; КСВГ]; *дожд/я/ть* 'безл. о становлении дождливой погоды' [СВГ, 2: 35] ← *дождь*; *ля/с/а/ть* 'болтать' [СВГ, 4: 65] ← *ляс/ы*; *отадьективные*: *жесточ/а/ть* 'становиться жестким' ← *жесток/ий* 'твердый при надавливании, жесткий' [СВГ, 2: 84]; *отместоименные*: *так/а/ть* 'учить, наставлять, советовать' [КСВГ] ← *так*; *отметжометные*: *спасѣб/а/ть* 'говорить «спасибо»' [КСВГ] ← *спасибо*; *кль/к/а/ть* 'икать' ← *клык* 'звукоподражание икающему' [СВГ, 3: 68]; *конфиксальные производные*: а) *-а / ть / ся*: *весл/я/ть/ся* 'гребти веслами' [СВГ, 1: 64] ← *весло*; *дѣт(к?)/а/ть/ся* 'нянчиться' [СВГ, 2: 25] ← *дет/и* или *детк/и*; б) *Pr... а/ть*: *за/горл/а/ть* 'громко закричать' [СВГ, 2: 109] ← *горло*; *из/береж/а/ть* 'вынудить преждевременно родить детеныша, ожеребиться' [СВГ, 3: 6] ← *берѣж/ая* 'жеребая (о кобыле)' [СВГ, 1: 29]; *о/прост/а/ть* 'освободить от чего-либо' [СВГ, 6: 67] ← *прост/ой* 'пустой, ничем не заполненный, порожний' [СВГ, 8: 95]; *возм., по/лучш/а/ть* 'похорошеть' [СВГ, 7: 147] ← *лучше*; *про/глуп/а/ть* 'забеременеть, родить ребенка, не будучи замужем' [СВГ, 7: 79] ← *глуп/ый*; в) *Pr... -а / ть / ся*: *о/чуж/а/ть/ся* 'чем-либо увлеченно заниматься' [СВГ, 6: 111] ← *чуж/ой* и др.

4) *-е / ть*. Отсубстантивные глаголы: *коров/ѣ/ть* 'толстеть' [СВГ, 3: 107] ← *корова*; *лун/ѣ/ть* 'виднеться' [СВГ, 4: 54] ← *лун/а*; *отадьективные*: *жид(н?)/ѣ/ть* 'становиться жидким' [СВГ, 2: 87] ← *жидк/ий* (возможно, контаминация с семантически тождественным *жиднуть*); *матер/ѣ/ть* 'мужать, становиться сильнее, крепче' ← *матѣр/ый* 'достигший полной зрелости; большой; высокий; густой, сочный' [СВГ, 4: 71, 72]; *конфиксальные производные*: б) *Pr -е / ть*: *возм., за/лес/ѣ/ть* 'зарастить лесом' [СВГ, 2: 128] ← *лес*; *обо/дн/ѣ/ть* 'установиться к полудню хорошей погоды' [СВГ, 6: 125] ← *день* или *дн/я*; *об/рад/ѣ/ть* 'обрадоваться' [СВГ, 6: 127] ← *рад*; *возм., по/лучш/ѣ/ть* 'стать привлекательнее, здоровее, похорошеть' [СВГ, 7: 147] и др.

5) *-ну- / ть*. Отадьективные глаголы: *гус/ну/ть* 'густеть' [СВГ, 1: 136] ← *густ/ой*; *дѣк/ну/ть* 'делать глупости' ← *дѣк/ий* 'безумный' [СВГ, 2: 28].

Для характеристики семантических позиций аффиксов транспозиционного словообразования существенно то, на какой ступени образования слова они представлены в основе. Отметим, что транспозиционные суффиксы конечной ступени словообразования имеют более сильную позицию, так как определяют принадлежность слова к числу глаголов какого-либо типа словообразования, а также словоизменительного класса: *больша́ч/и/ть* 'хозяйничать' [СВГ, 1: 37]: а) 'выполнять действие, свойственное лицу' (ср.: *больша́к* 'старший в доме, глава семьи, муж'; *бурла́ч/и/ть* 'заниматься отхожим промыслом' ← *бурла́к* 'крестьянин, идущий на заработки, занимающийся отхожим промыслом' [СВГ, 1: 50]); б) *больша́ч/ит*, *больша́ч/ат* (IV тип спряжения [4]). Транспозиционные суффиксы других ступеней словообразования (например, суффикс *-ак/-* *-ач-* в глаголе *больш/а́ч/и/ть*: *больш/а́к* 'лицо, обладающее признаком, названным мотивирующим прилагательным *большой*' – ср.: *чуж/ак*, *добр/як* [Гр-70: 82]) имеют в глагольных основах семантически ослабленную позицию [5].

Транспозиционное словообразование глаголов в вологодских говорах ярко иллюстрирует проявление общерусских тенденций словообразования разговорной речи. Одной из ярких особенностей таких глаголов является употребление в их структуре десемантизированных именных корней (*разматро-сить* 'разбросать', *насобачиться* 'приобрести навык, научиться делать что-либо' и др. [6]). В вологодских говорах в таких глаголах используется целый ряд общерусских и диалектных именных корней: *наозеровать* 'наговорить, наболтать' [СВГ, 5: 18], *откозлить* 'закончить прием пищи' [СВГ, 6: 91], *приморозить* 'нанести удар кому-нибудь' [СВГ, 8: 54], *промайорить* 'по оплошности, невнимательности пропустить, прозевать' [СВГ, 8: 85], *разматрё-нить* 'привести кого-либо в сонное, утомленное состояние, разморить' [СВГ, 9: 19], *сбёрдить* 'уговорить' [СВГ, 9: 95], *сберестить* 'собрать на стол' [СВГ, 9: 96] и др. Значение глаголов с подобными корнями определяется их аффиксальным окружением и конкретизируется в контексте употребления глаголов, при этом десемантизированный корень служит ярким средством выражения экспрессивности глагола [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валюсинская З. В., Овчинникова В. С. Отыменное глагольное словообразование в говорах Дона // Северо-Кавказское объединение кафедр русского языка. Конференция IX. Р-н-Д., 1971. – С. 191 – 200.

2. Щеулина Г. Л. Глагольное словообразование в говоре казаков-некрасовцев (суффиксальное словообразование глаголов от других частей речи). Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Воронеж, 1972; Щеулина Г. Л. Словообразовательные модели глаголов на *-нича/ть* в южнорусских говорах // Известия Воронежского пед. ин-та, 1978. Т. 195. – С. 42 – 61.

3. Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря. Томск, 1982; Мотивационный диалектный словарь. Томск, 1989; Яценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1989.

4. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1980. – С. 78.
5. Морфемика и словообразование русского языка / Под ред. Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2002. – С. 36 – 42.
6. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. – С. 155 – 161.
7. «Главная задача асемантической экспрессивности – опарашить, учудить... Чем немотивированнее иносказательное выражение, тем оно эффектнее. Чем невероятнее и непонятнее образ, тем он сильнее действует» // Девкин В. Д. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис). М., 1974. – С. 40.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Г-70. – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Д – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.: Т. 1 – 4. М., 1978.
- Дил. – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении // Словарная картотека ИРЯ РАН. Шифр № 35. 342 л.
- КСВГ – картотека «Словаря вологодских говоров» (хранится на кафедре русского языка ВГПУ).
- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 9. Вологда, 1983 – 2002.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – 35. М., СПб., 1965 – 2002.

Л. Румянцева

«С душою светлою, как луч»: цвет в поэзии Н. Рубцова

Проблема цвета всегда была актуальной для живописца, поэта, для всех тех, кто так или иначе использует цвет в своей профессиональной деятельности. Для исследователей творчества того или иного поэта всегда представляло интерес восприятие картины мира автором через цвет.

Творческая индивидуальность Н. М. Рубцова подтверждается небольшим набором «цветовых» слов. Наибольший интерес представляют ахроматические цвета (белый, чёрный серый), которые поэт чаще использует в своей лирике.

В целом, в лирике Н. Рубцова встречаются следующие цвета: белый - 39 раз, зелёный - 22, чёрный - 20, жёлтый - 17, красный - 12, синий - 10, золотой, голубой и серый - по 8 раз, седой - 6 и серебряный - 6 раз, багряный - 3 раза. Остальные «цветовые» слова встречаются у Н. Рубцова по одному, реже по два, раза, это : лазурный, алый, бирюзовый, багровый, бурый, оловянный, свинцовый, рыжий, гнедой, маковый, лиловый, пепельный, сивый, сизый, землистый и более «экзотические» цвета: аспидный, сиреневый, серебряно-янтарный, сапфировый, винный, пурпуровый. В общей сложности 39 «цветовых» слов.

В. Кожин отмечает, что поэзия Н. Рубцова сравнима не с живописью, а с графикой. Она, так сказать, «чёрно-белая», и не случайно слова «чёрный» и «белый» употребляются в ней значительно чаще, чем обозначения других красок. Под графикой принято понимать «искусство изображать предметы линиями и штрихами, без красок» (8, 117). Это значит, что основными цветами в данном виде искусства являются белый, серый и чёрный.

Обратимся к метафорическому и символическому значению белого цвета в поэзии Н. Рубцова.

Белый цвет имеет в основном традиционное значение, то есть понимается как символ неомрачённой невинности, чистоты, истины, святости: «белые листья», «белые стебли», «белая рубашка», «белые церкви», «белый лебедь» и др. Например:

Не жаль мне, не жаль мне разрушенной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей...(10, 16).

Храм, церковь в народной поэзии - уже символ святости, а у Рубцова - и Руси.

Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то святым на земле...(10, 225).

Такое использование белого цвета связано прежде всего с народной эстетикой, проявляющейся в фольклоре, где белый цвет имеет аналогичное символическое значение.

С давних времён в фольклоре бытует значение белого цвета как цвета красоты. Данное значение белого цвета не чуждо и поэзии Н. Рубцова:

Как хорошо! Ты посмотри:
В ущелье белый пар клубится...(10, 278)
Пусть не заметишь в море перемены,
Но ты поймёшь, что празднично оно.
Бурлит прибой под шапкой белой пены...(10, 278)

В единичных случаях белый цвет приобретает у Н. Рубцова негативный символический аспект. Например, в стихотворении «Памяти Анциферова» возникает ощущение одиночества и пустоты:

Но - пусто! Меж белых могил
Лишь бродит метельная скрипка...(10, 193)

В стихотворении «Неизвестный» выходит на поверхность чувство страха, неизвестности, безжизненности:

Он шёл. Но угрюмо и грозно
Белели снега впереди!
Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки! (10,200).

Данные негативные значения являются приметами общекультурного значения данного цветообозначения.

Ещё один аспект символики белого цвета - это цвет Бога, символ христианства. В. Н. Бараков подчёркивает, что Религия, Бог - особая тема в творчестве Рубцова:

...Пред всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца, до смертного креста!
...Взгляд блуждает по иконам...
Неужели бога нет? (2,17)

Следует отметить, что в стихотворениях Н. Рубцова часто фигурирует устойчивое сочетание «белый свет», которое часто употребляется в божественной символике и носит значение «мир, сотворённый Богом»:

...Над всем старинным белым светом \ Он поднял флаг!...(9, 338);
...И мысль, летая, \ Кого-то ищет \ По белу свету...(9, 178) и т.д. (всего 6 стихотворений с этим устойчивым сочетанием).

Упоминания о Боге нередки в произведениях Н. Рубцова; читал он и Библию, хранил в своей квартире иконы, в том числе своего покровителя: Святого Николая Чудотворца. В творчестве Н. Рубцова отразилось то переходное сознание, которое свойственно сейчас большинству русских: тяжёлое расставание с атеизмом и медленный путь через искушение язычества к Православию. Рубцов и в этом опередил своё время: «Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы...» (2, 26-27).

Таким образом, мы можем говорить о том, что «цветовое» слово *белый* в поэтических текстах Рубцова вбирает в себя свойственные для него символические значения, выработанные и мировой, и народной культурой, а также христианством, и производит в основном позитивное воздействие.

К числу ахроматических цветов принадлежит и серый цвет. Он определяется как переходящий цвет от белого к чёрному. В поэзии Н. Рубцова данный ахроматический оттенок имеет большой синонимический ряд: бурый, сивый, седой, землистый, пепельный, свинцовый, сизый. Все эти слова в произведениях Н. Рубцова различаются конкретной семантикой:

1. серый цвет, характеризующий внешность человека («седой военком», «пепельные косы», «землистое лицо»);
2. цвет деревенских реалий и предметов («серый край», «сивая сивуха», «серый стог»);
3. цвет воздуха, воды и атмосферных осадков («серый дождик», «седой туман», «седой воздух»);
4. цвет неба («серое небо», «свинцовый небосклон»);
5. цвет окружающей природы («бурая листва», «седой тополь»).

Данные цветообозначения объединены семантикой доминирующего в синонимическом ряду слова «серый», имеющего окраску пепла, дыма.

Заслуживает внимания ещё один оттенок серого цвета - сизый, который нельзя отнести ни к одной из тематических групп. Его мы находим в стихотворении «На рейде»:

И уже поставив точку
Мелодичности волны,
Расколола, грохнув, бочка
Сизый призрак тишины. (11, Т -1, 105).

Автор тишину уподобляет призраку, который в восприятии многих людей имеет сизый оттенок (тёмно-серый с синеватым оттенком).

Таким образом, поэт часто употребляет серый цвет в оценочном значении. У Рубцова это, прежде всего, цвет заброшенности, старости, что является характеристикой русской деревни. Это цвет атмосферных осадков - дождя и тумана, это цвет осени, цвет чувств, вызванных дождём и туманом (скуки, уныния). Последнее отражает общекультурные значения серого цвета.

Рассмотрим символическое значение чёрного цвета в поэзии Н. Рубцова. Значение данного цветового оттенка поэт черпал в основном из фольклора и мировой культуры. Христианское значение данного цвета, а именно дьявольский цвет, цвет ада, неверия и причастности тёмным силам, абсолютно отсутствует в поэзии Н. Рубцова.

В. Н. Бараков отмечает, что чёрный цвет в поэзии Н. Рубцова - символ смерти, печали и зла:

Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили... (10, 27);

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И чёрный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...(10).

Для произведений Рубцова характерна оппозиция «чёрное - белое». Эта универсальная для всех времён и культур оппозиция, определённая антонимическими свойствами данных цветовых слов в их переносных и символических значениях, получает у Рубцова традиционную интерпретацию. Чёрный имеет негативное содержание, а белый - позитивное. Чёрный цвет соотносится со смыслами: смерть, печаль, несчастье, страдание; белый - тайный, невинный, чистый, счастливый. Например:

...Сделай меж белых
Своих лебедей
Чёрного лебедя - белым! (10, 231);

Есть на свете берёза,
Что стоит среди камней.
Побелели от мороза
Ветви чёрные на ней (9, 318);

Вот пошёл он. Вот в чёрном затоне
Отразился рубашкою белой... (10,195).

Очень интересен тот факт, что «цветовые» слова «белый» и «чёрный» синонимичны световым оттенкам «светлый» и «тёмный», опираясь на «стихии «света» и «цвета», Н. Рубцов их очень искусно сочетает. И создаётся впечатление, что это практически одно и то же: свет выполняет цветовую функцию, а цвет- световую. Например:

...И чёрный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...(10,);

...И не боится чёрных туч,
Идёт себе в простой одежде
С душою светлою, как луч... (10,219);

...В чёрной бездне
Большая медведица
Так сверкает!.. (10,118);

...Лошадь белая в поле тёмном... (10, 18).

Если бы последнем примере слово «тёмный» мы заменили на слово «чёрный», то смысл не изменился бы. Можно сделать вывод о том, что символика «световых» слов абсолютно совпадает с символикой «цветовых».

Человек различает цвета не только на основании оттенков. Цвета бывают яркими и тёмными, «плотными» и «блёклыми». В зависимости от этих характеристик цвета могут нравиться либо не нравиться, что доказывает связь этих характеристик с эмоциональным значением цвета.

Наиболее привлекательными являются цвета, в которых естественно сочетаются присущие им качества светлоты и насыщенности (например, красный и жёлтый). Считается, что, чем проще механизм восприятия цвета, тем выше его эстетический эффект; чем больше затрачивается психической энергии при восприятии цвета, тем ниже его эстетическая значимость. Проще воспринимаются хроматические цвета, сложнее - ахроматические (12, 65).

Н. Рубцов в своей лирике использует ахроматические цвета чаще чем остальные, почти все предметы и явления окружающей действительности поэт видит в данных оттенках.

О. Андреев утверждает, что можно с большей долей вероятности определить основные черты характера (и его состояния) человека по его отношению к цвету. Белый - синтез всех цветов. Потому это идеальный цвет, цвет мечты и веры, - но темперамент человека, отдающего ему предпочтение, определить трудно. Поклонники белого цвета могут быть холодны, как лёд, и жарки, как пламя. Чёрный - противоположность белому - это цвет неуверенности; он символизирует отрицание жизни. Те, кто предпочитает чёрный цвет, обычно крайне недовольны собой, несчастливы или находятся в глубокой депрессии. Они уверены, что их идеал недостижим, и ничего хорошего для себя в жизни не ждут (1, 61).

В. Драгунский, опираясь на тест М Люшера, отмечает: «Кто в таблице ахроматических цветов отдаёт предпочтение белому цвету, тот нуждается в освобождении от неприятных «обстоятельств» (5, 164). Вообще, ахроматические цвета избираются людьми, испытывающими сильное, невыносимое психическое давление с кризисным обострением.

Современники Н. Рубцова утверждают, что поэт был сложным человеком, непонятым для окружающих. Повышенная ранимость, застенчивость и целомудрие уживались в нём с безоглядной русской удалей, порой переходящей даже в забубённость; доверчивость и открытость души соседствовали с тяжёлой замкнутостью, а нередко и с болезненной подозрительностью. В хорошем настроении был ясен добр, как ясное солнечное утро. Ходил по улицам, улыбаясь знакомым, наклонялся с каким-то разговором к детям, дарил конфеты или жёлтые листья. И дети, безошибочно чувствуя доброту, тянулись к нему и радовались. Он признавался, что жизнь его идёт полосами: то светлая, то опять чёрная. Он был непростым человеком, и жизнь его была непростая (10, 7).

Рассмотрим группу основных цветов спектра. В русском языке таких слов немного: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиоле-

товый. Эти цвета являются главными составляющими спектра, а также центральной частью парадигмы цветообозначений. Они организуют в разной степени разветвлённые ряды синонимов, передающих многообразие цветовых оттенков. Каждое из данных цветообозначений является собственным признаком конкретного предмета. В сознании носителей языка существует набор представлений о цветовых признаках. Эти представления формируются на основе ассоциаций, вызываемых признаками таких предметов, которые хорошо известны носителям языка, устойчивые и постоянные для данного предмета.

В поэтических текстах Н. Рубцова основные цвета спектра имеют разную частотность употребления: зелёный - 22 раза, жёлтый - 17, красный - 12, синий - 10, голубой - 8, оранжевый и фиолетовый цвета отсутствуют.

Эти цветообозначения в поэзии Н. Рубцова в большинстве случаев имеют конкретно-предметную соотнесённость, свойственную употреблению, используются в устойчивых традиционных сочетаниях: «голубые глаза», «голубое небо \ небеса», «жёлтые листья», «зелёная трава», «зелёный город», «красное вино», «красная смородина», «синяя кофта», «синий небосвод» и др.:

Тот город зелёный и тихий
Отрадно заброшен и глух... (10, 156);

...Мотыльки над водою,
Усыпанной жёлтыми листьями,
Не мелькали уже... (10, 134);

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!.. (10, 142);

Я счастлив, родина.
Спасибо, родина!
Всех ягод лучше - красная смородина! (10, 224).

Указанные выше сочетания прилагательных-цветообозначений с существительными являются нормативными, они свойственны не только поэзии Рубцова, но и языку в целом.

Высокую активность в образовании устойчивых сочетаний проявляют почти все цветовые слова поэзии Рубцова. Но у каждого «цветового» слова встречается и метафорическое значение. Например, зелёный, как и многие другие цвета, имеет в символическом смысле, который довольно редко встречается в творчестве поэта, двойственное значение: от положительного аспекта, связанного в основном с оттенком «цвета мха», до «ядовито-зелёного». Так в стихотворении «Не пришла» зелёный цвет связан у поэта с разочарованием в любви. Н. Рубцов называет «зелёный свет из окна ресторана «ядови-

тым», «болотным», «странным». Аналогично в стихотворении «Сто нет»: В окнах зелёный свет,//Странный, болотный свет...(9, 198). Данные стихотворения отражают напряжённость душевного состояния поэта.

Особого внимания заслуживает стихотворение «Зелёные цветы». Поэтический символ «зелёные цветы» заинтересовал многих исследователей творчества Н. Рубцова. В частности, В. Оботуров пишет: «Горестное чувство утраты и близкое ему (Н. Рубцову) сознание недостижимости меты нередко посещают поэта... Живя радостью встречи с отчей стороной, будучи убеждённым, что «мир устроен грозно и прекрасно, что легче там, где поле и цветы», поэт тем не менее чувствует: Что даже здесь чего-то не хватает...// Недостает того, что не найти...» (7).

В природе не существует зелёных цветов, поэтому зелёные цветы - это символ чего-то фантастического, символ того, что не достаёт поэту до полного ощущения радости и счастья.

«Цветовое» слово красный чаще других выступает в оценочном и символическом значении:

1. Красный - употребляющийся для обозначения чего-нибудь хорошего, красивого, вызывающего положительные эмоции:

Я счастлив, родина.
Спасибо, родина!
Всех ягод лучше - красная смородина! (10, 224);

Бурлит прибой под шапкой белой пены,
Как дорогое красное вино! (10, 278) и др.

2. Красный - цвет крови, пролитой в героических сражениях:

И снова раздавлен враг,
Мороз превращает в лёд
Снег, красный от пролитой крови... (9, 393).

3. Красный - символизирующий состояние любви, жизни:

Красные цветы мои
В садике завяли все... (10, 31).

В. Н. Бараков отмечает, что цветы в поэзии Н. Рубцова символизируют любовь, жизнь, а увядшие цветы - горе, несчастье, что даёт нам право утверждать, что Н. Рубцов в данном стихотворении повествует о том, что его жизнь (любовь) несчастливая.

Следует особо отметить поэтический символ, используемый Н. Рубцовым, - «красное солнце». Фольклорное «красное солнце», обозначающее кра-

соту, счастье, жизнь, Н. Рубцов представляет в своём стихотворении «Наступление ночи» перед закатом:

И так тревожно
В час перед набегом
Кромешной тьмы
Без жизни и следа,
Как будто солнце
Красное над снегом,
Огромное,
Погасло навсегда... (10, 47).

Закат солнца поэта тревожит, страшит, как страшит приближающаяся смерть. Образ солнца перед закатом ассоциируется со смертью (горем), что отмечают многие исследователи творчества Н. Рубцова, в частности В. Н. Бараков.

Парадигма цветообозначений в поэтической системе Н. Рубцова пополняется авторскими новообразованиями по устоявшимся продуктивным моделям, где значение цвета выражается через ассоциации с предметами, имеющими определённую окраску. К ним относятся прилагательные как «багровый», «аспидный», «винный», «сапфировый», «свинцовый», «оловянный», «пурпуровый», «сизый», «солнечный», «золотой», «серебряный», «лазурный», «пиловый»:

Расплескала в камень струи
Цвета винного волна... (9, 416),

Винный - цвета вина (вино имеет белый, чаще красный цвет).

Я у моря ходил. Как нежен
Был сапфировый цвет волны (9, 407),

сапфировый - синий или голубой цвет.

...Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат... (10, 144),

пурпуровый - тёмно- или ярко-красный цвет.

Имена существительные, обозначающие цвета, также характерны для творчества Н. Рубцова, хотя их совсем немного. Это «синева», «зелень», «просинь»:

Любовь, а не брызги речной синевы
Принёс мне холодный ветер с Невы (93, 328),
Замутило дождями
Неба холодную просинь... (10, 134),

Большой интерес представляют существительные, обозначающие цвет, выражающие отношение автора к реалиям действительности. Например, слово «прозелень», которое является авторским образованием:

Нахмуренное, с прозеленью, небо,
Во мгле, как декорации, дома... (10, 150).

Сложные прилагательные со значением цвета довольно редки в поэзии Н. Рубцова, но всё же имеют свои особенности. Рассмотрим группу сложных прилагательных со значением цвета, в составе которых:

- один корень имеет значение цвета (зеленоглазый);
- оба корня имеют значение цвета (зелёно-белый).

Прилагательные, один из корней у которых имеет значение цвета, больше распространены в поэзии Н. Рубцова, чем прилагательные второй группы (среднее соотношение 6 : 3). Такие прилагательные являются одним из ярких средств художественной изобразительности. Все они относятся к группе «цветовых» слов и являются общеязыковыми, нормативными: белоколонный, зеленоглазый, зеленогрудый, златогривый, красноезвездный, они используются для описания признаков конкретных предметов, например: «белоколонный храм», «она зеленоглазая», «златогривый конь», «красноезвездная шапка». Одно «цветовое» слово автор употребляет в индивидуальном значении: «зеленогрудое село»:

Село, где на чинаровом столбе
Осталась моего рожденья дата,
Зеленогрудое! Грущу я о тебе... (11, Т-2, 257).

Осмелимся предположить, что автор называет село зеленогрудым, потому что оно расположено на холме или холмах, сплошь покрытых зеленью.

Сложные прилагательные второго разряда характеризуют тоже индивидуально-авторское восприятие предметов. Данные прилагательные состоят из двух частей, которые обозначают цвет, причём вторая часть, входящая в состав сложного слова, обозначает основной цвет, а первая - дополнительный: зелёно-белый, серебряно-янтарный. Использование в изобразительных целях таких образований объясняется прежде всего стремлением поэта экономно, в одной словесной единице, выразить значительное содержание, расширить характеристику предмета. Обратим внимание на смысловую ёмкость таких прилагательных:

Всё о вечности здесь говорит.
Здесь веками отчаянно-смелые,
Бьются шторы зелёно-белые
В серый, тысячелетний гранит... (11, Т-1, 72);

Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвёл душою Пушкин легендарный... (10, 68).

В поэзии Н. Рубцова встречается сложное слово, которое передаёт степень насыщенности цвета, степень яркости: «белый-белый»:

Вьётся в топке пламень белый,
Белый-белый, будто снег... (10, 263).

Яркость цвета передаёт поэт путём повторения одной и той же лексемы, что придаёт слову особое интонационное звучание и большую насыщенность при представлении качества обозначаемого предмета.

Результаты исследования можно представить в следующей таблице.

	Число наименований	Кол-во употреб- лений	Соотношение меж- ду числом употреб- ления цветообозначений
1. Слова, обозн. основные цвета спектра	5	64	33%
2. Белый цвет		39	21%
3. Чёрный цвет		20	11%
4. Группа слов серого цвета	8	20	11%
5. Сложные прила- гат. со значением цвета	3	3	2%
6. Сложные при- лагат., в составе которых один из корней имеет зна- чение цвета	5	6	3%
7. Остальные цве- тообозначения	21	35	19%

Таким образом, можно утверждать, что в лирике Н. Рубцова мало слов-цветообозначений, у поэта из 500 стихотворений только 135 имеют в своём составе «цветовые» слова: Из приблизительно 50000 общего количества слов в стихотворениях только 188 из них «цветовые», что составляет приблизи-тельно 0,7 %. Художественное своеобразие поэзии Н. Рубцова состоит в преобладании ахроматических цветов, что создает особую «поэтическую графику» и характеризует его особенность восприятия мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреев О. Тренировка ясного сознания // Наука и религия, 1994, №3, с. 58-61.
2. Бараков В.Н. «И не одна она от нас зависит...» Заметки и размышления о поэзии Н.Рубцова. – М.-Вологда, 1995.
3. Бараков В.Н. Лирика Н.Рубцова: опыт сравнительно-типологического анализа. – Вологда, 1993.
4. Биддерманн Г. Энциклопедия символов. – М., 1999.

5. Драгунский В.В. Цветовой личностный тест. – М., 2001.
6. Иванова Е.В. «Мне не найти зеленые цветы...» (размышления о поэзии Н.Рубцова). М., 1977.
7. Оботуров В.А. Искреннее слово: страницы жизни и поэтический мир Н.Рубцова. М., 1987.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1987.
9. Рубцов Н.М. Избранное. – СПб., 1998.
10. Рубцов Н.М. Подорожники. – М., 1985.
11. Рубцов Н.М. Сборник сочинений в трех томах. – М., 2000.
12. Яньшин П.В. Введение в психосемантику цвета. – Самара, 2000.

О. В. Третьякова

Словообразовательный аспект освоения англоязычных заимствований

(на примере заимствованной лексики словаря музыкальной эстрады)

В конце XX века в системе русского языка высокую словообразовательную активность приобрели лексические единицы, имеющие английское происхождение. На страницах прессы появилось большое количество англицизмов, имеющих словообразовательные парадигмы, активизировалась аффиксальная деривация. Данные структурные явления свидетельствуют об адаптации заимствованных слов в русском языке, т.к. по мнению В.М. Аристовой [1, 11], Л.П. Крысина [5, 35] и других исследователей заимствованной лексики, именно приобретение иноязычным словом словообразовательной активности в системе языка-реципиента свидетельствует о высокой степени его освоенности заимствующим языком.

Центральным способом номинации, характеризующим заимствованную из английского языка лексику словаря музыкальной эстрады, является аффиксальная деривация, включающая суффиксацию и префиксацию. Оба процесса, тесно взаимодействуя, способствуют обогащению лексического состава языка. По мнению Л.П. Крысина, в этом взаимодействии отчетливо проявляется тенденция к интернационализации лексики, т.к. аффиксальные морфемы оказываются общими для разных языков [6, 84]. В частности, общим для английского и русского языков является суффикс производителя действия *-er* и *-er*: *cover* – *кавер*, *looker* – *лукер*, *mixer* – *микшер*, *producer* – *продюсер*, *promoter* – *промоутер*, *flyer* – *флаер*, *headliner* – *хедлайнер* и др.

Ср.: «Другая история – **каверы**. Это исполнение иностранных, как правило, популярных песен на русском языке. Причем с фонетическим подражательным переводом – «Мальчик хочет в Тамбов», «Мама, шика дам» и т.д.» («АиФ», №4, окт. 1999, с. 16). «На Западе есть профессия **лукера**. Это человек, который буквально создает внешность клиента: зная его профессию, образ жизни, бюджет, **лукер** составляет десятки комплектов для самых

разных случаев...» («Cosmopolitan», сентябрь, 1997, с.14). «44-летний композитор – продюсер Игорь Крутой – крупнейшая фигура в нашем музыкальном шоу-бизнесе» («АиФ», №18, 1999, с.21). «С Тимуром Ланским (клубным промоутером, заставшим, можно сказать, когда-то в России рейв-культуру...) он готовился к великому техно-перформансу в канун 2000 года» («МК», 09. 09 – 16. 09, 1999, с. 19).

Большой частотностью и активностью в современном русском литературном языке характеризуются имена существительные на -инг. Как отмечает В.В. Виноградов, суффикс -инг является интернациональным, отличным от суффиксов лица, встречающихся в заимствованных словах [3, 96]. А.В. Боброва также считает данный суффикс не заимствованным, а интернациональным по сфере употребления, т.к. привлеченный из других языков материал свидетельствует о том, что слова на -инг в основном интернациональные [2, 20].

Среди проанализированных заимствований словаря музыкальной эстрады выявлено два существительных на -инг: *дансинг, рейтинг*.

Ср.: «Такие молодые люди, конечно, посещают ночные *дансинги*, но не всегда комфортно там себя ощущают... Их музыка та, что не выбивает из колеи» («Cosmopolitan», март, 1998, с. 147). «Судя по *рейтингу MTV*, следующим кандидатом на награждение почетным орденом за вклад в развитие российской эстрады станет красавчик Рикки Мартин, распеваящий “*Live! La Vida Loca*”» («МК», 17. 06 – 24. 06, 1999, с.17).

Как показал анализ англоязычных заимствований из словаря музыкальной эстрады, многие из них в процессе освоения в системе русского языка активно участвуют в суффиксальной деривации, приобретая следующие русские суффиксы:

1) -ш- (при образовании имен существительных со значением лица женского пола от англоязычных заимствованных корневых морфем): *имиджмейкерша, хедлайнерша, шоуменша*.

«Мадонна невзлюбила *шоуменушу* с ее 100% попаданием во вкусы публики» («МК», 21. 01, 1999, с. 19).

2) -к- (при образовании имен существительных со значением лица женского пола): *ди-джейка*.

«И, наконец, 23 процента набрали молодожены – *ди-джейка* Зо Болл и музыкант Норман Кук, более известный как *Fatboy Slim*» («МК», 28. 10 – 04. 11, 1999, с. 20).

3) -ств-: продюсерство.

«Затем она нашла себя в деле, связанным с *продюсерством, шоу-бизнесом*» («МК», 08. 04 – 15. 04, 1999, с.19).

От имен существительных английского происхождения актуально образование относительных прилагательных при помощи продуктивных суффиксов -н-, -ов-/ -ев- (от англоязычных существительных с предметным и вещественным лексическим значением) и суффикса -ск- (от существительных со значением лица):

1) -н-: каверный, микшерный.

Ср.: «Пока Джой распускает слухи, делом занят некий шведский ас микшерного пульта, скрывающийся под псевдонимом Кэптен Козмо» («МК», 24. 06 – 01. 07, 1999, с. 17).

2) -ов-: блюзовый, дансинговый, однотрековый, джаз-роковый, хард-роковый, хитовый.

Ср.: «Легендарные AC/DC уже написали материал для своего нового альбома, который, как надеется вокалист коллектива Брайан Джонсон, станет возвращением группы к ее блюзовым корням» («МК», 16 мая, 1999, с. 19).

«Очень забавно наблюдать в этом - дансинговом – качестве Лагутенко» («МК», 17. 02 – 24. 02, 2000, с. 20).

«Буржуазка!» Именно так, с полной мерой модной кое у кого классовой ненависти образца 1920-х, мы будем отныне называть бывшую участницу Fab Five... простите, Spice Girls – Джери Хэллуэлл. Основанием к такому смелому ходу послужило знакомство с однотрековым промо-синглом Джери «Look At Me», выпущенном еще 16 апреля корпорацией FM» («МК», 16 мая, 1999, с. 19).

«Американский басист-виртуоз Билли Шизн не только занят записью третьего CD джаз-рокового трио Niacin и двух сольных альбомов – инструментального «с изрядной долей бас-гитарной психоделики» и песенного хард-рокового опуса: он прилагает титанические усилия по возрождению своей супергруппы Mr. Big, благо им уже написано предостаточно нового песенного материала» («МК», 16 мая, 1999, с. 19).

«Невеста?» Самая хитовая вещь с пластинки» («МК», 17. 02 – 24. 02, 2000, с. 20).

3) -ев-: трешевый.

«Столь трешевого римейка на Трволту даже «Звуковой дорожке» не приснилось бы в самых кислотных глюках» («МК», 27. 04 – 11. 05, 2000, с. 29).

4) -ск-: ди-джейский, клипмейкерский, продюсерский, промоутерский.

Ср.: «Нас нельзя назвать продюсерским центром, потому что в любом случае мы музыканты, а не продюсеры» («МК», 23. 03 – 30. 03, 2000, с. 18).

«И к музыке отношение то же – слушают кучу всего, но ни на чем подолгу не останавливаются. Их похожие на чил-аут квартиры заполняет всякая «кислотная» и диджейская всячина, разнообразные сборники танцевальных миксов» («Cosmopolitan», март, 1998, с. 147).

При образовании глаголов от заимствованных слов на русской почве используются суффиксы -ирова-/ -орова-, -ова-: миксовать, продюсировать.

Ср.: «Легендарные AC/DC уже написали материал для своего нового альбома, который, как надеется вокалист коллектива Брайан Джонсон, станет возвращением группы к ее блюзовым корням. Продюсировать запись, которая начнется в ближайшее время, будет Джордж Янг, старший брат гитаристов AC/DC Малькома и Ангуса Янгов» («МК», 16 мая, 1999, с. 19).

Приставки в словообразовании на базе заимствований используются реже. По мнению Е.А. Земской, префиксация активна, но отстает от суффикса-

ции [4, 90]. Как показал материал исследования словарь музыкальной эстрады заимствовал из английского языка слова с префиксами ре-, ри-, супер-:

1) с общим значением повторности действия: ре-, ри-: *ремикс, римейк*.

Ср.: «За это время мы написали «Невесту» с Игорем Николаевым, стали авторами у многих коллективов, сделали несколько *ремиксов*» («МК», 23. 03 – 30. 03, 2000, с. 18).

«Прорыв случился в прошлом году, когда продвинутое поколение в лице группы «Руки Вверх» вошло в союз с эстрадным монстром и потрясло музыкальный рынок совместным альбомцем *римейков*. Добрынинская музыка вновь вернулась на танцполы» («МК», 28. 01 – 04. 02, 1999, с. 17).

2) с общим значением превосходной степени, чрезмерности: супер-: *суперстар, суперхит*.

«Меньше чем через год его физиономия появилась на всех экранах, неожиданно оказалось, что в Латинской Америке Рикки – звезда первой величины и конкуренцию ему могут составить лишь такие испаноязычные *суперстар*, как Дженифер Лопез, Луис Мигель и Энрике Иглесиас» («МК», 01. 07 – 08. 07, 1999, с. 21).

«Как вы сейчас относитесь к своим старым *суперхитам*? Часто бывает, что музыканты их просто ненавидят...» («МК», 20. 04 – 27. 04, 2000, с. 29).

Зафиксированы случаи образования совершенного вида глагола при помощи префикса с-: *смиксовать* ← *миксовать* ← *микс* (от англ. *mix*); *спродюсировать* ← *продюсировать* (от англ. *produce*).

Ср.: «У меня около ста песен. Но все это я пока откладываю. Ящики завалены кассетами. Трачу время, чтобы их подписывать, архив такой. Все равно когда-нибудь пригодится. Можно потом просто взять откуда-то строчку, оттуда-то припев, *смиксовать*. Это мой багаж, и поэтому мне жаль его куда-то отдавать» (из интервью с Земфирой) («МК», 10. 06 – 17. 06, 1999, с. 19).

«Г-н Кениг-Капустин *спродюсировал* две есенинские песенки для одного из тамошних клубных сборников» («МК», 17. 06 – 24. 06, 1999, с. 17).

Говоря о словообразовательном потенциале англицизмов в современном русском языке, необходимо выделить активную тенденцию к аналитическому словообразованию на базе заимствований из английского языка. Так в системе русского языка образуются сложные субстантивные двухкомпонентные единицы, у которых первый компонент, заимствованный из английского языка, является атрибутом к постпозитивному родовому имени. Активизация данной структурной группы является одним из проявлений общего процесса – лексической конденсации, выступающей как закономерное следствие универсальных принципов экономичности и избыточности в языке.

Например: *данс-стиль* ‘танцевальное направление в музыке’; *демोकассета* ‘кассета с записью музыкальных композиций начинающего певца’; *диско-клип* ‘клип на песню в стиле диско’; *плей-лист* ‘список музыкальных композиций, звучащих в радиозфире в течение дня’; *промоушн-группа*

‘группа, ведущая рекламную кампанию с целью привлечения спонсорских средств’; **промоушн-тур** ‘серия выступлений, преследующих рекламные цели’; **рекорд-компания** ‘звукозаписывающая компания’ и т.д.

Ср.: «В силу слабых интеллектуальных возможностей бритые затылки даже не могут запомнить названия тех данс-стилей, к которым якобы прибываются, не то что разобраться в их тонкостях и знать исполняющих их музыкантов» («Cosmopolitan», март, 1998, с. 150).

«После прослушивания демо-кассеты Спринс продюсеры звукозаписывающей компании захотели послушать Бритни вживую» («МК», 31. 08 – 07. 09, 1999, с. 21).

«Как известно, полицейский обвиняет певца в нанесении морального ущерба собственной персоне, а равно и оскорблению закона и опять же его личности в общеизвестном знойном диско-клубе “Outside”» («МК», 30. 09 – 07. 10, 1999, с. 19).

«Неудивительно, что песни Игоря Крутого практически отсутствуют в плей-листах ведущих столичных радиостанций...» («АиФ», №18, 1999, с. 21).

«Скажем, некая промоушн-группа «Дети солнца» планировала гиперакцию протеста...» («МК», 15. 04 – 22. 04, 1999, с. 20).

«У меня этим летом всего несколько концертов в России, потому что у меня сейчас в Европе идет мощный промоушн-тур» (из интервью с Алсу) («КП», 6 июля, 2001, с. 18).

«Если ты продвигаешь альбом, то, вероятно, у тебя обед с представителями рекорд-компании, после которого ты только спать идешь в 4 утра» («МК», 20. 04 – 27. 04, 2000, с. 29).

Наибольшую активность в плане аналитического словообразования проявляет заимствованное из английского языка слово шоу: **шоу-агентство, шоу-бизнес, шоу-группа, шоу-концерт, шоу-мероприятие, шоу-персона, шоу-показ** и т.д.

Вслед за Е.В. Сенько мы рассматриваем выше представленные структурные элементы как сложные слова, которые характеризуются наличием одного основного ударения, отсутствием синтаксических и оценочных отношений между компонентами, воспроизводимостью, целостностью значения [8, 272].

Сливаясь в одно целое, компоненты сложных слов обозначают понятие, которое является своего рода синтезом, но в то же время отличается от каждой номинации в отдельности. Таким образом, сложные субстантивные образования служат расчлененному обозначению называемой реалии: они эксплицитно указывают на класс предметов (единица русского языка) и его признак (единица, заимствованная из английского языка).

Увеличение числа однотипных заимствований из английского языка в конце XX века повлекло за собой рост продуктивности некоторых словообразовательных моделей. К числу инноваций в области существительных со значением лица относится активизация словообразовательной модели ‘предмет тот, кто создает этот предмет’, в которую объединяются слова на –мейкер:

имиджмейкер, клипмейкер, ньюсмейкер, саундмейкер, хитмейкер. Ср.: «Много необычных слов, преимущественно иностранного происхождения, заносит в словарь современного россиянина новая цивилизованная жизнь. Секвестр и дефолт, имиджмейкер и импичмент, вставлялово и промоутер, и много еще всяких, вплоть до «Миллениум» («Cosmopolitan», март, 1999, с. 28). «Он собрал молодых, но модных клипмейкеров, впарил компьютерную графику...» («МК», 09. 03 – 16. 03, 2000, с. 19). «Если разложить деятельность Киркорова по полочкам, то получится, что на первом месте Киркоров – «медиа персонаж», на втором – Киркоров – шоумен и лишь на последнем – Киркоров – хитмейкер. Строго говоря, за всю славную карьеру у него случился один единственный настоящий всенародный хит – «Зайка моя» («Cosmopolitan», сентябрь, 1998, с. 41).

В английском языке элемент -maker (англ. make – “делать, создавать” + er) является компонентом некоторых сложных слов: dressmaker – “портниха” [7, 219]; shoemaker – “сапожник” [7, 667]; watchmaker – “часовщик” [7, 819]. Остальные сложные существительные с данным компонентом существуют как потенциальные слова.

В русском языке элемент -мейкер выполняет функцию аффикса, вычленившись в группе слов однотипной структуры, образованных от заимствованных ранее англицизмов. По мнению Е.С. Сенько, данная специфичная морфема вычленилась из состава серийных, сложных образований и начала функционировать как готовая структура, свободно присоединяющаяся к основам или словам [8, 258].

Проявление словообразовательной активности заимствованного аффикса -мейкер свидетельствует о его самостоятельности в новообразованиях в системе современного русского языка. Кроме того, основанная русским языком модель предоставляет возможность образования окказионализмов: *слухмейкер, скандалмейкер* и т.д. Ср.: *«И только на днях нашим слухмейкерам удалось прояснить эту ситуацию до конца» («МК», 20 мая, 1999, с. 23). «Желаю мужества, воли, реагирования на визг и хамство «скандалмейкеров» («МК», 25 сент., 1997, с. 19).*

Словообразовательная активность исследованных англицизмов из словаря музыкальной эстрады является результатом сложного процесса переработки иноязычных элементов средствами русского языка. Способность данных лексических единиц приобретать русские аффиксы свидетельствует о высокой степени их адаптации на русской почве.

В связи с приобретением многими словами английского происхождения широкоупотребительных аффиксов возникает вопрос о статусе данных лексем. Как показал материал исследования, те заимствованные из английского языка слова, которые в процессе адаптации в русском языке приобрели русские аффиксы, вошли в систему русского литературного языка, утратив статус заимствования. Эти слова являются русскими, образованными от заимствованных основ при помощи русских аффиксов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. – 150 с.
2. Боброва А.В. Имена существительные на –инг в русском языке(происхождение и функционирование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 21 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – с. 207.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 220 с.
5. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 206 с.
6. Крысин Л.П. Словообразование или заимствование? // РЯШ. – 1997. – №6. – с. 84-89.
7. Новый англо-русский словарь: Ок. 160 000 слов и словосочетаний / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1997. – 880 с.
8. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: межкуровневый аспект: Дис. ... доктора филол. наук. – Волгоград, 2000. – 430 с.

Номинативные варианты антропонимов в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.*

История русской антропонимии может рассматриваться в двух аспектах: с точки зрения языковых ресурсов, используемых для создания антропонимических номинаций (личные имена, отчества, фамилии и др.), истории их формирования и закрепления в языке и с позиций описания функционирования индивидуальных именовании человека в речи, их взаимодействия с языковой и речевой средой, взаимовлияния именовании, их варьирования. С этим связана возможность выделения в исторической антропонимике как лингвистической дисциплине двух направлений, которые могут быть названы как *антропонимика ресурсов* и *функциональная антропонимика*. Эти направления ставят разные задачи и предполагают различные подходы к описанию исторического материала.

Необходимость разграничения двух аспектов и двух направлений исследования определяется и двойственным характером антропонимической лексики в целом. В ней следует разграничивать две самостоятельные подсистемы, которые могут быть определены как *потенциальные* («невоплощенные», «развоплощенные») имена (*Иван* как русское мужское имя, *Ольга* как русское женское имя и под.), которые занимают особое положение в языке, не являясь полноценными антропонимами, поскольку не соотнесены с конкретным лицом, не выполняют номинативной и идентифицирующей функции, и *актуальные* антропонимы (собственно антропонимы, обладающие всеми признаками имени собственного), воплощенные в именовании лица и закрепленные в сознании языкового коллектива за конкретным индивидуальным предметом. Более подробная характеристика соотношения потенциальных и актуальных антропонимов по их семантической специфике и отношению к языку и речи предполагается для специального рассмотрения и не входит в задачи данной статьи.

Предлагаемый функциональный подход в исследовании русской антропонимии основывается на рассмотрении ее в составе различных типов функциональных парадигм: *формально-типологических*, объединяющих именование разных лиц, выявляющих состав антропонимических ресурсов и их место в именовании (например, «Сенка Семенов сын *Шарко*» – «*Шарко* Савин» [1]), *функционально-семантических*, объединяющих именование по общности функций их компонентов (например, «купленной работник тотаринь Афонька *Сибирякъ*» [2] – «Устюга Великого кабалной человѣкъ упокойного Тимофея Маркова Демька Ивановъ, а *родомъ Кыркискихъ Тотаръ*» [3] – «де-

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (грант №02-04-00054а).

ревни Маминские крестьянина Васки Селиванова Махина в. половник Федка Татарин» [4]), и *номинативных*, представляющих собой ряды антропонимов, соотносимых между собой в качестве номинативных вариантов. Именно они, прежде всего, и являются предметом настоящего описания.

Номинативные парадигмы имеют как потенциальные, так и актуальные антропонимы. Характер парадигм является одной из их отличительных черт. *Номинативные парадигмы потенциальных антропонимов* в языковой системе могут включать явления разного порядка: как фонематические, грамматические, транскрипционные (орфографические) варианты одного слова (*Данил* – *Данила* – *Данило*, *Нестор* – *Нестер*, *Мария* – *Марья*, *Захар* – *Захарий* – *Захария*, *Сава* – *Савва*), так и разные слова (*Михаил* – *Миша*, *Василий* – *Васюк*), а также (в современных языках) заимствованные имена (*Мария* – *Мери*, *Сергей* – *Серж*). Соотносимые между собой имена и их варианты различаются с точки зрения стилистической окрашенности, отношения к активному или пассивному запасу и ряду других признаков.

Большая часть модификатов личных имен в русском языке подверглась языковой кодификации и употребляется в качестве стилистически окрашенных номинативных вариантов личного имени. Н.А. Янко-Триницкая, обратившая внимание на специфику словообразования русских личных имен в современном языке, отметила, что “уменьшительные от них образуются по особым правилам, а чаще всего даже и не образуются, а просто существуют в языке. И все знают, что Шура – это Александр или Александра, а Юра не только Юрий, но и Георгий, а Тоня или Тося – Антонина” [5]. Другими словами, многие модификаты календарных имен носят потенциальный языковой характер. К ним следует отнести гипокористики и некоторые суффиксальные образования на базе частых имен (стилистические модификаты с нейтральной оценочностью): *Иван* – *Ваня*, *Григорий* – *Гриша*. Узуальный характер таких модификатов подтверждается специфичной словообразовательной мотивированностью многих из них и фонетическими чередованиями, не свойственными современному словообразованию, которые могут быть объяснены только с позиций истории языка и изменений облика имени (*Дмитрий* / *Димитрий* / *Митрий* – *Дима*, *Митя*; *Сергей* – *Сережа*). В качестве стилистических вариантов полным именам могут быть соотнесены модификаты, образованные от супплетивных основ (*Георгий* – *Жора*, *Евгений* – *Женя*), «лепетные» имена (*Вова*, *Вава*, *Кока*, *Леля*, *Мася*, *Тата*), воспринимаемые носителями современного языка в качестве производных от «полных» имен.

Соотношение разных потенциальных имен в качестве номинативных вариантов имеет *конвенциональный характер*. Семантические отношения между ними слабо выражены, зато особую значимость имеют формальные связи различного характера. Одни варианты являются производными по отношению к другим и деривационно связаны с ними, а другие только соположены в системе языка (*Трифан* – *Труфан*, *Варфоломей* – *Вахромей*, *Агей* – *Аггий*, *Николай* – *Микула*), тождество между ними устанавливалось и сохранялось целенаправленными усилиями языкового коллектива.

В разные эпохи, на разных стадиях развития русского языка складывались отождествительные ряды личных имен, большинство которых сохранилось до сегодняшнего дня. Потенциальные номинативные парадигмы антропонимов достаточно консервативны. Расширение их в истории русской антропонимии происходило вследствие реформ именника, которые А.В. Суперанская определила как «искусственное вмешательство в русский именослов» [6]. Разрушение номинативной парадигмы потенциальных имен всегда связано с тем, что варианты начинают восприниматься носителями языка как разные имена, имеющие свои номинативные ряды (*Георгий – Юрий – Егор, Ксения – Аксинья – Оксана* и др.). С другой стороны, система потенциальных антропонимов формируется в языке под влиянием актуальной антропонимии. А.В. Суперанская отмечала, что «для того, чтобы знать, что произнесенное слово – собственное имя, необходимо, чтобы существовал хотя бы один объект, им зовущийся (...) «воплощенность» имен оказывается необходимым условием становления лексических единиц как имен собственных» [7].

Как известно, деловая речь характеризуется стандартизованностью, поэтому составитель документа при записи именованного стоит перед проблемой выбора антропонима или его варианта, наиболее корректного для официального языка. В отечественной ономастике под гиперкорректным вариантом имени собственного понимается вариант, возникший «из потребности говорящего (или пишущего) произносить (или писать) имя в такой форме, которая ощущается как правильная, и при этом устранить или обойти элементы (прежде всего фонологического плана), ощущаемые как некорректные» [8]. Гиперкоррекция в сфере имен собственных обусловлена «человеческим фактором» в языке, о чем уже неоднократно писали исследователи русской топонимии, норма в которой часто представляет собой «результаты усилий местных работников, на свой страх и риск перестраивающих топонимическую систему» [9]. В сфере антропонимии гиперкоррекция определяет кодификацию потенциальных антропонимов и их использование в документальном именовании.

Явление гиперкоррекции в сфере личных имен тесно связано с *идентификацией имени*, под которым в отечественной ономастике понимается «установление соответствия между основным именем и производным» [10]. Думается, что данное явление носит более широкий характер, чем предполагает цитируемое определение, предложенное в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской. *Идентификация имени* (антропонима) – это установление говорящим соответствия между разными номинативными вариантами имени собственного.

Как отмечает А.В. Суперанская, с проблемой идентификации антропонима сталкиваются современные делопроизводители и правоохранительные органы, часто решающие вопрос: считать ли абсолютно разными именами документальные антропонимы *Наталия* и *Наталья*, *София* и *Софья*, *Анастасия* и *Настасья* [11]. С целью «идентифицировать разные варианты одних и тех же

имен" в конце XX века созданы специальные словари-справочники «в помощь органам, производящим актовые записи, а также гражданам, стоящим перед выбором имен для своих детей» [12]. Словари русских личных имен часто имеют нормативно предписывающий характер, поскольку «имена выполняют важную юридическую функцию, способствуя идентификации личности в обществе», и «в связи с этим их написание, склонение и словообразование нуждаются в тщательной регламентации» [13].

Учитывая двойственный характер антропонимии, можно утверждать, что идентификация антропонима может осуществляться не только по линии «антропоним в речи – языковой гиперкорректный номинативный вариант», но и путем установления соотношения между разными актуальными именованиями одного и того же лица с целью идентификации человека.

Проблема гиперкоррекции и идентификации антропонимов существовала и в старорусской деловой речи.

Официальная антропонимия старорусского языка и современная антропонимия представляют собой отличающиеся друг от друга номинативные системы, которые по-разному организованы, предполагают использование разных способов и средств именования. Сравнение их обнаруживает специфику именований лица в севернорусских актах деловой письменности XVI–XVII вв.

Современная официальная антропонимия, употребляемая в деловой сфере, закреплена в языке и имеет узуальный характер. Официальный (трехчленный) антропоним современного русского языка обладает всеми признаками слова: имеет единую номинативную функцию, обладает тесной спаянностью структурных элементов, непроницаемостью. Создание новых номинативных единиц осуществляется за счет комбинаторики компонентов, составляющих номинации данного класса. Наречение каждого нового члена социума официальным именованием производится сразу после рождения. Современная официальная номинация лица создается, как правило, один раз, закрепляется в языке и воспроизводится в речи в готовом виде. Речевые номинации в современной антропонимии создаются на базе официального (документального) именования лица и имеют то же денотативное значение, а потому могут рассматриваться как стилистические модификации именования (например: *Черемисина Лидия Ивановна – Лидия – Лидия Ивановна – Черемисиха* и др.). Идентификация таких и подобных антропонимов и антропонимных сочетаний в современном языке предполагает их соотнесение с документальным трехкомпонентным именованием. Антропонимы, не связанные с официальным именованием, оцениваются носителями современного языка как прозвища, если они даны окружающими (*Черемисина Лидия Ивановна – Шайба*), или как псевдонимы, если они выбраны в качестве самоименования, помимо официального антропонима и его модификаций, самим говорящим.

В XVI–XVII вв., в начальный период формирования русского национального языка, проблема идентификации антропонима носила иной характер и имела особую значимость. Кодифицированной нормы в антропонимии того

времени не существовало, поэтому в речи конкурировали разные варианты личных имен, патронимов, фамилий и именовании в целом. В отличие от современной антропонимии, старорусское официальное именование лица, используемое в документах, носило вторичный (производный) характер по отношению к именованию, употребляемому в повседневно-обиходной речи. При этом составители деловых актов могли «подравнивать» бытовое именование под ту модель, которая предполагалась документом, либо создавать новую разовую (речевую) номинацию по данной модели. Бытовое именование и официальная антропонимическая модель, предполагаемая нормами составления документов, значительно отличались, поэтому требовали установления соответствия, взаимной идентификации. Об этом свидетельствует анализ номинативных парадигм именовании одного и того же лица в одном и том же тексте или в разных документах XVI–XVII вв.

Номинативные парадигмы актуальных антропонимов в старорусской деловой письменности выявляются на основе общего денотативного значения разных именовании одного и того же человека. Они были обусловлены воплощением в официальной номинации лица разных антропонимических средств. Рассмотрение внутритекстовых и межтекстовых парадигм именовании одного и того же лица позволяет назвать следующие факторы парадигмообразования.

1. Одной из наиболее частых причин возникновения номинативной парадигмы является варьирование компонентного состава именовании за счет включения в него различных антропонимических средств номинации данного конкретного лица: «Памет зборшыку данному и оброчному *Анане Калистратову Короткому*. <...> *Ананя* заплатил с четверти деревни Брезиньские рубль денег и 4 гривны и и полшесты денги» [14]; «Да *Ананя Калистратов* заплатил дань и оброк с пошпиною порублевою и задане денги с четверти Березинские деревни рубль з денгою» [15]; «Да Кирило Вахrameев да Федор Васильев Лыжсин заплатили...» [16], «Памят соцкому Федору Василеву зборшыку данному и оброчному» [17], «По сей зборной соцкои Федор брал половину всеи же дани и оброку за 19 год <...> По сей зборной соцкои Федор Лыжсин брал половину дани и оброку <...> Да Федор соцкои заплатил с мирские деревни половину дани и оброку» [18]; «Да в послуех Григорей Павлов сын Кемляк поморец <...> Послуех Гриша Павлов руку приложил» [19]; *Стенка Петровъ Поповъ Лагуновъ* [20], *на беломъ мѣсте Стенька Петровъ Лагуновъ* [21]; *успенской церковной дьячокъ Сенка Семеновъ сын Забѣлин Ключин* <...> *по купчей Сенки Забѣлина* [22].

Наблюдения над составом подобных парадигм позволяют делать вывод о том, что наибольшей устойчивостью и последовательностью в использовании в XVI в. и на протяжении всего XVII века обладали однокомпонентные (*Ананя*, *Тимофий*, *Кобылка* и др.) и двухкомпонентные именовании, представлявшие собой устойчивое сочетание двух личных имен (*Андрюшка Конь*, *Ананя Плотник* и др.), личного имени и полуотчества (*Кирило Вахrameев* и др.), личного имени и фамильного прозвания либо прозвища (*Филька Незнаемых*,

Федор Мясной и др.). И по всей видимости, именно они употреблялись в быту и являлись той реальной основой, на которой в большинстве случаев строилось официальное именование XVI – XVII вв. Они наиболее часто встречаются в самоименованиях лиц (подписи, «рукоприкладства» под документами) и в актовых записях, не предъявляющих строгих требований к именованию лица, ср.: «Се яз, Иев Титов сын Рычкова, порядился есмь <...> у Соли Моржегорской на монастырьскую деревню на Лехове, что жил на той деревни *Ефим Осипов* <...> Да мне ж, Иеву, ставити сенные покосы в верховье с *Шестаком Востриком* пополам <...> На то послуши: *Ждан Иванов* прозвище *Бадана* <...> вместо *Иева Титова* пушкарь *Митька Шаханов* по ево веленью руку приложил. Послух *Жданко Иванов* руку приложил» [23].

Необходимость взаимной идентификации официального и бытового именований определяла следующие принципы создания номинации лица в документе: а) требуемые официальной нормой компоненты именования (чаще всего прозвание по отцу) прибавляются к бытовому именованию и записываются после него: «*Иванко Овчинник Прошин* <...> *Волокитка Левин* <...> *Гридя Кузнец Иванов сын* <...> *Сенка Выдра Гришин сын*» [24]; б) требуемые официальной нормой компоненты разрывают устойчивое именование: «*Нефедко Василев сын Уской*», ср.: «*Нефедка Усково Василева* пожни» [25]; в) неофициальный антропоним записывается после официального: *Иванко Федоров сын Кончаков Горбун* [26]; *Маркелко Еремеев* прозвище *Невежска*, ср.: двор *Невежски* Еремеева [27]; г) каждый компонент неофициального именования записывается после соответствующего ему компонента официального имени: «*Ефимко Деряга* да *Спиридонко Неклюд* да *Якушко Ефремовы*» [28]; *Новик Веселой* <...> *Емельян Новик Оксентьев сын Веселой* [29].

2. Номинативный ряд актуальных антропонимов регулярно возникал в результате варьирования личного имени. В номинативной парадигме актуальных антропонимов находит отражение частичная реализация прадигмы потенциальных имен. Это проявляется в замене актуального антропонима его потенциальным фонематическим вариантом: «Да *Тимофеи* Петров Сорока заплатил дань и оброк <...> Да *Тимофии* же заплатил...» [30]; «во дв. *Герасимко* Лукинъ Пролубниковъ, извощикъ... м. *Ярасимка* пролубника» [31]. Мена номинативных вариантов наблюдается и при записи некалендарных имен и прозвищ: «Платил *Пятои* Парфенов 25 алтын <...> Платил *Пятко* Парфенов 18 алтын 2 де» [32]; *Мишка Семеновъ Медвѣдь* – *Мишка Семеновъ Медвѣдко* [33].

Анализ антропонимии деловой письменности Северной Руси XVI–XVII вв. показывает, что в именовании могли воплощаться: а) реальный (актуальный) антропоним, которым именуют человека в повседневном обиходе, являющийся единицей языка жителей определенной местности или небольшого коллектива (*Овсяник Олешков* <...>, *Дороня Лабунин* <...>, *Лабуня Лабунин* <...>, *Вахрюта* Якимов <...>, *Харюта Ведунов* <...>, *Софряк Васильев*)» [34], ср.: «На то послух *Онтон* Матфеев сийской церковной дьячек <...> послух *Онтонийко* Матфеев руку приложил» [35]; б) потенциальный языко-

вой антропоним как номинативный вариант актуального имени (ср.: «в. Ивашка *Матфеев сын* Фуников; прежней оклад отцу его *Матвею* был денга, а после вологодского разорения оклад ему был то ж денга; и *Матюшка* во 123-м году умер») [36]; в) неузальный антропоним, образованный писцом по модели, продуктивной для деловых текстов (*Торокан* – *Тороканко*, *Анишук* – *Анишучко*: «*Тороканко* мясник <...> и *Торокан* стал на Вологде в стрелщы»; «м. дворовое *Анишука* Маркова <...> и *Анишучко* во 121-м году от литовского разорения сшел безвестно») [37].

3. К расширению номинативной парадигмы могло приводить функциональное сближение различных антропонимических единиц, их мена; конкуренция календарных и некалендарных личных имен, индивидуальных и фамильных прозвищ, фамильных прозвищ и фамилий, оформленных патронимическими суффиксами, полуотчеств и фамилий: «Да *Афанасеи Катаи Михайлов* заплатил дань и оброк <...> с трети деревни Дмитриевские...», «Да *Катаи Михайлов* заплатил дань и оброк <...> с трети деревни Дмитриевские» [38]; Яковъ Ивановъ сынъ *Катышовъ*, Якушка Ивановъ сынъ *Катышъ* [39]; «...а тотъ Федоръ *Мясной*, Усолского уѣзда Петровского селца крестьянинъ Федко Ивановъ сынъ *Мясново* ...Федка *Мясново*» [40].

Среди факторов, влиявших на структуру именования, можно назвать существовавшие на Русском Севере локальные традиции деловой письменности. Например, в разных документах, составленных в Каргопольском уезде XVI в., отмечены случаи, когда календарное имя фиксируется на втором месте после некалендарного имени или фамилии, это свидетельствует о местных особенностях составления документов, предпочтениях в выборе средств идентификации лица, оценке степени их официальности и менее строгом следовании нормам писцового дела, определяемым московскими приказами: «С мельницы на Онеге ж у порогу у *Харюса* у Васюка у Исакова оброку 6 денег» [41]; «*Ушак* Сысой Андреев сын <...> *Рубец* Васко» [42]; «*Гуляико Филиппко Паньфилов*» [43], а также об общих принципах создания номинации лица, когда компоненты, требуемые нормами делового языка, приводились после именования (или имени), употребляемого в быту.

4. Причиной образования номинативной парадигмы являлось варьирование патронимического компонента, которое могло быть связано с вариативностью личного имени отца именуемого (*Юрьев* / *Юрьин* – *Юрье* / *Юрья*): «в. Онтонко *Юрьив*, торгует мылом <...> лав. Онтонка *Юрина*» [44] или конкуренцией полуотчеств, образованных от разных антропонимов, называющих отца: «Олешка *Жданов* Седельников, кузнец <...> куз. Олешки *Григорьива* Седельникова» [45]; «плотные мастера Иван Якимов да Микифор *Парфеньев* да Семен Онофреев взяли... <...> плотни[к] Иван Якимов, да Микифор *Перво-го*, да Семен взяли...» [46]. При составлении именования лица в документе мог воплощаться как языковой патроним, соотношенный определенному личному имени (Иванов, Иванов сын), так могла создаваться и речевая номинация, образованная по определенной синтаксической модели с посессивным значением: Филка да Томилко *Пятово дѣти Литина* [47].

Выбор формы записи патронима нередко определялся идентификацией имени отца именуемого, при этом актуальный патроним заменялся его потенциальным (гиперкорректным, с точки зрения писца) вариантом. Имени одного из крестьян Антониево-Сийского монастыря *Галаш* в речи местных жителей была сопоставлена «полная форма» *Галафей* (вероятно, по аналогии *Тимоша* – *Тимофей*, *Дорох* – *Дорофей* и др.). Но в именовании его сына патроним *Галафеев* заменяется писцом на *Галахтионов*. Ср.: «Дер. Филия *Галафеева* на Семушине наволоке: в. Филия *Галахтионов*» [48]; «дер. Филиньская *Галашевская*» [49]. О гиперкоррекции могут свидетельствовать и ошибки писца в записи патронима. Составитель книги записи вечных сборов в Вологде в 1654 году записал имя одного из брачующихся как *Дмитрей Тихонов*, после этого, зачеркнув *Тихонов*, приписал *Тимофьев* [50]. Имена *Тимофей* и *Тихон* могут пересекаться только в общих модификатах (например, *Тиша*), и, вероятно, ошибка возникла вследствие неверной идентификации образованного от модификата патронима, которым назвал себя именуемый.

5. Номинативная вариативность именованного лица возникала вследствие смены вариантов фамилий, образованных по разным продуктивным моделям: «лав. Тренки *Жилкин*ского <...> лав. Тренки Петрова *Жилкина*» [51]. Вариативность фамилий могла быть обусловлена актуальностью разных вариантов антропонима главы рода, от которых были образованы фамильные дублеты, функционировавшие в обиходной речи и воплощавшиеся в официальном именовании лица: Петрушка да Ларка *Курицины*, винокуры... за посацкими людьми за Ларионом да за Петрушкою *Курочкиными* [52]; Тереховские дръвни Чернейко Федоров сын *Скрыпцынь*; Чернѣико Федоров сын *Скрыпин* [53].

Следует отметить и возможную модификацию фамилий при помощи продуктивных фамильных суффиксов и замену фамилий их модификатами в именовании: «Ивашко Левонтьивъ *Шалахин* ... лав. Ивашка *Шелахинова*» [54]; Ивашко Мосиев *Завалин*, торгуетъ отъезжая, «Устюга Великого посадкой человекъ Ивашко *Завалиновъ*» [55]. Возможно, эти варианты существовали в языке жителей определенной местности, но, скорее всего, фамилии на *-овъ* в данном случае образовывались составителем документа по продуктивной модели.

6. Нестабильность официального именованного лица могла быть связана с функциональным сближением антропонимических и апеллятивных средств номинации лица, их меной: «Якунка Микулин, оконнишник», «на Якова *Оконнишникова* <...> Яковъ *Оконникъ*» [56]; «*Карп Трофимов* сын *Сметанин*, плотник, устюжанин, посадкой человек <...> *Карпуня* плотник руку приложил» [57]; «На то послуши Емецкого острогу бобыль Осип Семенов сын, *колмогор родом* <...> *Послух Оська Семенов Колмогор* руку приложил» [58].

7. Варьирование именованного лица часто возникало вследствие осложнения антропонимической формулы различными полупредикативными и устанавливающими денотативное тождество разных антропонимов предикативными конструкциями, характерными для официально-деловой речи: «куз. *Андрюш-*

ки *Коня и Кобылка он же*» [59]; «выдаль я Куземка свою падчерицу Олександру Евсивеву дочь, а жены моей Куземкины дочь» [60]; «бьет челом сирота твой белозерского уѣзду Шубацкои волости храма Николая Чюдотворца что в Шубачѣ бывшаго попа Симеона сынишко Бориско» [61].

В севернорусской деловой письменности XVI–XVII вв. нередко возникала конкуренция антропонимов, способных замещать друг друга в сходной ситуации употребления или в одной и той же позиции в формуле именованя. Выбор номинативных вариантов, в наибольшей степени удовлетворявших требованиям старорусского официального именованя, во многом определялся типом документа и существующими в писцовой практике традициями составления подобных актов, следованием определенным *текстовым образцам*. Как правило, в рассматриваемом случае происходила замена одного антропонима другим, в большей мере соответствующим типу документа.

Достаточно последовательно замена полного имени его потенциальным «уничижительным» модификатом наблюдается при сравнении именованй в начальном протоколе челобитных и записях о приеме явки: «...бьет челомъ и являеть холопъ твой гостиной сотни *Васка* Ивановъ сынъ Поповъ <...> гостиной сотни *Василей* Ивановъ Поповъ на Устюге Великомъ соборной церкви протопопу Владимиру з братьею подаль сию явку» [62]; «бьет челомъ и являеть сирота твой Устюжанинъ *Володка* Терентиевъ сынъ Жилинъ <...> 170-го, июля въ 31 день, подаль явку *Володимеръ* Жилинъ» [63].

В частно-деловых актах на приобретение, передачу или арснду имущества (купчие, порядные, оброчные и др. записи), имевших строгий юридический характер, общей закономерностью является использование немодифицированных («полных») имен для называня субъектов правовых отношений, а также поручителей и свидетелей («послухов»): «Се яз, *Сергей*, да яз, *Иван*, да яз, *Юрье*, Калинины дети Офутина, да яз, *Никита* Ондреев сын Офутина ж, порядилися есмя <...> А на то послуши: *Игнатией* Иванов сын Каргополец да *Иван* Ондреев сын Ярцов Волочанин да *Истома* Иванов сын Вальнев Емчанин». Составитель документа, следуя деловому этикету, как правило, подписывается «уничижительным» модификатом: «А порядную запись писал *Петруша* Гаврилов сын Новгородец». В подписях под документом могли воспроизводиться разные имена: «*Сергей* руку приложил. К сей порядной *Иван* Калинин руку приложил. В послухах *Игнаша* руку приложил. В послухах *Иваш* руку приложил. В послухах *Истомка* руку приложил» [64]. Однако при сопоставлении именованй в начальном протоколе порядных записей и в записях поручителей («поруччиков»), свидетелей («послухов») с антропонимами в подписях («рукоприкладствах») обращает на себя внимание более частая замена в «рукоприкладстве» имени, приведенного в тексте документа, «уничижительным» модификатом: «На то послуши: *Иван* Макарьин да *Денис* Иванов Тюриков <...> Послух *Ивашко* Макарьин руку приложил. Послух *Дениско* Иванов руку приложил» [65]. Вероятно, это также определялось требованиями делового этикета.

Указанная особенность именования при составлении порядных и оброчных записей достаточно последовательно характеризует данные типы документов. Исключения единичны. Они обусловлены контаминацией порядной с другими типами частно-деловых актов, в частности с челобитными. Примером тому могут служить две записи из опубликованных Г.Н. Образцовым 90 текстов XVII в., составленных на Сии: «Се яз, *Емелька* Тархов Сийской волости, взял есмь...» [66]; «Се яз, *Фомка* Тимофеев сын Кыркалов мезенец Кузнецовы слоботки, дал есми запись...» [67]. Отступления от норм составления порядных и оброчных записей в данных текстах проявляются не только в именованиях лица, но и в формуляре. В первом тексте отсутствует указание «послухов», вместо него вводится формула: «В том я, *Омелька*, <...> и запись дал». Вместо рукоприкладств, на обороте дается отметка о «подаче» документа (как в челобитных): «Подал стряпчей Михей Рюмин. Взять к судному». Во втором тексте обращает на себя внимание смешение формул в конечном протоколе документа и рукоприкладстве: «*Запись писал по Фомину веленью* Ивашко Леонтьев Пегановых <...> «К сей порядной записи *Фомка* Кыркалов руку приложил». Ср. с типичным: «Порядную писал на Колмогорах монастырской дьячек Степанко Саблуков <...> К сей порядной записи вместо порядчика Игнатъя Клементева *по ево веленью* Богдашко Зотиков *руку приложил*» [68]. Вероятно, указанные нарушения формуляра были связаны с отсутствием навыков составления документов данного типа у лиц, их писавших.

Достаточно специфична антропонимия актов массовой переписи, при составлении которых писец мог ориентироваться на актуальный антропоним или его варианты, но чаще всего – воплощать потенциальный антропоним, соотносимый с актуальным именем человека.

В XVI в. в делопроизводстве московских приказов использовалась достаточно устойчивая система имен, употребляемых для называния людей низшего сословия. Рассмотрим модификаты, к которым прибегали составители книг при фиксации носителей частотных имен (*Иван, Василий, Степан, Григорий, Федор, Яков, Семен, Дмитрий*) на примере формально-типологических парадигм антропонимов, выявленных при анализе сотных XVI в.: Сотной с писцовых книг Т.А. Карамышева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодском уезде (*Сотн. Волог. 1544*); Сотной на владения Кирилло-Белозерского монастыря 1544 г. (*Сотн. Белоз. у. 1544*); Сотной на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1556 г. (*Сотн. Турч. 1556*); Сотных на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. (*Сотн. Каргон. у. 1561–1562*); Сотной Андрея Толстого на вотчину* Антониева-Сийского монастыря 1578 г. (*Сотн. Ант.-Сийск. м. 1578*); Сотной с писцовых книг А.И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Коряжемского монастыря в Усольском уезде (*Сотн. Усол. 1586*); Сотной 1587–1588 гг. на владения Корельского монастыря (*Сотн. Двин. у. 1587–1588*) – и Переписной дозорной книги дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. (*Доз. кн. Волог. у. 1589–1590*) [69].

**КОЛИЧЕСТВЕННОЕ СООТНОШЕНИЕ ИМЕНОВАНИЙ,
ВКЛЮЧАЮЩИХ МОДИФИКАТЫ ЧАСТОТНЫХ КАЛЕНДАРНЫХ ИМЕН
В СОТНЫХ И ДОЗОРНЫХ КНИГАХ XVI в.**

	Сотн. Волог. 1544	Сотн. Белоз. у. 1544	Сотн Турч. 1556	Сотн. Усол. 1586	Сотн. Двин. у. 1587-1588	Доз. кн. Волог. у. 1589-1590
Иван	<i>Ивашко 23</i> Иван 2 Иванко 2 Иванка Янка	<i>Иванко 70</i> <i>Ивашко 12</i> Иван 5 Иванка 3 Ванько 2 Ваня Ванька Ившук Иванько	<i>Иванко 98</i> <i>Ивашко 30</i> Иванец 1 Иванка 1	<i>Иванко 18</i> Ивашко 3 Иван	<i>Иванко 30</i> <i>Ивашко 8</i> Иван 2	<i>Иванко 81</i> <i>Ивашко 6</i> Ванка 1 Ивака 1
Васи- лий	<i>Васюк 9</i> Васка 4 Василь 3	<i>Васько 28</i> <i>Васюк 11</i> Василь 2	<i>Васко 30</i> <i>Васюк 20</i> Васка 8	<i>Васка 5</i> Василей 2 Васюк 1	<i>Васка 7</i> Васко 3 Василий 1	<i>Васка 42</i> Васко 3
Сте- пан	<i>Степанко 7</i> Степан 2	<i>Степанко 16</i>	<i>Степанко 29</i>	<i>Степанко 5</i>	<i>Степанко 7</i>	<i>Степанко 21</i>
Гри- горий	<i>Гридька 5</i> Гридя 4	Гридька 24 Гридя 4 Гришуга 2 Гришка 1	<i>Гридка 27</i> <i>Гриша 9</i> Гришка 6 Гридя 7 Григорей 1	<i>Гришка 4</i>	<i>Гришка 10</i> Гриша 6	<i>Гришка 29</i>
Фе- дор	<i>Федко 7</i> Фетко 2 Фетка 1	Фед(ь)ко 21 Федоня 7 Федорко 2 Федячка Федя Федюнка Федонько	<i>Федко 62</i>	Федко 3 Фетко 2	Фетка 3 Федка 2 Фетька	<i>Федка 11</i> <i>Федко 9</i> Фетко 2 Фетка 2 Федяико 1 Федор 1
Яков	Якуш 2 Якунька	Якуш 5 Якуня 4 Якунька 4	<i>Якуш 30</i> Якушко Якунка	<i>Якуш 5</i> Яков 1	Якуш 2 Яков 2 Якушко Якушка Яшко Якунько Якунка	<i>Якушко 9</i> <i>Якушко 6</i> Якунка 4
Се- мен	<i>Сен(ь)ка 9</i> Сенко 1	<i>Сен(ь)ка 36</i>	<i>Сенка 57</i>	<i>Сенка 4</i>	<i>Сен(ь)ка 7</i> Сенко 2 Семенка	<i>Сенка 16</i> Семенка 4 Семен 1
Дмит- рий	<i>Митька 10</i> <i>Митя 6</i> Митка 1	Митька 27 Митя 9 Митюня 2	<i>Митка 20</i> Митко 1 Дмитр 1 Дмитрсико 1	Митя 3 Митка 2 Дмитрей 1	<i>Мит(ь)ка 5</i>	<i>Митка 10</i> Митя 1

Сотные книги XVI в., составленные московскими писцами в разных регионах Русского Севера, использовали одни и те же социально характеризующие модификаты, соответствовавшие именам крестьян и посадских людей и указывавшие на «низкое» происхождение лица. Однако писцы следовали этим стандартам с разной степенью строгости. Менее последовательно фиксировались календарные имена в переписи 1544 г. Составитель описания Вологодского уезда, наряду со стандартными модификатами, фиксировал и немодифицированные имена: «Дер. Бирилево: в. *Терех* Васильев; в. *Иван* Симанов; в. *Гридя* Матфеев; в. *Митя* Иванов; в. *Сергеи* Степанов; в. *Кузьма* Рагозин» (Сотн. Волог. 1544: 89). Сотная Белозерского уезда 1544 г. характеризуется активным включением в именование нестандартных модификатов, очевидно, отражающих именование, бытующие в повседневной речи.

В писцовых актах XVI в. нередко встречается использование разных модификатов имени в пределах одной статьи: «Дер. Чашниково: в. *Ивашко* Пошевин <...> в. *Иванка* Евсевьев; в. *Иван* Онтуфьев» (Сотн. Волог. 1544: 89); Дер. Семеновская на речке на Тихменге: в. *Тимошка* Василев, в. *Мишка* Мартынов, в. Марка Омосов, в. Ефимко Иванов, в. *Тимоха* Иванов, в. Иванко Мартынов, в. *Михалко* Климов без пашни (Сотн. Каргоп. у. 1561-1562: 361); деревня Бабонеговская: в. *Митя*, в. Исак Катин, в. Сидорко Микулин, в. Сенка Кирилов, в. Пашко Максимов, в. Демех Микулин, в. Гридка Иванов, в. *Митка* Мартынов (Сотн. Ант.-Сийск. м. 1578: 223); Дер. Веретей Большая на реке на Валге. А в ней крестьян: <...> во дв. *Мишка* Иванов на полтрети, дв. пуст *Михалка* Тимофеева, умер в 95-м году (Кн. доз. Волог. у. 1589-1590: 162). Разные модификаты вводились в одну статью с целью дифференциации именований. Однако такая номинация, носившая ситуативный характер, мало помогала реальной идентификации-дифференциации лиц.

Для сотных конца XVI в. (80–90 гг.) характерно частичное изменение стандарта записи некоторых календарных имен (модификат *Гриша* вытеснил более раннее имя *Гридя*, *Васка* – *Васюк* и др.). Ср., например, приведенные в таблице данные по сотным Вологодского уезда середины и конца XVI в.

Заменяя нестандартный антропоним на стандартный, составители старорусских документов, фиксировавшие антропонимию того или иного региона, населенного пункта в актах массовой переписи (писцовые, переписные книги и другие акты приказного делопроизводства), часто решали не столько проблему точной *идентификации лица*, сколько проблему *идентификации имени*.

«Правка», которой подвергались в документах массовой переписи личные имена и образуемые на их базе патронимы, может быть выявлена при сопоставлении названий починков и деревень с именованиями их основателей или владельцев, связь которых достаточно регулярно отражается в сотных книгах XVI в. В источниках, привлеченных к анализу (Сотн. Белоз. 1544; Сотн. Волог. у. 1544; Сотн. Турч. 1556; Сотн. Усол. 1586; Сотн. Ант.-Сийск. м. 1578; Сотн. Двин. у. 1586–1587 и др.), отмечено 80 случаев соответствия календарного имени в именовании или в основе патронима (фамилии) владельца двора антропониму в основе названий населенных пунктов. Их сопоставление

позволяет сделать следующие наблюдения относительно использования календарных имен и их модификатов, а также патронимов, образованных на их базе, в сотных книгах XVI в.

Не подвергались правке стандартные имена – имена в «полной форме» и общеупотребительные модификаты календарных имен, соответствовавшие писцовой норме того времени (Гридя, Костя, Дема, Родя, Иванко, Левка, Михалко, Якуш и др.): «дер. *Левкино* <...> в. *Левка* Матфеев; поч. *Демин* Дор на Прудбое: в. *Дема* Нестеров» (Сотн. Волог. 1544: 92–93); «д. *Михалково*: в. *Михалко* Сазонов» (Сотн. Ант.-Сийск. м. 1578: 239).

В ряде случаев «полное имя», употребляемое в быту и закрепленное в основе топонима, в именовании лица заменялось стандартным модификатом: поч. *Гаврилов* на реке Вологде: в. *Гаврилко* Иванов (...); поч. *Окулов*: в. *Окулко* Гридин (Сотн. Волог. 1544: 93–94). Но при образовании патронима, наоборот, модификат, воспроизводимый в основе названия деревни или починка, заменялся «полным» именем: Дер. *Семеново*: в. Иванко *Семенов* (Сотн. Турч. 1556: 116); Дер. *Мелехинская*: (...) в. Олешка *Мелентиев* (Сотн. Турч. 1556: 99). Данное явление в целом соответствует писцовой норме XVI–XVII вв. – именованию крестьян при помощи стандартных модификатов, образованию патронимов от «полных» имен. Но эта норма не была строгой: «поч. *Филимонков*: в. *Филимон* Ондреев» (Сотн. Волог. 1544: 93).

Сопоставительный анализ позволяет выявить механизмы идентификации имени, следствием которой являлась замена актуального антропонима его стандартным языковым эквивалентом в старорусском официальном именовании лица. *Яким* – это *Якуш*: дер. на Лендове, *Якимовская*: в. *Якуш* Игнатьев сын Зуб (Сотн. Турч. 1556: 113); *Гришка* (*Григорий*) – это *Гридя*: Починок *Гришкин*: в. *Гридька*, в. Куземка *Гридины* (Сотн. Белоз. у. 1544: 191); *Федяка* – *Федор*, *Федор* – *Федко*: поч. *Федякин*: в. *Фетко* Семенов (Сотн. Волог. 1544: 94); *Дмитрок* – это *Дмитрий*, *Дмитрий* – это *Митя*, следовательно, *Дмитрок* – это *Митя*: Починок *Дмитроково*: в. *Митя* Приходец (Сотн. Белоз. 1544: 202); *Овсяка* – это *Овсей*, *Овсей* – это *Евсей* (*Евсевий*), *Евсей* – это *Евсюк*; следовательно, *Овсяка* – это *Евсюк*: Дер. *Овсякинская*: в. *Евсюк* Трофимов (Сотн. Турч. 1556: 125); *Игай* – это *Игнат*, *Игнат* – это *Игнашко*; следовательно, *Игай* – это *Игнашко*: Починок *Игая*: в. *Игнашко* Онофреев (Сотн. Белоз. 1544: 202) и др.

Данная тенденция наблюдается и при употреблении патронимов в официальной именовании XVI в.: *Микляй* – это *Микита*, следовательно, *Микляев* – это *Микитин*: Поч. *Микляевской* на речке на Паснои: в. Иванко *Микитин*, в. Степанко *Микитин* сын, в. Поздеико *Микитин* (Сотн. Усол. 1586: 185); *Олута* – *Олексей*: «Дер. *Олутинская* <...> в. *Гридка Алексеев*» (Сотн. Турч. 1556: 107).

Следует отметить, что некалендарные антропонимы в именовании лиц и в основах топонимов, в отличие от календарных имен, обычно не варьируются: Починок *Пятков*: в. *Пятко* Микитин; (...) Починок *Шевырино*: в. *Шевыря* (Сотн. Белоз. у. 1544: 202); Починок *Голобоково*: в. *Федько Голобок* (Сотн.

Белоз. у. 1544: 203), хотя данная тенденция не была абсолютной: Починох Волчково: в. Иванко Волк (Сотн. Белоз. у. 1544: 192).

Патронимы, образованные от некалендарных имен, и фамильные прозвания, фиксация которых не регламентировалась писцовыми нормами, сохраняли соответствие основам топонимов: «поч. *Шипицын* <...> в. Осеико *Шипицын*» (Сотн. Волог. 1544: 93), «дер. *Острцова* Гора: в. Якуш *Острцов*» (Сотн. Турч. 1556: 118).

В конце XVI–начале XVII вв. постепенно, от переписи к переписи произошла смена модификатов календарных имен, используемых в качестве официальных имен крестьян и посадских людей. Многие имена стали записываться в достаточно устойчивой форме, например, имя *Иван* – только как *Ивашко*, *Федор* – *Федка*, *Василий* – *Васка*, *Григорий* – *Гришка*. Исчезают из официального именования образования с суффиксом *-укъ* (*Васюкъ*, *Митюкъ* и т.д.), активные на протяжении XV–XVI вв. в деловой письменности, относящейся к Русскому Северу. При записи других имен стали использоваться номинативные варианты, которые не были характерны для писцовых книг XVI в.: *Семен* (*Семион*) – *Семейка*, *Дмитрей* – *Дмитрейко* и др. Конечно же, эти имена не были новыми для севернорусской антропонимической системы. Ср. «деревни Ягана *Семее* Иванову <...> *Семея* Васильев, *Семея* Усачов» [70].

Старые и новые стандарты приказного делопроизводства обуславливали конкуренцию модификатов в писцовых и переписных книгах XVII в. Их соотношение определяется тем, предпочтение какому из номинативных вариантов календарного имени отдавал конкретный составитель конкретной переписи. В этом убеждает сопоставление писцовых, переписных, дозорных и приправочных книг XVII в.: Дозорной книги посада Вологды князя П.Б. Волконского и подъячего Л. Софонова 1616–1617 г. (*Кн. доз. Вол. 1616–1617*); Приправочной книги Лальского посада 1620 г. (*ПК Лальск. 1620*); Писцовой книги Устюга Великого 1623–26 гг. (*Кн. писц. УВ 1623–1626*); Писцовой книги Устюжского уезда 1623–26 гг. (*Кн. писц. Уст. у. 1623–1626*); «Подлинной переписной книги дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пежемской, Чушевицкой и Никольской» переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635–36 гг. (*Кн. переп. Устьян. 1636*); Переписной книги Устьянских волостей переписи пристава Устюжской четверти Лариона Васильева с земскими судейками и выборными людьми Устьянских волостей 1639/1640 гг. (*Кн. переп. Устьян. 1639*); Писцовой книги Соли Вычегодской письма и меры Богдана Приклонского да дьяка Марка Баженова 1645 г. (*Кн. писц. Соли Выч. 1645*) [71].

**КОЛИЧЕСТВО УПОТРЕБЛЕНИЙ СТАНДАРТНЫХ МОДИФИКАТОВ
КАЛЕНДАРНЫХ ИМЕН В ПИСЦОВЫХ И ПЕРЕПИСНЫХ КНИГАХ XVII в.**

	Семен		Яков		Степан		Михаил	
	Сенка	Семейка	Якушко	Яхунка	Степанко	Стенка	Михалко	Мишка
Кн. доз. Вол. 1616–1617	1	31	2	33	16	—	17	4
Кн. писц. Уст. у. 1623–1626 (Двинская и Сухонская треть)	144	8	55	44	92	1	70	49
Кн. переп. Устьян. 1635–1636	7	33	18	3	8	7	3	11
Кн. переп. Устьян. 1639	7	3	1	8	8	1	1	1
Кн. писц. Соли Выч. 1645 (Окологородный и Пачезерский станы)	8	—	8	—	5	7	2	6

При всей своей стандартизованности упорядочение способов записи календарных имен в писцовых и переписных книгах XVII в. носило произвольный характер. Ср.: «д. пуст Ивашка да *Семеики* Удалово; <...> и *Сенка* умер во 121-м году» (Кн. доз. Вол. 1617–1618: 357); «м. дворовое *Савки* сапожника <...> и *Савинко* с литовского разорения обнищал» (Кн. доз. Вол. 1617–1618: 365); «д. пуст *Ярафеика* Дементьева сына Тучкова <...> и *Ярунка* во 124-м году шшел безвесно» (Кн. доз. Вол. 1617–1618: 367).

О конкуренции модификатов в номинации лица свидетельствует сравнение именовании в основной клаузуле писцовых и переписных книг — описании жилого двора — и в описаниях других объектов: «м. дворовое *Костьки* Ивсевыва, збрел от податей безвестно <...> подворник иво *Костентинко* Ивсевыв, бродит по миру» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 182, 206); «м. дворовое порожнее дано внов посацкому человеку *Самошлику* Иванову, кузнецу <...> куз. *Самка* Иванова (Кн. писц. УВ 1623–1626: 197, 223); в. *Степанко* Борисов, кузнец... куз. *Стенки* Борисова (Кн. писц. УВ 1623–1626: 193, 223); во дв. *Семейка* Костянтиновъ... два мѣста дворовых *Сенки* Костянтинова (ПК Лальск. 1620: 16); было на оброке за *Смирнушкою* Кузнецовым... а ныне за ним *Смиркою* (Кн. писц. Уст. у. 1623: л.647) и др. В ряде случаев актуальный антропоним, которым являлось немодифицированное календарное имя, обладает большей активностью, вытесняя в повторных именовании лица модификат: «в. *Ивашко* Филипов Кокорин да сын иво *Гришка*, ходят на низ суда-

ми и отпускают в сибирские города на промыслы <...> лав. *Ивана* Кокорина <...> лав. *Ивана* же Кокорина <...> лав. *Ивана* Филипова Кокорина» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 175, 216, 219).

Таким образом, официальное именование XVI–XVII вв. носило речевой характер, его функционирование было обусловлено сложным соотношением общерусских, локально-территориальных и индивидуальных черт деловой речи. В этих условиях огромное значение приобретал субъективный фактор, определявший выбор модели именования, средств номинации, их оценку с точки зрения соответствия назначению документа и деловому этикету.

По характеру использования антропонимов для номинации лица модели текстов деловой сферы XVI–XVII вв. в целом, как и составляющие их клаузулы, можно разделить на две группы: тексты, предъявляющие более строгие требования к выбору имени и предписывающие, какой антропоним для именования следует выбрать составителю документа, и тексты, допускающие относительную свободу выбора антропонимов в рамках существующих традиций официального именования. Но в реальной практике четкой границы между ними не существовало. Это связано как с отсутствием единых норм официального именования лица, взаимовлиянием различных типов документов, с одной стороны, существованием локальных письменных традиций – с другой, так и с субъективным фактором – с третьей.

Функциональный подход в изучении исторической антропонимии предполагает рассмотрение индивидуальных именований лиц в составе различных парадигм, внутри которых антропонимы дифференцируются не только по формальному признаку, но и условиям их употребления в текстах.

Реализация того или иного типа номинативных парадигм в деловом тексте характеризует, во-первых, тип самого документа, а во-вторых, писцовую манеру составителя делового акта.

Использованные в статье приемы парадигматического анализа именований позволяют делать выводы как о факторах парадигмообразования, так и о специфике официальной антропонимии в старорусский период в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1556 г. (Подготовлена к печати Ю.С. Васильевым) // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981. С. 97, 124.

2. Переписная книга Устюга Великого 1677 г. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII – XVIII столетий. М., 1883. С. 149.

3. Русская историческая библиотека. Т.25: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч.3. СПб, 1908. С. 83 (Далее – АХУ III).

4. Соль Вычегодская. Книга писцовая письма и меры Богдана Приклонского дядяка Марка Баженова 1645 г. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 447. Л. 253 об.

5. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001. С. 70.

6. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998. С. 44.
7. Суперанская А.В. Имя собственное как разряд специальной лексики // Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. XXV. Ономастика. Книга 1. Часть 1. Имя и культура. М., 1993. С. 34.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / 2-е изд. М., 1988. С. 50–51.
9. Глинских Г.В. Лингвистические критерии при уточнении названий населенных пунктов // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980. С. 14; Рубцова З.В. Типы варьирования в белорусской и русской топонимии (К вопросу о поисках нормы) // Ономастика: Типология. Стратиграфия. М., 1988. С. 52–65.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / 2-е изд. М., 1988. С. 60–61.
11. Суперанская А.В. Граждане современной России страдают из-за реформ XVII века // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. М., 2002. С. 294.
12. Там же... С. 304.
13. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998. С. 4.
14. Сборные памяти Важского у. 1593 г. (Далее – *Сбор. пам. Важ. у.*); Васильев Ю.С. Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI–XVII вв. // Северный археографический сборник. Вып. III.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1973. С. 357.
15. Сбор. пам. Важ. у. 1603; С. 361.
16. Сбор. пам. Важ. у. 1603; С. 362.
17. Сбор. пам. Важ. у. 1611; С. 363.
18. Сбор. пам. Важ. у. 1611; С. 365.
19. Порядная запись Троицкой вол. Важского у. 1637 г.; Мильчик М.И. Северные порядные записи XVII в. на строительство деревянных церквей // Северный археографический сборник. Вып. III.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1973. С. 416 (Далее – *Мильчик*).
20. Переписная книга Устюга Великого 1677 г. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII – XVIII столетий. М., 1883. С. 144.
21. Писцовая книга Устюга Великого 1676–1683 гг. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII – XVIII столетий. М., 1883. С. 86.
22. Соль Вычегодская. Книга писцовая письма и меры Богдана Нриклонского да дьяка Марка Баженова 1645 г. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 447. Л. 30 об., 11 об.
23. Порядная запись Антониево-Сийскому монастырю 1649 г.; Образцов Г.Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI–XVII вв. // Исторический архив. Вып. VIII. М., 1953. С. 124–125 (Далее – *Образцов*).
24. Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. (Подготовлены к печати Ю.С. Васильевым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. С. 340, 421, 438 (Далее – *Сотн. Каргоп. 1561–1562*).
25. Сотн. Каргоп. 1561–1562: 443–444.
26. Сотн. Каргоп. 1561–1562: 442.
27. Подлинная переписная книга дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пежемской, Чушевицкой и Никольской переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635–36 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15038. Л. 11 об.

28. Сотн. Каргоп. 1561–1562: 447.
29. Вкладные книги Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря 1585–1617 гг. // Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. 2. В. Устюг, 1913. С. 155–156.
30. Сбор. пам. Важ. у. 1603; С. 362.
31. Писцовая книга Устюга Великого 1676–1683 гг. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883. С. 89, 143.
32. Сбор. пам. Важ. у. 1638–1639; С. 368.
33. Переписная книга Устюга Великого 1677 г. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII – XVIII столетий. М., 1883. С. 146; Писцовая книга Устюга Великого 1676–1683 гг. // Там же. С. 95.
34. Сотная на владения Кирилло-Белозерского монастыря 1544 г. (Подготовлена к печати Л.С. Прокофьевой) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. С. 185.
35. Порядная запись Антониево-Сийскому монастырю 1691 г.; Образцов: 181.
36. Дозорная книга посада Вологды князя П.Б. Волконского и подъячего Л. Софопова 1616–1617 г.// Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 340 (Далее – *Кн. доз. Вол. 1616–1617*).
37. Кн. доз. Вол. 1617–1618: 338, 356.
38. Сбор. пам. Важ. у. 1593; С. 357; Сбор. пам. Важ. у. 1603; С. 360.
39. “Роспись” что по окладу десятой денги взять Лальского погоста на торговых и промышленных и на ремесленных людех 1674 г. // Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Сост. И.Пономарев. Т.1. с 1570 по 1800 год. В. Устюг, 1897. С. 52; Переписная книга Лальского посада 1678 г. // Там же. С. 55.
40. АХУ III. С. 82, 30.
41. Платежная книга Каргопольского уезда 1555–1556 гг. // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. С. 289.
42. Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1556 г. (Подготовлена к печати Ю.С. Васильевым) // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981. С. 131–132.
43. Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. (Подготовлены к печати Ю.С. Васильевым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. С. 416.
44. Писцовая книга Устюга Великого 1623–26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 177, 215.
45. Писцовая книга Устюга Великого 1623–26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 194, 292.
46. Порядная Хаврогорской вол. 1670; Мильчик. С. 421.
47. Писцовая книга Устюжского уезда 1623–26 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 506. Л. 299.
48. Сотные грамоты Антониеву Сийскому монастырю 1578 и 1593 гг. (Подготовлены к печати А.А. Амосовым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. С. 218.
49. Сотная с писцовых книг В. Звенигородского 1586–1587 гг. Антониева-Сийского монастыря // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. С. 228.

50. Книга записи вечных пошлин Вологодского арх. дома 1654 г. // ГАВО, ф. 496, оп. 1, ед. хр. 2. Л. 21.
51. Писцовая книга Устюга Великого 1623-26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 218, 219.
52. Писцовая книга Устюга Великого 1623-26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 201-204.
53. Писцовая книга Устюжского уезда 1623-26 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 507. Л. 94-95 об.
54. Писцовая книга Устюжского уезда 1623-26 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 507. Лл. 31, 52.
55. Писцовая книга Устюга Великого 1623-26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 177; АХУ III. С. 172.
56. Писцовая книга Устюга Великого 1623-26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 187; АХУ III С. 262-263.
57. Порядная Устюжского у. 1672; Мильчик. С. 422-423.
58. Порядная Хаврогорской вол. 1670; Мильчик. С. 421-422.
59. Соль Вычегодская. Книга писцовая письма и меры Богдана Приклонского да дьяка Марка Баженова 1645 г. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 447. Л. 56.
60. АХУ III. С. 123.
61. Челобитная Череповской вол. 1688 г. // Деловая письменность Вологодского края XVII-XVIII вв. Вологда, 1979. С. 15.
62. АХУ III. С. 326.
63. АХУ III. С. 321.
64. Порядная запись Антониево-Сийскому монастырю 1589 г.; Образцов, 106, 107.
65. Порядная Устюкулуйской вол. 1680; Мильчик. С. 424.
66. Оброчная запись Антониево-Сийскому монастырю 1644; Образцов, 122.
67. Порядная запись Антониево-Сийскому монастырю 1664 г.; Образцов, 136.
68. Порядная запись Антониево-Сийскому монастырю 1662 г.; Образцов, 134.
69. Сотная с писцовых книг Т.А. Карамышева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодском уезде (Подготовлена к печати Л.С. Прокофьевой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981 (*Сотн. Волог. 1544*); Сотная на владения Кирилло-Белозерского монастыря 1544 г. (Подготовлена к печати Л.С. Прокофьевой) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. (*Сотн. Белоз. у. 1544*); Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1556 г. (Подготовлена к печати Ю.С. Васильевым) // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981 (*СК Турч. 1556*); Сотные на волости Каргопольского уезда 1561-1562 гг. (Подготовлены к печати Ю.С. Васильевым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972 (*Сотн. Каргоп. у. 1561-1562*); Сотная Андрея Толстого на вотчину Антониево-Сийского монастыря 1578 г. (Подготовлена к печати А.А. Амосовым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972 (*Сотн. Ант.-Сийск. м. 1578*); Сотная с писцовых книг А.И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Коряжемского монастыря в Усольском уезде (Подготовлена к печати З.В. Дмитриевой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981 (*Сотн. Усол. 1586*); Сотная 1587-1588 гг. на владения Корельского монастыря // Северный археографический

сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972 (*Сотн. Двин. у. 1587–1588*); Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972 (*Доз. кн. Волог. у. 1589–1590*).

70. Межевая память Лохоцкой волости 1482 г. // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI в. Т. 2. М., 1958. С. 173.

71. Дозорная книга посада Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего Л. Софопова 1616–1617 г. // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994 (*Кн. доз. Вол. 1616–1617*); Приправочная книга Лальского посада 1620 г. // Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Сост. И.Пономарев. Т.1. с 1570 по 1800 год. В.Устюг, 1897 (*ПК Лальск. 1620*); Писцовая книга Устюга Великого 1623–26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993 (*Кн. писц. УВ 1623–1626*); Писцовая книга Устюжского уезда 1623–26 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 506, № 507 (*Кн. писц. Уст. у. 1623–1626*); «Подлинная переписная книга дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пежемской, Чушевицкой и Никольской» переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635–36 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15038. Л. 1–63 (*Кн. переп. Устьян. 1636*); Переписная книга Устьянских волостей переписи пристава Устюжской четврти Лариона Васильева с земскими судейками и выборными людьми Устьянских волостей 1639/1640 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15038. Л. 65–83 (*Кн. переп. Устьян. 1639*); Соль Вычегодская. Книга писцовая письма и меры Богдана Приклонского да дьяка Марка Баженова 1645 г. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 447 (*Кн. переп. Соли Выч. 1645*).

Н. В. Комлева

Патронимы в именовании вологжан конца XVI – XVII веков

(на материале памятников официально-деловой письменности)*

Термины *отчество* и *патроним* в исторической антропонимике нередко употребляются как синонимы. В. К. Чичагов называет отчествами слова, входящие в состав именования людей и обозначающие отца носителя того или иного имени [Чичагов 1959: 5]. Б. О. Унбегаун называет и вторые, и третьи члены модели именования лица патронимами: «если у отца было два имени, то второе также могло быть включено в патроним уже после слова сын» [Унбегаун 1989: 14].

Н. В. Подольская разграничивает термины *отчество* и *патроним* как разные исторические реалии. *Отчество* – термин, применимый для обозначения именования человека, произведённого от имени отца в современной антропосистеме, тогда как *патроним* более приемлем для обозначения именования человека древнерусского периода; данным термином обозначается антропоним, произведённый от имени или прозвища отца или предков по отцовской линии [Подольская 1980: 104].

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 02-04-00054а)

В науке широко используется также термин *полуотчество*, который наиболее точно характеризует антропонимическую ситуацию XVIII века: полуотчеством называется второй компонент модели именования лица, оформленный как притяжательное прилагательное от календарного имени отца со словом «сын» или без него, тогда как «полное отчество» имеет форму на – вич.

Применительно к антропонимической системе XVII в., ставшей подготовительным периодом перехода к современной трёхчленной модели именования лица представляется целесообразным использовать термин *патроним* как понятие более широкое, нежели *отчество*.

Патроним – это взятое целиком именование по отношению к отцу, имеющее определённую структуру: простую (однословный патроним, ср. Клишко *Савелев* (КПВу, 1589, 130), Вахрамеев *Пудесков* (ПКВ, 1629, 40)) или сложную (составной патроним, ср. Мишка *Ерофеев с. Тёмного* (КПВу, I, 1678, 396); Еска *Семенов с. Кочнев* (Сотн., 1589, 179)). В состав патронимов, как простых, так и сложных, могут входить различные антропонимические единицы: личное имя отца (календарное или некалендарное), прозвище отца, патроним отца.

В отличие от современных именований составные личные именные XVII века были вариативны и не всегда обладали свойством устойчивости и воспроизводимости. Патронимы в антропонимической системе конца XVI – XVII вв. сохраняют ещё очень тесную связь с притяжательными прилагательными, как по форме, так и по значению, выполняя главную функцию идентификации лица через указание на принадлежность данного лица конкретному родителю. Модель именования лица с патронимом представляла собой конструкцию со значением принадлежности, суффиксы, оформляющие патронимы, выражали определённый тип посессивных отношений.

На базе определённых компонентов патронима в процессе развития русской антропосистемы сформировались такие её составляющие категории, как *отчества* и *фамильные прозвания* (впоследствии фамилии). В задачи исторической антропонимики входит изучение особенностей формирования данных антропонимических категорий на различных территориях в различные периоды исторического развития общества.

В данной статье анализируется состав и морфологическая структура патронимов, отмеченных в вологодских официально-деловых документах конца XVI – XVII вв.

Простые патронимы выражались одной антрополексемой в именительном падеже, оформленной суффиксами принадлежности – ов / - ев, - ин / - ын, реже антрополексемой в родительном падеже с флексиями – а, - о.

В основе простого патронима лежало личное имя или прозвище отца именуемого. Личное имя могло быть как календарное, так и некалендарное по своему происхождению: «Д. каменщика Ивашка *Насонова*, а прежь тово был стрѣльца Анфимка *Евсевьева* ...» (ПКВ, 1629, 123); крестьяне Гришка *Гуляев с.* (ПОВу, 1630, № 2, 82), Власко *Замятинъ* (Челоб., 1667, САСК(К), № 69,

135), Русинко *Осмово* (КПВу, 1589, 12); посадский человек Петрушка *Безпорточника* (ПКВ, 1629, 168).

Возникает проблема разграничения простого патронима в форме именительного падежа и фамильного прозвания, т. к. юридические документы XVII в. во многих случаях фиксировали уже именно фамильные прозвания людей, причём не только в трёхчленных, но и двухчленных моделях именования. Ср.: «Архієпископу Гавриилу бьет челом помѣстной сынчишко боярской Андрюшка *Немытов* ... Наобор.: к сей челобитной Ильинский церковной дьячек Ѳедка Корнилов вмѣсто сына боярского Андрѣя Ѳедотова сына *Немытова* по его велѣнію руку приложил» (Челоб., 1693, ОСВ, вып. 8, 68). Ср. также именования посадских людей на разных страницах одной писцовой книги: Ивашко *Неклюдовъ* (ПКВ, 1629, 53) и Ивашко Микитин с. *Неклюдов* (ПКВ, 1629, 29), его брат Сидорок Микитин с. *Неклюдов* (ПКВ, 1629, 29).

Патронимы, образованные от календарного имени отца, в двухчленной конструкции также могут оказаться фамильными прозваниями, поэтому необходимо сравнение именований одного и того же человека в разных источниках или обнаружение родственных связей. Так, например, являются отчествами антропонимы в именованиях следующих людей: Марк *Григорьевъ*, цѣловальникъ (Спис., 1647, ОСВ, вып.2, 15), ср. он же Марк *Григорьевъ* с. Башмаковъ, помещик (КПВу, III, 1678, 30); Ермолка *Ефремовъ* (ПКВ, 1629, 70), ср. он же Ермолка *Ефремовъ* с. Свѣчника (ПКВ, 1629, 72).

С XVI в. становится общепринятой система именования, при которой патроним отца добавляется к патрониму сына, что отвечает назревшей потребности времени в более точной идентификации лица. В документах XVII в. простые патронимы всё чаще заменяются сложными патронимами, образованными от именования отца в целом.

Сложные патронимы представляли собой посессивную конструкцию, состоящую из двух антрополексем. Именование лица формально состояло уже из трёх компонентов, но по сути своей оно оставалось двухкомпонентным, соответствуя формуле: «личное имя + патроним (прозвание по отцу)». Как отмечают исследователи, «образуясь на антропонимической базе и заменяя в именовании лица полуотчество, данные конструкции не обладали признаками имён собственных, сохраняли свойства синтаксически свободных словосочетаний» [Смольников 2002: 20].

Сложные патронимы могли быть мотивированы сочетанием личного имени и прозвища отца именуемого: ср. отец - Ѳедка Иванов с. *Сухорук* (ПКВ, 1629, 165), *Фетка сухорук* (ДКВ, 1616-1617, 349); его сыновья - Ортюшка, сын Фетки Сухорука (ДКВ, 1616-1617, 349), он же Ортюшка *Ѳедоровъ* с. *Сухоруковъ* (ПКВ, 1629, 64); Дружинка *Ѳедоровъ* с. *Сухоруковъ* (ПКВ, 1629, 64).

Следует отметить, что в отношении именований данной группы только в редких случаях удаётся однозначно определить характер второго компонента сложного патронима как прозвище отца. Это становится возможным только тогда, когда изучаемые документы содержат именования нескольких людей,

связанных друг с другом родственными отношениями. Такие именованья, как Богдашка Артемьев с. *Широков* (КПВ, 1678, 56) могут включать в себя уже фамильные прозвания, согласованные с личным именем.

Сложные патронимы мотивировались, кроме того, сочетанием личного имени с дедичеством или фамильным прозванием отца: ср.: «Д. тяглой кожевниковъ Ивашки да Лучки *Ивановыхъ детей Глотова*» (ПКВ, 1629, 160); «Д. бобылей Оомки да Михалки *Богдановыхъ детей Косова*» (ПКВ, 1629, 184); Василей *Сергеевъ с. Тонкова* Шайдур, атаман (Челоб., 1625, С-І, №2, 21). Ср. также *Якушко Пудежсковъ* (ПКВ, 1629, 82) и Степан *Яковлевъ с. Пудюского* (Челоб., 1658, САСК(К), №46, 72).

У патронимов данной группы второй компонент обязательно имеет флексии – а, – о, которые и указывают на его статус в составе сложного патронима – дедичество. «Если имя имело форму прилагательного, то патронимическую функцию оно выполняло, принимая форму родительного падежа», которая оставалась неизменной во всей парадигме. «Лишь когда родительный падеж был замещён именительным падежом, третий или четвёртый элемент мог быть уже признан настоящей фамилией» [Унбегаун 1989: 15].

Источником современных отчеств являются первые компоненты сложных патронимов. И. М. Ганжина считает, что уже в XVI в. отчество оформилось как самостоятельная антропонимическая категория, причём к этому времени функция отчества закрепились за патронимами от христианских имён [Ганжина И. М., 1999, 192]. Проанализировав происхождение простых и первых компонентов сложных патронимов, действительно, можно говорить о значительном преобладании в XVII веке патронимов от календарных имён во всех рассмотренных группах населения. В первой половине XVII в. патронимы от календарных имён были представлены в 68,97 % всех именованій, во второй половине XVII в. их доля составила 91,49 %.

Патронимы, восходящие к модифицированным формам имени отца, имеют место в антропонимической системе XVII века, но в основном таковыми являются вторые компоненты сложного патронима, т. е. потенциальные фамильные прозвания, ср. Иванъ Осиповъ с. *Митковъ*, помещик (ПОВу, 1630, № 2, 135), Никита Фёдоровъ с. *Юшков*, стольник (КПВу, III, 1678, 228 об.).

Простые патронимы от модификатов личных имён единичны: Васка *Гришинъ с.* (Челоб., 1630, С-І, № 24, 383), Тренка *Евтинъ с.* (Челоб., 1630, С-І, № 24, 383). Их немногим более в конструкциях без слова «сын», ср.: Федотка *Демков*, каменщик (ПКВ, 1629, 152), Тренка *Патрушинъ*, стрѣлецъ (ПКВ, 1629, 100), Володка *Гавриковъ* (Челоб., 1681, ОСВ, вып. 12, 69), Кирсанко *Первукин* (Челоб., 1628, С-І, № 11, 173) и др.

Рассмотрим основные морфемы, с помощью которых в XVII в. оформляются антропонимы, близкие по своей природе современным отчествам.

Основная часть патронимов в документах конца XVI – XVII вв. зафиксирована с суффиксами – вич, – ович / – евич; – ов / – ев, – ин / – ын.

Выбор того или иного форманта принадлежности обусловлен прежде всего социальным положением именуемого. Отчества с суффиксами – вич, – ович

/ - евич были распространены в Новгороде и Пскове в период их феодальной независимости (до начала XVI в.), причём не только в верхних слоях общества. В Московском государстве XVI – XVII вв. их функция изменяется, отчества с подобными суффиксами указывают на принадлежность к высшему классу: бояре, окольничие, некоторые придворные сановники [Унбегаун 1989: 14].

В переписных книгах Вологды и Вологодского уезда отчества на - ович / - евич имеют исключительно бояре, воеводы и другие представители высших слоёв общества: Юрий Яншеевич Сулешев, боярин (ПКВ, 1629, 120), Ортемий Васильевич Измайловъ, окольничий (ПКВ, 1629, 82), Иван Петрович Кондырев, думный дворянин (КПВУ, II, 1678, 152).

Отчества с суффиксами - ов / - ев, - ин / - ын, получившие широкое распространение в период Московской Руси, приобрели в XVII и особенно в XVIII вв. «социальный оттенок, в свете которого для них применим термин *полутчество*, использовавшийся в государственных указах» [Королёва И. А., 1999, 144]. Теперь за ними строго закрепляется функция называть лицо из низших слоёв общества или нижестоящего по рангу. Ср.: «Отпись Ивана Михайлова сына Левонтьева архіепископлимъ приказнымъ людемъ Василью Григорьевичу Данилову Домнину да Данилу Петровичу Столбицкому ... бежала крестьянка Панкина жена Ѳедорова Акилинка Андрѣева з детьми, а с Панкиными пасынки, с Миткою, да с Авонкою, да с Андрюшкою, да з девкою Катеринкою, с Семеновыми детьми, и з животы ...» (Отп., 1662, ОСВ, вып. 3, 11).

Другим немаловажным фактором, влияющим на выбор суффикса для патронима, является жанр документа, правила его оформления. Жанр писцовых и переписных книг в XVII веке всё более настоятельно предписывал записывать патронимы с суффиксами – ов / - ев, - ин / - ын, невзирая на сословную принадлежность их носителей: Микита Петров с. Ушатов, сын боярский (ПКВ, 1629, 147), Богдан Петровъ с. Зворыкинъ, помещик (ПОВУ, 1630, № 2, 207), князь Офонасей князь Михайловъ с. Вадбальский, помещик (ПМКВУ, 1686, 64 об.).

Не только в документах массовой переписи, но и в других анализируемых источниках делопроизводства конца XVI – XVII вв. патронимы на - ович / - евич в социальной группе *служилые и приказные люди* составляют всего 5,59% от общего количества именований. Подавляющее большинство патронимов зафиксировано с суффиксами – ов / - ев, - ин / - ын.

Так, например, в поручных и памятях отчества князей и детей боярских фиксируются в равной степени с суффиксами - ович / - евич и – ов / - ев, - ин / - ын: Григорий Семёнович Домовский, князь (Поруч., 1652, САСК(К), №31, 48), Григорий Ѳедорович Дябринский, князь (Поруч., 1652, САСК(К), №31, 48), Козма Стефанов с. Макаров, сын боярский (Поруч., 1653, ОСВ, вып. 8, 9), Алексѣй Ивановъ с. Поповъ, сын боярский (Поруч., 1644, САСК(К), №60, 124).

В купчих крепостях преобладают отчества помещиков на – ов / - ев: Сухань Филиппевъ с. Хлопин, помещик (Купч., 1596, ОСВ, вып. 6, 9), Ефимъ Васильев с. Шадрин, помещик (Купч., 1637, ОСВ, вып. 6, 3), Иван Теофанов с. Суровцев, подъячий (Купч., 1646, ОСВ, вып. 6, 127).

Большую степень единообразия в оформлении патронимов показывают такие важные юридические документы, как приговоры – здесь почти исключительно употребляются отчества на – ов / - ев, причём без апеллятива «сын»: Гаврила Павлов Варпохоловский (Приг., 1627, С-1, № 22, 351), Воин Посников Волоцкий (Приг., 1627, С-1, № 22, 356), Иван Леонтьевъ Шарыгинъ, помещик (Приг., 1627, С-1, № 22, 357).

Следует также обратить внимание на следующую особенность в оформлении документов, связанную с наличием или отсутствием слова «сын» в составе простого патронима. По мнению ряда учёных, количество именованных без номена «сын» закономерно возрастает с XVII в.: «Во 2-й половине XVI века и в XVII веке названия без слова «сын» употребляются и для лиц господствующих классов и служилых людей высшего ранга» [Селищев 1968: 103]. С. Н. Пахомова связывает процесс «элиминации номена» с началом процесса субстантивации поссесивов [Пахомова 1984: 13].

Наблюдение над формой записи простого патронима в двучленных именованных в вологодских памятниках официально-деловой письменности позволяет говорить о значительном снижении удельного веса патронимов с апеллятивом «сын» во второй половине XVII в. в деловых документах частного характера. Например, если поручные записи первой половины XVII в. содержат 31,43 % патронимов с «сын» среди всех зафиксированных в них двучленных моделей именованья, то поручные записи второй половины XVII века – 23,33 %. Ср. также заёмная кабала – 42,86 % патронимов с «сын» в первой половине XVII века и 11,76% - во второй; отписи платёжные – 45,83% в первой половине, во второй половине все простые патронимы употреблены без апеллятива «сын». В сорока сказках, привлечённых к исследованию, все двучленные именованья крестьян и священнослужителей содержат простые патронимы без апеллятива «сын»: Лукьянъ Яковлевъ, крестьянин (Сказ., 1668, ОСВ, вып. 9, 48), Иаков Максимов, попь (Сказ., 1673, ОСВ, вып. 5, 23).

Совсем иная картина в документах массовой переписи населения. В переписных книгах Вологды и Вологодского уезда за 1678 год всего лишь 3% двучленных именованных зафиксировано без слова «сын». Напротив, в писцовых и переписных книгах первой половины XVII в. патронимы с апеллятивом «сын» практически отсутствуют. Так, в писцовой книге Вологды 1629 года 99 % двучленных именованных не имеют апеллятива «сын». Все 565 двучленных именованных дозорной книги Вологды 1616 – 1617 г.г. зафиксированы без апеллятива «сын».

Скорее всего, предпочтение той или иной формы записи патронима является отличительной особенностью конкретной книги, манерой письма её составителей, которые руководствуются при этом принципом единообразия.

Наименьшую часть в антропонимиконе рассмотренных документов составляют архаичные формы именования по отцу либо ситуативно обусловленные формы, имеющие случайный характер.

К архаичным формам могут быть отнесены следующие патронимы: Федор Сухой сын *Малыгинъ*, помещик (Челоб., 1625, С-І, № 2, 20); Богдашко Первый сын *Пологузов* – препозиция опорного слова «сын» по отношению к патрониму; (ДКВ, 1616-1617, 335); Стефан *Татьянин*, крестьянин (Пам., 1646, ОСВ, вып. 2, 12) – употребление матронима при личном имени.

Иногда патронимы фиксируются в нестандартной форме под воздействием каких-либо случайных обстоятельств. Например, патроним от личного имени отца на – ский – Андрюшка Семёновский с. Доровинский, работник в монастыре (КПВу, I, 1678, 372) – близок по своей форме андронимам, ср.: «Д. посадкой вдовы Катеринки Даниловы дочери *Ивановской* жены Лешакова» (КПВ, 1678, 227).

В одном случае сложный патроним образован по нетипичной модели: ср. Андрей *Трапезниковъ с. Прокофевъ*, пономарь (Челоб., 1629, ГАВО, ф. 1260; оп. 6; № 97) – вероятно, имеется в виду некий Андрей, сын трапезника Прокофея, т. е. в качестве первого компонента в составе сложного патронима выступает отапельлятивное образование.

Изучение патронимической лексики в вологодских памятниках официально-деловой письменности позволяет сделать определённые выводы о развитии как региональной, так и общерусской антропонимической системы конца XVI – XVII вв.

С XVII в. закономерно возрастает количество сложных патронимов. Основным источником современных отчеств является первый компонент составного патронимического образования. В качестве первых компонентов сложных патронимов при именовании лиц всех социальных групп преобладают антропонимы, образованные от календарного имени отца.

В антропонимической системе XVI – XVII вв. ещё отсутствует единая норма записи патронима, входящего в составное именование лица в деловом документе и выполняющего вместе с личным именем основную функцию идентификации лица. В изучаемый период складывается определённая тенденция, которая впоследствии к XVIII в. станет нормой для официального именования лица. Данная тенденция заключается в постепенном вытеснении к XVIII в. из официальных документов всех нестандартных форм отчеств, замене их на формы с суффиксами – ов / -ев, -ин / -ын; - ович / -евич. Выбор какого-либо форманта принадлежности зависит не только от сословия именованного, но и от стилистических требований, предъявляемых к составлению деловых документов того или иного вида.

ЛИТЕРАТУРА

Ганжина И. М. О месте христианских имен в системе именования лица периода становления официальной антропонимической нормы / Проблемы современной филологии. Тверь, 1999.

- Королёва И. А. Происхождение фамилий и отчеств на Руси. Смоленск: Смоленск. гос. пед. ун-т, 1999.
- Пахомова С. Н. Русские составные личные именованья донационального периода. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1984.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1980.
- Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Уч. зап. МГУ. Труды кафедры русского языка. Вып. 128, кн. 1. М., 1948.
- Смольников С. Н. Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики / История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002.
- Унбегаун Б. Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б. А. Успенского. М., 1989.
- Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959.

СОКРАЩЕНИЯ

- ДКВ - Дозорная книга Вологды князя П. Б. Волконского и подьячего А. Софонова. 1616-1617 г. (Публикация Ю.С. Васильева) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. - Вып. I. - Вологда: Русь, 1994.
- КПВ, 1678 - Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. - РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.
- КПВу - Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589 - 1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. - Вып. II, - Вологда, 1972.
- КПВу, I, III - Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. - РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733 (Кн. I), 14740 (кн. VIII), 14734 (кн. II), 14735 (кн. III).
- Купч. - купчая
- ОСВ - Описание свитков Вологодского Епархиального Древнехранилища. Вып. I - XVIII. - Вологда, 1899 - 1917.
- Отп. - отпись
- Пам. - память
- ПКВ 1629 - Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. - Вып. I. - Вологда, 1904.
- ПМКВУ - Писцовая и межевая книга князя Осипа Федоровича Борятинского 1686 года. - РГАДА, ф. 1209, ед. хр. К 14743, л. 1 - 259.
- ПОВу - Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. - Вып. II. - Петроградъ, 1918.
- Поруч. - поручная
- Приг. - приговор
- С-I - Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. - Вып. I, - С-Петербург, 1906.
- САСК(К) - Колычев А.А. Сборник актов Северного края XVII в. - Вологда, 1927.
- Сказ. - сказка
- Сотн. - Сотная на дворцовое село Турунтаево Вологодского уезда 1588 - 1589 гг. (Подготовлена к печати Ю.С. Васильевым) // Материалы по истории Европейского

Способы выражения посессивности в дозорной книге г. Белоозера 1617 / 1618 гг.*

Особенности функционально-семантической категории посессивности привлекают внимание ряда лингвистов. Во второй половине XX в. проблема посессивности рассматривалась в работах А.В. Бондарко, К.Г. Чинчлей, М.А. Журиной, Н.Д. Арутюновой и др. [1]

По мнению ученых, посессивная конструкция представлена несколькими элементами: посессор (обладатель), объект обладания, в ряде конструкций – реляционный предикат со значением посессивности. Большинство ученых выделяет два типа посессивных функций, которым соответствуют определенные типы языковых средств: предикативные и атрибутивные конструкции. Предикативные конструкции имеют трехчленный характер, в них обязательно наличие двух существительных, называющих посессора (владельца) и предмет обладания, посессивное отношение выражается при помощи глагола с со значением принадлежности / обладания или нулевой связки.

Атрибутивные конструкции различаются по способу выражения. Выделяется два типа: а) предмет обладания обозначается существительным в им. п., посессор – именем владельца в род. п. (генитивные конструкции), б) предмет обладания выражается существительным в им. п., посессор – формой притяжательного прилагательного, образованного от имени владельца. Отношение выражалось падежной формой или суффиксом зависимого слова. Названные конструкции могут выражать два вида посессивных отношений: значения отторжимой и неотторжимой принадлежности, т.е. собственно обладания и неособвенно обладания [2].

Вопросам реконструкции праславянской системы посессивных категорий посвящен ряд работ Р. Мароевича [3]. По его мнению, эта система лучше всего сохранилась в древнерусском и старославянском языках, а также в исторической антропонимии и топонимии [4].

Задача настоящей статьи показать способы выражения категории посессивности в дозорной книге г. Белоозера [5] (далее в тексте – ДКБ). Эта книга написана в начале XVII в. и отражает последствия польской интервенции в России этого периода [6]. Назначение документа – фиксация городских объектов и их принадлежности – определило использование в тексте посессивных конструкций.

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 02-04-00054а)

Если говорить о языковых средствах выражения посессивности в данном источнике, то нами отмечена значительная активность атрибутивных конструкций. При определении государственных повинностей (двор облагался налогом) писцы отмечали три обстоятельства: а) дворовое строение в сохранности, и в нем обычно находится его владелец, б) дворовое строение в сохранности, но в нем никто не живет, в) дворовое строение, ранее принадлежавшее одному из жителей города, отсутствует, речь идет о дворовом месте.

В первом случае предмет обладания – двор – обозначался именем существительным в им. п., посессор – род. п. имени лица (генитивная конструкция). Отметим, что название лица уточнялось по социальному статусу, по служебному положению, профессии, по названию местности, откуда посессор прибыл. Все эти уточняющие названия в форме род. п. стояли перед именем владельца двора. Например: *двор посадского человека Васки сына Чепыжникова* (ДКБ, 41), *д. п. ч. Емельки Яковлева с. Творкина* (ДКБ, 41), *д. бобыля Фетки Иванова Осьмых Ярыг* (ДКБ, 41), *д. розсыльщика Данилка Ермолова* (ДКБ, 41), *д. стрельца Демки Семенова сына Хромцова* (ДКБ, 41), *д. стрельца Елки Туза* (ДКБ, 43), *д. каменщика Дружинки Трофимова с. Хомяка* (ДКБ, 45), *д. торопчан Игната да Агея Воропановых* (ДКБ, 41), *д. смольянина Севрина Уварова* (ДКБ, 45) и мн. другие.

Как видно, в такого рода атрибутивных генитивных конструкциях четко указывается на принадлежность объекта конкретному лицу, владельцу, т.е. на непосредственное обладание двором.

В том случае, когда двор пуст (на что особо указывается), способ выражения посессивности остается тем же: предмет обладания обозначается род. п.: *двор пуст стрелца Ивашка сына Дмитриева Боровитинова, умер* (ДКБ, 42), *двор пуст стрелца Миронка Ларивонова сына, сшел в Великий Новгород* (ДКБ, 42), *д. пуст Ферапонтова монастыря Озацкие волости крестьянина Митки Ильина сына Попова* (ДКБ, 43), *д. пуст п. ч. Первушки Исакова, умер* (ДКБ, 43), *д. пуст п. ч. Тихонка Наумова, сшел безвестно* (ДКБ, 42), *д. пуст Кирилова монастыря благовещенского попа Микиты Комара* (ДКБ, 42) и др. Данные конструкции отличаются тем, что речь идет о прежнем владельце двора, непосредственным обладателем которого он был в прошлом.

И наконец, конструкции, указывающие на отсутствие двора, наличие только дворового места. И в этом случае способ выражения посессивности остается тем же, т. е. употребляются атрибутивные конструкции: *мѣсто п. ч. Филатка Лихачева* (ДКБ, 51), *мѣсто кирпичника Сенки Лазарева, огорожено, стоит баня, живет в ней* (ДКБ, 51), *м. п. ч. Первушки да Бориска Григорьевых детей Сухолдина* (ДКБ, 51), *м. п. ч. Макарка и Тихонка Наумовых, торговали в лавке мелким товаром* (ДКБ, 51), *м. пусто дворовое п. ч. Неупокя Рагозина* (ДКБ, 51), *м. пусто п. ч. Панки Бородулина* (ДКБ, 51) и др.

Как видно, и в данных конструкциях речь идет о прежнем владельце не сохранившегося двора.

Существенно отличается способ выражения посессивности в дозорной книге Белоозера 1617 г. при учете оброчных мест. В этих случаях употребля-

ется уже атрибутивная конструкция второго типа: предмет обладания выражен именем существительным в им. п., посессор — притяжательным прилагательным с суффиксом *-овск-/евск-/инск-*, образованным от личного имени посессора, с относящимся к нему отчеством, а иногда и фамильным прозвищем (фамилией). Например: *оброчные места: м. Офонинское Шкурляива* (ДКБ, 51), *м. Якушовское Губина* (ДКБ, 57); *оброк платят миром: м. Максимовское Яковлева, м. Гришкинское Власова* (ДКБ, 54), *мѣсто Ивашковское Боранникова* (ДКБ, 51), *м. Якунинское Пятова* (ДКБ, 51), *м. Дружининское Максимова* (ДКБ, 51), *м. Завъялковское Осипова сына сумошника на оброке у Томилка Терешина, оброку гривна* (ДКБ, 50), *м. Первушинское Харитонова* (51), *мѣсто Семеновское Шишова было на оброке у Гришки Кононова в полтрете алтына, оброчник Гришка умер, оброку впусе полтретья алтына* (ДКБ, 60) и мн. др.

Известно, что притяжательные прилагательные на *-овск-/евск-/инск-* не выражают значения собственно принадлежности (обладания), они указывают на относительность, условность посессивных отношений [7]. В такого рода атрибутивных конструкциях объект также именуется по бывшему владельцу, т. е. они вскрывают отношение объекта к его первому владельцу. Но в отличие от генитивных атрибутивных конструкций они не указывают на принадлежность объекта посессору, значение прямого обладания им не свойственно, они выражают отношение к лицу как постоянный (неотторжимый) признак.

Такого рода разграничение двух видов атрибутивных конструкций наблюдается в дозорной книге г. Белоозера 1617 г. и при описании лавок. Выделяются три вида объектов налогообложения: лавка, лавка пуста, *мѣсто лавочное пустое*. При перечислении лавок и пустых лавок употребляется обычно генитивная конструкция: *В городе ж лавок посадских и всяких людей, а в них торгуют всяким мелким товаром, живущие и пустые: лавка пуста п. ч. Будилка Киива, л. розсыльщика Дружинка Ермолова, л. п. ч. Гришки Подципаива, л. пуста Гришки ж Подципаива, л. пуста п. ч. Васки Головы, л. п. ч. Фочки Пелевина, две л. п. ч. Осипка Шумилова* (ДКБ, 47).

Зато при описании мест лавочных пустых активным способом выражения посессивности является второй тип атрибутивной конструкции: *Мѣста лавочные пустые посацких и всяких людей: м. лавочное п. ч. Ивановское Яковлева, м. лавочное Миткинское Шелявина, м. лавочное васкинское Реутова, м. лавочное Фомкинское Анофриева, м. лавочное Гришкинское да Ортемьковское Осютиных, м. лавочное Мишкинское Санкова* (ДКБ, 70) и др.

В ходе анализа материала обратил на себя внимание тот факт, что при описании таких объектов, как оброчное место, пустая лавка, пустое лавочное место в исследуемом источнике наблюдается значительная неупорядоченность в использовании посессивных конструкций, то есть наряду с генитивными атрибутивными употребляются и конструкции второго типа с притяжательным прилагательным: *в той же сторону оброчные места на оброке за посацкими и всякими людми: м. Гришкинское Бздюлева, м. Гришкинское Грошникова на оброке у Осипка Акинина, оброку алтын..., м. Михалка Щего-*

для было на оброке у ямщика у Мишки Остафьева..., м. Ивашковское..., м. Пятунки Овчинникова, да м. Вишнячка Еремина сына Деикова, да м. Сенкинское Бакъшеива..., м. Савы Серкова, м. Мити Шерытина (ДКБ, 68) и др.; Лавка пуста Тихонковская Наумова (ДКБ, 47), лавка пуста Окинфейка Желнина (ДКБ, 47), л. пуста Ивашка Исакова (ДКБ, 47), л. пуста п.ч. Михалковская Остафьева, л. пуста Дружининская Копытова, л. пуста п.ч. Мишкинская Рожжи (ДКБ, 47–48); Места лавочные пустые посацких и всяких людей: м. лавочное п.ч. Иванковское Яковлева, м. лавочное Гришки да Ортюшки Кириловых, м. лавочное Руски да Богдашки Марининых были безоброчно, м. лавочное п.ч. Матюшкинское Басарыгина, м. лавочное п.ч. Андрюшкинское Теста, м. лавочное Емелки Тыркина, м. лавочное Ивашка Бабина (ДКБ, 70) и др.

Такая же неупорядоченность в употреблении двух типов атрибутивных конструкций наблюдается и в именовании пожен. С одной стороны: *пож. Богданка Малеива, пож. Исайка Турзакова, пож. Федорка Ванина, пож. Вашука Мунина, пож. Лазарка Фарютина большая, пожня Петрушки Великосельца* (ДКБ, 71) и др., а с другой: *в старом городе: пож. Андреевская..., пож. Федюкинская, пож. Базизинская, пож. Горшешниковская, пож. три остожья Жавляковские, пож. Ширяивская Баулова* (ДКБ, 71), *пож. Брюшинская, пож. Ишюковская в Маековском поле, пож. Осолехинская, пож. Овдокимовская* (ДКБ, 72) и др. Ср. именование пожни, в основе которого лежат оба типа атрибутивных конструкций: *пож. Лукинская да Торопа Сергина* (ДКБ, 72).

Все эти и другие примеры свидетельствуют о нечеткости системы выражения посессивных отношений в официально-деловом стиле русского языка начала XVII в., поскольку различия собственно и несобственно принадлежности заметно стираются. Судя по исследуемому источнику, генитивная атрибутивная конструкция начинает употребляться и тогда, когда речь идет об утрате значения прямого обладания, то есть когда сообщается о посессоре-пользователе объекта, а не посессоре-обладателе.

Неупорядоченность в употреблении двух типов атрибутивных конструкций отмечает С.Н. Смольников, исследовавший официально-деловую письменность таких окраинных регионов Русского государства XVI–XVII вв., как Каргополь, Устюжна, Кеврола, Холмогоры [8]. Итак, два типа атрибутивных конструкций отмечаются в официальной письменности северных окраин Русского государства, территориально близких в прошлом к Бежецкой пятине Великого Новгорода.

Невольно возникает вопрос, каковы же способы выражения посессивности в официальных документах городов, тяготеющих в торговом и экономическом отношении к центру русского государства – Москве. Для сопоставления привлекается дозорная книга г. Вологды (далее – ДКВ), написанная в тот же период, что и дозорная книга г. Белоозера [9].

В дозорной книге Вологды при определении государственных повинностей учитывались те же три обстоятельства, что и в дозорной книге Белоозера: а) дворовое строение в сохранности и в нем обычно находится его владе-

лец, б) дворовое строение в сохранности, но в нем никто не живет, в) дворовое строение отсутствует, речь идет о дворовом месте.

В первом случае предмет обладания – двор – обозначается именем существительным в предложном падеже, посессор – им. пад. имени лица, посессивное отношение выражается нулевой связкой, т.е. речь идет о предикативной конструкции: *во дворе Алексей Иванов с. Диянов* (ДКВ, 334), *в. Тренка Несееньцев* (Там же), *в. Тараска Ермолин сын* (Там же), *в. Ивашко Мизура, в. Тимошка Маленькой* (ДКВ, 336) и мн. др.

В том случае, когда сообщается о пустом дворовом строении, предмет обладания (двор) назван существительным в форме им. п., посессор – в форме род. п., выражающей посессивное отношение: *двор пуст Ромашка Федорова* (ДКВ, 369), *двор пуст Ивашка Голикова* (Там же), *двор пуст Степанка пролубника* (ДКВ, 363), *двор пуст Васки Чудина... Васка шел безвестно от литовского разорения* (Там же), *двор пуст Гаврилка тирожника... Гаврилко во 124-м году умер* (Там же) и др.

Такой же структуры атрибутивные конструкции, в которых речь идет о месте дворовом: предмет обладания (дворовое место) выражен словосочетанием, опорное слово которого выступает в форме им. пад., посессор – формой род. пад. имени владельца, например: *место дворовое Савки шапочника* (ДКВ, 334), *м. дворовое Орефки Микитина* (Там же), *м. дворовое Ивашка сапожника* (Там же), *м. дворовое Дружинки да Шумилка Семеновых детей Трясоголова* (Там же), *м. дворовое Семейки Коробова* (ДКВ, 336) и др.

Итак, в дозорной книге г. Вологды отмечены два способа выражения посессивности – предикативные и генитивные атрибутивные конструкции.

Таким образом, атрибутивные конструкции с притяжательным прилагательным на *-овск-/-евск-/-инск-* как древний способ выражения посессивных отношений, восходящий к праславянскому языку, наблюдаем в начале XVII в. по преимуществу в документах северных окраин Русского государства. Это своего рода архаическая региональная особенность официально-делового стиля русского языка периода, предшествовавшего формированию русского национального языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб., 1996; Журинская М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. – М., 1997.

2. Чинчлей К. Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб., 1996. – С. 102.

3. Маревич Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных (К вопросу о природе имен типа *Vъsevjožaja* в древнерусском языке) // Вопросы языкознания. – 1981. – № 5; Маревич Р. К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология.

1986–1987. – М., 1989; *Маревич Р.* Патронимы в системе категорий принадлежности древнерусского языка // ОЛА. Материалы и исследования. 1988–1990. – М., 1993. – С. 103–116.

4. *Маревич Р.* К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // *Этимология.* 1986–1987. – М., 1989. – С. 121.

5. Дозорная книга г. Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева 1617 / 1618 гг. // *Белозерье: Историко-литературный альманах.* Вып. 1. – Вологда, 1994.

6. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского у. XV–XVII вв. – М.–Л., 1951.

7. *Никонов В.А.* Славянский топонимический тип // *Географические названия. Вопросы географии.* № 58. – М., 1968. – С. 27; *Зверковская Н.П.* Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. – М., 1986. – С. 52.

8. *Смольников С.Н.* Категория посессивности в старорусском языке: Проблемы исторической ономастики // *История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси.* – Вологда, 2002. – С. 22.

9. Дозорная книга посада Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего Л. Софорова 1616–1617 г. // *Вологда: Историко-краеведческий альманах.* Вып. 1. – Вологда, 1994.

Л. Н. Монзикова

Из истории ойконимии Вологодского уезда (по материалам списка селений 1678 года*)

В состав Вологодского уезда в XVII веке входили районы Верхней Сухоны (с левыми и правыми притоками), верхней Согожи, притока Шексны, земли, прилегающие к Кубенскому озеру и рекам, связанным с озером. П.А. Колесников рассматривал Вологодский уезд как особый экономический район Центрального Поморья. Это начало Сухоно-Двинского пути к Архангельску, как и всех путей в Сибирь, преддверие богатого Поморского края, перевалочный пункт огромного грузооборота. В пределах данного региона здесь имелись наиболее благоприятные почвенно-климатические условия для сельского хозяйства, в том числе льноводства и животноводства. Здесь господствовали помещичье землевладение и помещичья система феодальной эксплуатации крестьянства [1:55].

Всего в уезде, по данным Я.Е. Водарского, насчитывалось около пяти тысяч селений (сел, слобод, селец, погостов, деревень и починков). В исследуемом источнике отмечены традиционные семантические типы ойконимов: 1) наименования, возникшие по связи именуемого объекта с человеком (по-

* Список селений Вологодского уезда 1678 г. составлен Я.Е. Водарским по данным шести переписных книг 1678 г., опубликован в кн.: *Аграрная история Европейского Севера СССР.* Вып. 3. Вологда, 1970. С. 303–366.

сессивные ойконимы); 2) наименования по свойствам именуемых объектов (квалитативные ойконимы); 3) наименования по связи именуемого объекта с другими объектами (локативные ойконимы).

В настоящей статье рассмотрим ойконимы локативного типа, так как они представляются нам наиболее интересными. Как известно, ориентационное ландшафтное означивание преобладает на ранних ступенях развития общества и убывает с усилением власти человека над природой [2: 26]. М.В.Витов на примере заонежских погостов установил, что локативные наименования постепенно вытеснялись посессивными. Доля локативного типа в Заонежье сокращалась довольно равномерно: в XV в. – 80%, в XVI в. – 60%, в XVII в. – 50%. Исследователь предположил, что если в предшествующее время процесс шел примерно такими же темпами, то полное господство локативного типа в севернорусской топонимии относится к XIV – XV вв. [5: 88].

По нашим подсчетам, локативные наименования составляют примерно десятую часть всех ойконимов Вологодского уезда. Древнейшие названия селений края тесно связаны с местной гидронимией и географической терминологией.

Поскольку многие селения Вологодского уезда располагались при речках и озерах (реки и озера были самыми надежными путями сообщения), то они получали названия по водным источникам: д. *Вохтога* (Леж. вол., 334) – р. *Вохтога*; д. *Глушица* (Комел., 327) – р. *Глушица*; сц. *Каргач* (Водож., 311) – рч. *Каргач*; д. *Кубенская* (Фрол., 362) – оз. *Кубенское*; д. *Маега* (Ракул., 344) – р. *Маега*; д. *Нишма* (Сямж., 348) – рч. *Нишма*; д. *Поронга* (Фед., 362) – р. *Поронга*; д. *Пульченга* (Фед., 362) – р. *Пульченга*; д. *Талица* (Масл., 338) – р. *Талица* и др. Ойконимы в данном случае зеркально повторяют названия рек, озёр. О первичности гидронимов свидетельствует субстратное происхождение большинства из них.

На уровне взаимодействия субстратной и русской топонимии появляются названия селений: сц. *Емка* (Тошен., 356) – р. *Ема*; д. *Заморжанка* (Бохт., 309) – р. *Марженга* < вепс. *marg* ‘ягоды’ (СГНВ: 146); д. *Мусорка* (Юж., 365) – р. *Мусора* < вепс. *must* ‘черный’, - *sor* (- *sar*) ‘приток, рукав, небольшая река’ (СГНВО: 59); д. *Бохтюжская* (Кодан., 321) – р. *Бохтюга*; д. *Ухтомица* (Уфт., 360) – р. *Ухтома* < бохт-, ухт- ‘проток’, ‘медведь’, ‘волок’ (значения одинаково приемлемы) [4 : 10].

В ойконимах отражены реликты языков финно-угорской группы: вепсского (д. *Ухтомица*, д. *Мусорка* и др.), мерянского (д. *Бохтюжская*, д. *Вохтога* и др.). А. К. Матвеев предполагает, что на восточном берегу Кубенского озера близ устья Кубены и истока Сухоны был значительный мерянский центр. Название озера *Кубенское* (соответственно и ойконим д. *Кубенское*) соотносится с марийским куп. ‘болото’, купан ‘болотистый’: берега озера сильно заболочены [4:16]. Формирование ойконимов рассматриваемой группы происходило в условиях активного языкового взаимодействия.

Значительная часть локативных топонимов восходит к названиям смежных гидрографических объектов: д. *Бережок* (Заднесел., 318; Мануйл., 337);

д. *Бережек* (Воздв., 314); д. *Верховье* (Леж. вол., 333) < *верховье* 'более о вершине реки, начале, истоке' (Д, I: 185); д. *Кринки* (Верхневолг., 310) < *кринка* 'глубокое место с ямами в реке' волог., 'топкое место около лесных озер' новг. (СРНГ, XV: 258-259); д. *Надпорожье* (Вож., 313) < *надпорожье* 'место выше порога по течению реки' (Д, II: 406); д. *Прилук* (Бохт., 308; с. Ник.Заб., 339) < *прилук* 'залив, лука', 'берег речной луки' (СлРЯ XI-XVII, XIX: 208), 'внешняя большая дуга при изгибе реки' волог (СВГ, 8: 52) и др. Субстратный термин *курья*, известный в севернорусских говорах в значениях 'залив, заводь', 'заболоченный рукав реки', 'старое русло реки' (фин. *kuigi* 'борозда', коми *кугъя* 'залив') (Ф, II, 43), послужил основой для создания ойконимов д. *Курья* (Корб., 328), сд. *Казнакурье* (Кодан., 321).

Повышенной склонностью к ойконимизации отличаются орографические термины. Наиболее частотны апеллятивы *гора, горка*, рождающие наименования по разным моделям: д. *Горка* (49 топонимов), д. *Горки* (Тошен., 354), д. *Горка* (5 топонимов), д. *Горы* (Мануйл., 337; Комел., 327); д. *Нагорная* (с. Нов. Ник., 339); сд. *Нагорное* (Тошен., 357); д. *Нагорская* (Сям., 352); д. *Загорное* (Авнеж., 304); д. *Подгорное* (Сямж., 348; Фрол., 362); д. *Подгорье* (Том., 353); д. *Святогорье* (Авнеж., 304); д. *Горная* (Юж., 365). Тополексемы *гора, горка* входят также в составные наименования: д. *Низкая Горка* (Рамен., 345); д. *Высокая Горка* (Рамен., 345); д. *Косая Гора* (Вож., 313); д. *Афонасовы Горы* (Вотч., 315); д. *Горка Яловцева* (Сямж., 348) и др.. Слово *гора* 'небольшая возвышенность, холм' бытует в вологодских говорах (СВГ, I: 122), в значении 'возвышенный берег' зафиксировано в архангельских, карельских, северодвинских, ярославских, рязанских, пермских, тобольских говорах; *гора* 'берег' употребляется в архангельских, олонечких, новгородских, тобольских говорах (СРНГ, VII: 17). По наблюдениям Ю.И. Чайкиной, топонимические наименования, одним из компонентов которых являлся термин *гора*, в более ранний исторический период были широко распространены в новгородских пятинах [5:50]. Необычайную активность слова *гора* в ойконимии Вологодского уезда, видимо, можно считать следствием новгородской колонизации Севера.

Менее продуктивны термины *холм, веретя* 'сухое возвышенное место (участок земли) среди болот, на затопляемом лугу, среди леса' (СлРЯ XI-XVII, II: 87), 'сухое, поросшее лесом место на болоте' волог. (СРНГ, IV: 138), *бугор* 'небольшой холм, возвышенное место' (СлРЯ XI-XVII, I: 344), *грива* 'поросшая лесом растительность, холм' (СлРЯ XI-XVII, IV: 134); д. *Холм* (Береж., 306; Шилег., 364; Кочк., 329; Тошен., 354, 357), д. *Веретя* (Бохт., 309; Давыд., 316; Боров., 308; Митюк., 338; Мануйл., 337), д. *Бугры* (Кумз., 332), д. *Грива* (Зуб., 320.; Давыд., 316).

Большое количество топонимов, восходящих к словам, называющим положительные формы рельефа, свидетельствует о том, насколько значимы были для первопоселенцев возвышенные места, особенно возвышенные места, поросшие лесом.

Наименование отрицательных форм рельефа представлены в таких ойконимах, как д. *Овражек* (Сям., 351), д. *Подол* (Уфт., 360), д. *Подолец* (Сям., 349; Угол., 358); сц., д. *Подольное* (Леж. вол., 334; Уточ., 359, Тошен., 355), д. *Подольная* (Вож., 313) < *подол* 'низкое, низменное место, особенно под горой, близ реки; долина' (СлРЯ XI – XVII, XVI: 28)

О трудностях освоения территории свидетельствуют топонимы, указывающие на положение селения вблизи болота, за болотом. Чаше других используется термин *болото*: д. *Заболотье* (Сям., 350; Кубен., 330; Бохт., 309; Шеп., 364; Засодим., 319), д. *Заболотное* (Ракул., 345); д. *Подболотно* (Замош., 318). Ойконим д. *Замошье* (Уфт., 360) – от *замошье* 'лес за мхами, болотами, болотистыми озерами' волог. (СРНГ, X: 260). Аппелятив *мох* 'моховое болото' в древнерусский и старорусский периоды известен в северо-западных диалектах – новгородских, псковских, а также в восточных – двинских, вятских, новгородских по происхождению [6:12]. Названия д. *Лыва* (Уфт. 361), д. *Согорское* (Фед., 362) восходят к субстратным тельмографическим терминам: *лыва* 'болото', 'низменное или затопляемое водой место', 'лес на заболоченном месте' (Срезневский, П: 63., СлРЯ XI – XVII; VIII: 315); фин., карельск *liiva* 'ил, тина' (Ф, П: 539); *согра* 'топкое болото с редким плохим хвойным лесом' арх, олон., волог., перм., иркут., томск. (Ф, III, 706)

В списке отмечены ойконимы, образованные от названий лесных урочищ, угодий: д. *Ельник* (Обнор., 340), сц. *Осинник* (Тошен., 353), д., сц. *Березник* (Боров., 308; Иван. сл., 320; Леш., 335; Сямж., 347, 348) < *березник* 'березовый лес, березовая роща' новг. (СРНГ, П: 252) д. *Малинник* (Иван. сл., 320); д. *Ивяк* (Комел., 327), д. *Сосновка* (с. Ник. Заб., 346; Город. ст., 303) и др. Наряду с обозначением вида леса (ельник, сосновка и др.) топонимы фиксируют его качественные характеристики: 'густой, труднопроходимый', 'островок леса', 'небольшой', 'находящийся на возвышенном месте' и др.: д. *Дубровка* (Масл., 338), д. *Дубровская* (Кубен., 330) < *дубровка, дуброва* 'лиственный лес, выросший на вспаханной и заброшенной росчисти' (СлРЯ XI-XVII, IV: 370), 'густой дремучий непроходимый лес' перм., 'возвышенное место, поросшее березняком и осинником', 'густой лес из разных пород' (СРНГ, XIII: 240; СВГ, 2: 63); д. *Лом* (Воздв., 314) < *лом* 'лес, поваленный бурей, бурелом', 'завал поваленного леса' (СлРЯ XI-XVII, XVIII: 278), д. *Остров* (Сямж., 348) < *остров* 'небольшой отдельно стоящий лес; лес среди поля' (СлРЯ XI-XVII, XIII: 158) и др.

На степень освоенности местности указывают также ойконимы, восходящие к терминам подсечно-огневого и парового (пашенного) земледелия. Подсечно-огневое земледелие было развито на Руси вплоть до XII-XIII веков. На севере же оно сохранялось как дополнение к пашенному до XX века [1:188]. Это был весьма трудоемкий процесс. Сначала вырубался участок леса, срубленные деревья подсушивались и сжигались. Если почва при сжигании деревьев недостаточно прогорала или спекалась, ее обрабатывали мотыгами, после чего участок леса засеивался. После сбора одного-трех урожаев данная подсека забрасывалась и заводилась новая [7:47]. Практически все этапы об-

работки земли, связанные с подсечно-огневым земледелием, нашли отражение в ойконимии Вологодского уезда.

Основой для образования топонимов послужили такие термины, как *дор*, *дорок*, *гарь*, *погарь*, *жар*, *пожар*, *пожарище*, *кулига*, *рамень*, *новина*, *новоросчисть*, *поляна*, *полянка*, *рубеж*, *ржища* и др.

Список селений содержит 35 ойконимов, сложившихся на базе апеллятивов *дор*, *дорок*: д. *Дор* (Кузм., 332; Уточ., 358; Уфт., 360 и др), д. *Дорок* (Авнеж., 306; Обнор., 340), д. *Доровская* (Ухт., 361), д. *Доровское* (Шеп., 363), д. *Дор Чистой* (Водож., 313), д. *Дорок Лавров* (Обнор., 340) и др. Они сконцентрированы в границах 17 волостей: Авнежской, Бережецкой, Васьяновской, Комельской, Кумзерской, волости Лежский волок, Лешевской, Обнорской, Пельшемской, Перебатинской, Тошенской, Уточенской, Уфтюжской, Ухтомской, Шепухонской, Шилегоцкой, Южской, Янгорсарской. В древнерусском языке *дор* – ‘поднятая целина, новь’ (Ф, I: 529). С данным значением слово известно в диалектах: ‘роспашь, росчисть, расчистка, починок, чишоба, подсека, кулига, драки, поджога’ сев. (Д, I: 475); ‘новое селение на дору стало именоваться дором’ (там же). В архангельских, вологодских говорах фиксируется *дор* ‘вновь расчищенное место под сенокос или под пашню’ (СРНГ, VIII: 129).

Ойконимы д. *Новинки* (Вож., 313; Водож., 311; Тошен., 353), д. *Новинская* (Катр., 321), сд. *Новинское* (Катр., 320) образованы от терминов *новина*, *новинка*. Опираясь на данные картотеки СлРЯ XI-XVII веков и областных словарей, Ю.И. Чайкина показала, что ареал слова *новина* с давних пор охватывал территорию Северо-Востока. *Новина* и *новинка* ‘подсека’ зафиксированы в онежских, холмогорских, важских и двинских источниках [8:85]. В значении ‘расчищенное для пашни место среди леса, подсека’ слово известно на территории Вологодского края в современных архангельских, вожегодских, вологодских, междуреченских, сямженских говорах (СВГ, 5: 109-110).

Место, расчищенное от леса под пашни и жилье, называли по способу расчистки *гарь*, *пожар*, *жар*. Термины вызвали к жизни ойконимы: д. *Гари* (Комел., 326) < *гарь* ‘место, выжженное в лесу, погар’, ‘гарь, погорелый лес’ (Д, III: 135); д. *Погорелка* (13 названий), сд. *Погорелки* (Рамен., 345), д. *Погорелое* (Засодим., 320; Том., 359), д. *Погорелая* (Митюк., 339) < *погорелое* ‘выгоревшее место, гарь’ киров., урал. (СРНГ, XXVII: 38); д. *Жары* (Сямж., 347; Уфт., 359) < *жар* ‘участок леса, выжженный под пашню’ (СлРЯ XI-XVII, V: 75); д. *Пожарище* (Кузм., 332; Зуб. 320) д. *Пожар* (Мануйл., 337) д. *Пожарища* (Давыд., 316); д. *Пожарищо* (Кузм., 332) < *пожар* ‘место пожара, погорелая площадь, пространство’ (Д, III: 221).

Продуктивен термин *рамень* костр., перм., вят., влад. ‘густой дремучий темный лес’; ‘большие казенные леса, где есть распашки, глушь лесная, непроезжая, без дорог, где только на опушке есть починок и росчистки’ (Д, IV: 58): д. *Рамень* (Мануйл., 337; Леж., 334; Давыд., 316; Тошен., 355). По данным Ю.И. Чайкиной, слово *рамень* раньше других фиксируется в документах центральной полосы (начиная с XV в.), позднее (в XVI- I половине XVII в.)

сохраняется в диалектах Верхнего Поволжья (московских, суздальских, юрьевских) [6:41-42].

Единичны названия, образованные от терминов *кулига* 'росчисть, полянка, пожня в лесу' (СлРЯ XI-XVII, VIII:115), *новоросчисть* 'свежая чищоба, новая подсека, кулига под пашню или под пожни' (Д, II:55), *ржище* 'ржаное жниво, ржаное поле, с которого хлеб уже снят' (Д, IV:101), 'поле, засеянное рожью по вырубленному или сожженному лесу' арх. [8:87], *поляна, полянка* 'поле без посева, окруженное лесом', 'кулига, росчисть, подсека' (Д, II:258); д. *Кулига* (Шилег.,361), д. *Новоросчисть* (Водож.,311), д. *Ржища* (Комел.,327), д. *Поляна* (Авнеж.,305; Шеп.,363; Митюк.,339), д. *Полянка* (Лещ.,336; Водож.,312).

В списке селений встречаются также названия, восходящие к терминам пашенного земледелия: д. *Новороспашь* (Водож.,311), д. *Наволоки* (Уточ.,359; Обнор.,340) < *наволоки* 'заливной поемный луг' (Срезневский, II:270), 'прибрежный земельный участок' (СлРЯ XI-XVII,V:39), 'сенокосная земля' арх. (Подвысоцкий : 96).

Некоторые локативные топонимы отражают положение населенного пункта относительно каких-либо хозяйственных построек: сд. *Беседы* (Масл.,338) < *беседа* 'стар. беседка, особ. рубка, казенка, место под навесом на стругах, лодках' (Д, I:85); д. *Подкурное* (Козл.,322) < *подкурень* 'летнее жилье лесников, помост, полати, под коими курится огонь, дым проходит сквозь настилку и разгоняет мух и комаров', 'полати, помост на воздухе, с куревом под ним от мух, мушек, комаров' (Д, III:180), однокоренное *подкурити* 'окурить снизу, пустить дым, огонь под кого-либо' (СлРЯ, XI-XVII, XV:274) и др..

Многие села, погосты, деревни получили свои названия по церквям, монастырям: с. *Архангельское* (Бохт.,308; Юж.,365), с. *Вознесенское* (Комел.,323), пог. *Ильинский* (Засодим.,319), д. *Ильинское* (Лоск.,336; Город.ст.,304), с. *Мироносицкое* (Лоск.,336), пог. *Никольский* (Комел.,325), сд. *Троецкое* (Тошен.,356) и др..

Сохранили следы древнейших языческих верований славян ойконимы: д. *Волиницы* (Сям.,351) < *волиница* 'место, где совершается предсказание жрецом-прорицателем' (СлРЯ, XI-XVII, III:16); д. *Молбище* (Ракул.,345) < *молбище* 'место общественных молений' (СлРЯ, XI-XVII, IX:257), по преданию, деревня известна с XIII века [9 :64].

Итак, локативные ойконимы свидетельствуют об особенностях заселения территории Вологодского уезда, об этнических контактах в прошлом, отражают картину мира понятий и представлений русского крестьянина XV – XVII веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976.

2. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., Наука, 1965.
3. Витов М.В. Севернорусская топонимия XV – XVII вв. Вопросы языкознания, 1967, №4. С. 75-90
4. Матвеев А.К.. К проблеме расселения летописной мери// Известия УрГУ. Гуманитарные науки. Вып.1. 1997, №7. С. 5-17.
5. Чайкина Ю.И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII – XVIII вв.). Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. С. 48-56.
6. Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья// Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3-187.
7. История северного крестьянства. Т 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984.
8. Чайкина Ю.И. Лексика подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского уезда XVI – XVII вв. // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 83-94.
9. Родословие вологодской деревни (Список древнейших деревень – памятников истории и культуры). Вологда, 1990.
- Д – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989-1999.
- Подвысоцкий-Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. 1885
- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1-8. Вологда, 1983 – 2001.
- СГНВО – Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. Архангельск, 1988.
- СлРЯ XI –XVII – Словарь русского языка XI –XVII вв. Вып. 1 - 25. М., 1975 – 2000.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 1 –27. М.-Л.-СПб, 1965 –1992.
- Срезневский-Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. I-III. М., 1989.
- Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т I – IV М., 1964 – 1973.

Принятые сокращения

Город. ст. – Городской стан.
 Авнеж. – Авнежская волость.
 Береж. – Бережецкая волость.
 Боров. – Боровецкая волость.
 Бохт. – Бохтюжская волость.
 Верхневолог. – Верхневологодская волость.
 Водож. - Водожская волость.
 Вож. – Вожегоцкая волость.
 Воздв. – Воздвиженская волость.
 Вотч. - Вотчинская волость.
 Давыд. – Давыдовская волость
 Заднесел. – Заднесельская волость
 Засодим. –Засодимская волость.
 Зуб. – Зубовская волость.
 Иван. сл. – волость Ивановой слободы.

Катр. — Катромская волость.
Кодан. — Кодановская волость.
Козл. — Козланская волость.
Комел. — Комельская волость.
Корб. — Корбанская волость.
Кочк. — Кочковская волость.
Кубен. — Кубенская волость.
Кумз. — Кумзерская волость.
Леж.вол. — Лежский волок
Лещ. — Лещевская волость.
Лоск. — Лоскомская волость.
Мануйл. — Мануйловская волость.
Масл. — Маслянская волость.
Митюк. — Митюковская волость.
с. Нов. Ник. — волость села Нового Никольского.
с. Ник. Забол. — волость села Никольского Заболотья.
Обнор. — Обнорская волость.
Ракул. — Ракульская волость.
Рамен. — Раменская волость
Сямж. — Сямженская волость.
Сям. — Сямская волость.
Том. — Томашская волость.
Тошен. — Тошенская волость.
Угол. — Угольская волость.
Уточ. — Уточенская волость.
Уфт. — Уфтюжская волость.
Фед. — Федосеевская волость.
Фрол. — Фроловская волость.
Шеп. — Шепухоцкая волость.
Шилег. — Шилегоцкая волость.
Юж. — Южская волость.

Е. Н. Варникова

Признаки системности гидронимии Среднего Посухонья

При описании системных отношений в топонимии ученые отмечают специфику этих отношений в разряде названий водных объектов. Так, по мнению И.А. Воробьевой, «внутри гидронимов системность несколько меньшая, так как они в силу устойчивости включают в свой состав много заимствованных имен, принадлежащих другой системе» [1, 133]. Очевидно, меньшая системность гидронимов обусловлена также и спецификой именуемых реалий (это объекты, имеющие большую протяженность), и особенностями их номинации (как известно, имена физико-географических объектов обычно мотивируются их природными свойствами). Нельзя не учитывать и тот факт, что

создание имен рек осуществляется в более широком контексте, нежели образование ойконимов и микротопонимов, поэтому гидронимы слабее соотносены друг с другом, чем топонимы других разрядов.

Попытаемся все же определить некоторые признаки системной организации гидронимов и проследить их связь с названиями других классов на материале топонимии Среднего Посухонья.

Системность гидронимии Среднего Посухонья проявляется наиболее отчетливо во взаимодействии разных по происхождению названий рек. Дославянские имена водотоков, по нашим подсчетам, составляют не менее 15% всех гидронимов региона. Субстратные гидронимы существуют в топонимии Среднего Посухонья не изолированно: они органически входят в ее синхронную организацию. Одинаковые дославянские названия в бассейне одной реки противопоставляются, как правило, с помощью русских разграничителей: *Верхняя Камчуга*, р. – *Нижняя Камчуга*, р. – п.п. Сухоны (Тот. Камчуга), *Малая Пиньга*, р. – *Большая Пиньга*, р. – п.п. Сухоны (Тот. Михайловка), *Глухой Леваш*¹, р. – п.п. Сухоны – *Живой Леваш*, р. – л.п. Сухоны [5, 210-211]. Связь дославянской гидронимии с русскими названиями рек проявляется и в отношениях производности. На территории края существует целый ряд русских гидронимов, производных от субстратных имен более крупных рек. В отношениях производности могут находиться названия рек и их притоков, имена смежных гидрообъектов, а также наименования частей одной реки: *Войница*, р. – п.п. *Вои* (Тот. Никольское), *Пушемка*, р. – п.п. *Пушмы* (Тот. Княжиха), *Печеньжица*, р. – п.п. Сухоны – *Печеньга*, р. – п.п. Сухоны (Тот. Подлипное), *Тафтинка* р. – л.п. Лизны – *Тафта*, р. – л.п. Царевы (Тот. Фоминское), *Вожбалец* – верховье р. *Вожбал* (Тот. Мишуково) и др. Русификация дославянских названий осуществляется и на семантическом уровне. На основе паронимических сближений возникают народные этимологии. Под их воздействием может меняться форма гидронимов. Так, например, название реки *Царева*, по-видимому, восходящее к финскому *saari, saaret* – остров (в русле Царевы действительно много островов), местные жители связывают с пребыванием в Тотье царя Ивана IV и мотивируют нарицательным *царь*. Название другого притока Сухоны – *Песьей Деньги* – объясняется народной легендой, согласно которой Пес, то есть Черт, пролетая над рекой, обронил денежку, вот она и блеснит в одном из омутов – поэтому так и называется река. Более древняя форма гидронима восстанавливается его вариантом *Песь-Еденьга*, еще называемым местными жителями и зафиксированным писцовыми книгами XVII в. Сопоставление этой формы с именами смежных рек обнаруживает триаду *Еденьга* – *Леденьга* – *Песь-Еденьга*. Этот пример наглядно показывает, как под воздействием русского языка происходит разрушение системы субстрат-

¹ Е.Л. Березович связывает такие названия с противопоставлением в севернорусской топонимии обжитого и необжитого пространства. По ее наблюдениям, нежилое пространство может быть поименовано, в частности, как глухое [2, 185].

ных гидронимов, приспособление их к действующей системе¹. При введении асистемных элементов система начинает действовать особенно активно, поэтому взаимосвязи русских и субстратных гидронимов так показательны.

В сравнении с местной ойконимией и микротопонимией [4] в гидронимии меньше внешних признаков системности. Довольно редки в ней бинарные оппозиции русских по происхождению названий притоков одной реки типа *Озерная*, р. – п.п. Ретчи (Сок. Логиново) – *Прудышная*, р. – п.п. Ретчи (Сок. Алексеево). Но, как и в топонимии других классов, в гидронимии региона системность проявляется в упорядоченности принципов номинации рек, в отборе определенных мотивировочных признаков для их именования, в наличии на данной территории продуктивных гидронимических моделей и наиболее частотных топооснов. В гидронимии Среднего Посухонья отмечаются традиционные для славянских территорий мотивы номинации рек и ручьев: номинация, связанная с объектами флоры и фауны, с гидрологическими и орографическими объектами, населенными пунктами, природными свойствами водотоков (особенностями воды, характером течения, гидрографическими отличиями, особенностями формы и величины...) и др. В каждом типе номинаций выделяются излюбленные мотивировочные признаки. Например, среди «флористических» названий преобладают «березовые» имена: *Березовка*, р. – л.п. Ширбуя (Сок. Слободищево), п.п. Стрелицы (Сок. Осипиха), л.п. Большого Сомбала (Тот. Фоминское) и др.; среди «фаунистических» – «медвежьи» *Медвежий*, руч. – п.п. Песьей Деньги (Тот. Выдрино), *Медведица*, р. – п.п. Вотчи Песьей Деньги (Тот. Выдрино), *Медведица*, р. – п.п. Вотчи (Сок. Вотча), *Медведка*, р. – п.п. Синьгомы (Тот. Успенье) и др.; среди «ландшафтных» – наименования по положительным формам рельефа: *Холмовица*, р. – п.п. Медведицы (Сок. Вотча), *Холмоватка*, р. – п.п. Шореньги (Тот. Выдрино) и т.д. Ведущими способами образования гидронимов являются аффиксация (45%) и субстантивация прилагательных (около 40%). Причем аффиксация представлена лишь суффиксальными дериватами. Наиболее употребительные форманты – *-к(а)*, *-иц(а)*, *-их(а)*, *-оватк(а)*. На уровне принципов, способов и средств номинации гидронимы выделяются среди других классов местных географических названий. Так, например, аффиксальная деривация как один из активных способов топонимообразования в ойконимии края реализуется не только в суффиксальных, но и во флексийных образованиях, в микротопонимии – в суффиксальных, флексийных и префиксально-суффиксальных. Среди ойконимов, созданных посредством аффиксации, преобладают структуры на *-ов(о)*, *-ин(о)*, *-их(а)*, среди микротопонимов – на *-их(а)*, *-к(а)*, *-ниц(а)* (продуктивность повторяющихся формантов различна) [5, 192-193].

¹ Возможное развитие этого процесса прослеживается в разговорной форме названия – *Песьюха*, образованной типичным для топонимии способом эллиптической субстантивации словосочетания.

Ономазиологическая специфика, однако, не делает класс гидронимов закрытым. Гидронимия активно взаимодействует с топонимами других классов. Среди ойконимов и микротопонимов выделяются группы наименований отгидронимического происхождения: *Двиница*, д. – *Двиница*, р. (Межд), *Нюксеница*, с. – *Нюксеница* р. (Нюкс.), *Усть-Царева*, пос. – *Царева*, р. (Тот.), *Гремиха*, сен. – *Гремиха*, р. (Тот. Ратчино), *Осиновка*, сен. – *Осиновка*, р. (Сок. Арганово), *Тафтыша*, сен. – *Тафтыш*, р. (Тот. Ратчино). И среди гидронимов есть названия, возникшие на основе ойконимов и микротопонимов: *Алекинка*, р. – п.п. Ишкомы – *Алекино*, д. (Сок.Алекино), *Мишуковка*, р. – п.п. Вожбала – *Мишуково*, д. (Тот. Шулево), *Блюдновка*, р. – л.п. Голопуницы – *Блюдные*, сен. (Тот. Федоровка), *Кривецкий*, руч. – п.п. Старой Тотьмы – *Кривцы*, сен. (Тот. Тихониха), *Сохринский*, руч. – п.п. Алекинки – *Сохры*, сен. (Сок. Алекино).

Иногда наименования рек испытывают воздействие топонимических микросистем, функционирующих в пределах сельсоветов [6]. Это проявляется в противопоставленности по мотивировочным признакам и топоосновам отдельных гидронимов, возникших на базе общих для них принципов и способов номинации: *Степанида*, р. – п.п. Еденьги (Тот. Матвеево) – *Опросинья*, р. – п.п. Нореньги (Тот. Заречье) (Матвеевский сельсовет); *Гремиха*, р. – п.п. Царевы (Тот. Ратчино) – *Журиха*, р. – п.п. Тафты (Тот. Калининское) (Калининский сельсовет); *Холмовица*, р. – п.п. Медведицы (Сок. Вотча) – *Горбовица*, р. – п.п. Вотчи (Сок. Вотча), *Ольховка*, р. – п.п. Верхотины (Сок. Горбово) – *Сосновка*, р. – п.п. Вотчи (Сок. Вотча) – *Березовка*, р. – п.п. Ширбуя (Сок. Слободищево) (Чучковский сельсовет); *Осиновка*, р. – п. Сухоны (Тот. Большой Горох) – *Черемуховая*, р. – п. Сухоны (Тот. Усть-Печеньгское) (Усть-Печеньгский сельсовет) и т.д. Показательны в этом отношении гидронимы отойконимического происхождения. Так, в Калининском сельсовете (Тот.) большинство малых рек названы по смежным селениям: *Коровинская речка* – л.п. Царевы – *Коровинское*, д. (Климовская), *Калининская речка* – л.п. Царевы – *Калининское*, д. (Екимиха), *Орловская речка* – л.п. Царевы – *Орловка*, д. (Большой Двор), *Сельская речка* – п. Царевы – *Село*, д. (Козловка), *Исаевская речка* – л.п. Царевы – *Исаево*, д. (Большой двор) и др., а в соседнем с ним Вожбальском сельсовете гидронимы, возникшие на основе этого мотивировочного признака, единичны, причем образованы они по другой модели: *Мишуковка*, р. – п.п. Вожбала – *Мишуково*, д. (Шулево), *Патюковка*, р. – л.п. Вожбала – *Патюково*, д. (Гридинская).

Однако значительно чаще гидронимия сама воздействует на формирование микросистем других классов, вернее, способствует их формированию. Здесь уместно вспомнить хотя бы тот факт, что названия волостей в XVII – XIX вв. часто имели отгидронимическое происхождение: «волость Толшма на речке на Толшме» [7, 80], «волость Тиксна на речке на Тиксне» [7, 109], «волость Сондога на речке на Сондоге» [7, 251] и т.д. Большое влияние оказывает гидронимия и на микросистемы населенных пунктов: если в пределах земельных угодий селения есть гидрообъекты, имена их обязательно отража-

ются в микротопонимии, причем на их основе часто строятся парадигматические ряды наименований. Так, в деревне Алексеево названия пойменных сенокосов *Озерные, Прудистые, Маравихи, Черные* повторяют имена рек *Озерной, Прудистой, Маравихи и Черной*, а участки на них имеют названия по владельцам, образующие своего рода противопоставления: *Симанова Озерная, Федюнина Озерная, Фокина Озерная* и др., *Мишонкова Прудистая, Костеничонкова Прудистая, Ботенкова Прудистая* и др., *Клашонкова Маравиха, Инокишонкова Маравиха, Исаёнова Маравиха* и т.д. Такие примеры многочисленны.

Нередко на базе гидронимов возникают целые комплексы географических имен разных разрядов: *Шуя*, р. – п.п. Сухоны – *Шуйское*, с. – *Шуйское* прист. – *Шуйские Пески*, пер. – *Шуйские Пески*, с. [3, 19]; *Шиченьга*, р. – л.п. Сухоны – *Шиченьга*, д. – *Шиченьга*, прист. – *Шиченьгский Кордон*, место на берегу – *Шиченьгский*, о. [3, 20]; *Ихалица*, р. – п.п. Сухоны – *Малая Ихалица*, д. – *Большая Ихалица*, д. – *Верхний Ихалицкий*, пер. – *Средний Ихалицкий*, пер. – *Нижний Ихалицкий*, пер. – *Ихалицкий*, о. [3, 29-30], *Верхняя Печеньга*, р. – п.п. Сухоны – *Нижняя Печеньга*, р. – п.п. Сухоны – *Усть-Печеньгское*, д. – *Усть-Печеньгское*, прист. – *Печеньгский*, о. [3, 42-43] и т.д.

Активное взаимодействие гидронимии с топонимией других разрядов, влияние гидронимов на микросистемы ойконимов и микротопонимов свидетельствуют, таким образом, что наименования рек принадлежит организующая роль в топонимической системе региона. Специфика гидронимической подсистемы обусловлена не только ее ономаσιологическим своеобразием, но и меньшей определенностью границ семантических микросистем, образующую основу которых составляют противопоставления гидронимов. Если в ойконимии такие микросистемы объединяют названия селений одной административно-территориальной единицы, в микротопонимии – имена объектов в пределах одного селения, то в гидронимии это не всегда названия притоков одной реки (классический вариант). Границы гидронимической микросистемы более гибки и подвижны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воробьева И.А. Системные связи в сфере собственных имен // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1971. – С. 131-133.
2. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с.
3. Лоцманская карта рек Сухоны и Вологды. – МРТ РСФСР, 1973.
4. О системности этих имен см.: Варникова Е.Н. Некоторые признаки системности топонимии Среднего Посухонья // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка: Тез. докл. и сообщ. (24-26 мая 1983 г.). – Вологда, 1984. – С. 188-189.
5. Варникова Е.Н. Русская топонимия Среднего Посухонья в ономаσιологическом аспекте: Дисс. ... канд. филол. наук. – Вологда, 1988. – 236 с.

6. Варникова Е.Н. Из истории формирования ойконимических микросистем на территории Среднего Посухонья (по данным источников XVII – XX вв.) // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002. – С. 146-155.

7. Дозорная книга Тотемского уезда 1616г. – РГАДА, ф.1209, №479.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

д. – деревня
л.п. – левый приток
о. – остров
п.п. – правый приток
пер. – перекал
пос. – поселок
прист. – пристань
р. – река
руч. – ручей
с. – село
сен. – сенокос

Е. А. Славнова

Детские прозвища как явление языковой игры

Исключительно значимой деятельностью, имеющей особенный смысл для младших школьников и подростков, является общение. Его своеобразие состоит в том, что трафаретность и шаблонизация сочетаются с отчетливо выраженной установкой на творчество, которое проявляется прежде всего в виде языковой игры.

Языковая игра часто служит для того, чтобы вызвать улыбку, смех, создать шутовское или ироническое настроение – именно так в непринужденном общении проявляется установка на творчество. Но комизм – это наиболее частая, а не единственная функция языковой игры, в речи школьников при образовании прозвищ она выступает и как реализация эмотивной функции, которая выражает отношение говорящего к тому, о ком или с кем он разговаривает. Реализуя экспрессивную функцию, прозвища входят в речь школьников, являясь частью подростковой субкультуры, освоение компонентов которой происходит в процессе общения в классном коллективе и других детских группах.

От чувств, которые испытывает ребенок к товарищам и учителям, зависит форма прозвищного именования: при помощи суффиксов субъективной оценки может выражаться доброе отношение (*Димакратик* – Дима, *Мамонтенок* – Момотова, *Степашка* – Степанова), негативная оценка (*Бойбуха* – Бойцова, *Карпуха* – Карпова, *Сараюха* – Сараева, *Трудиха* – Трудова); конно-

тативные семы могут содержаться в структуре лексического значения: *Заноза* – отрицательная окраска создается за счет актуализации значения “задиристый, не дающий покоя” (так прозвали классного руководителя, которая постоянно надоедала школьникам, расспрашивая обо всем, что ее не касалось); *Супер* (лучший футболист в школе), *Мегавольт* (учитель физики) – значение повышенной качества (супер, мега) передает восторженное отношение к именуемому. Образования, омонимичные сокращенным вариантам личных имен, используются в дружеских компаниях: *Аким* – Акимова, *Афон* – Афонин, *Ждан* – Жданова, *Филя* – Филиппов, *Юра* – Юрова и др., но употребление подобных форм в адрес учителей носит оттенок фамильярности, пренебрежительности: *Зося* – Тамара Изосимовна, *Клавдий* – Сергей Клавдиевич, *Платон* – Андрей Платонович.

Усиление субъективного фактора в речи детей связано с общим процессом становления самосознания школьников, с появлением стремления к интерпретации фактов и явлений окружающего мира.

Актуализируя игровую функцию в прозвищах, подростки часто не ставят перед собой никаких содержательных задач, кроме одной: не быть скучными, усилить непринужденность общения, развлечь себя и собеседника: *Андриано Разыграно* – Андрей Разыграев, *Ванидзе Михайлидзе* – Ваня Михайлов, *Степа Ирова* – Ира Степанова, *Лысый* – мальчик с длинными волосами, *Фотокопии* – девочки – двойняшки и др. Также здесь может проявиться стремление прозывающего к самоутверждению – триумф из-за исправности собственного интеллекта или же “обнаружение у других отрицательной черты, от которой сам наблюдатель свободен, что пробуждает в нем фарисейское довольство собой” (Д.Батлер), – и в данном случае направленность на языковую игру не приводит к достижению высокого эстетического эффекта: *Кагорыч* – учитель по отчеству Егорович, который любил выпить, *Коля Куб* – очень толстый мальчик (“что в длину, что в ширину”), *Леха Твикс* – у мальчика на руке только два пальца, *Марсианин* – мальчик с овальной головой, *Мутный* – мальчик носит очки с очень толстыми стеклами, за которыми глаза кажутся мутными и др.

На образование прозвищ влияет одна из тенденций, характеризующих содержание общения школьников: оперирование в социальном пространстве среди сверстников и взрослых значениями современной системы словесных знаков, придавая отдельным значениям уникальные смыслы и тем самым утверждая себя как неповторимую личность. Эта особенность языковой культуры подростков приводит к появлению следующих именовании: *Киллер* (от имени Кира), *Чирок* (Кряквин), *Бройлер* (Курочкин), *Авторезина* (Колесов), *Доллар*, *Рубль*, *Копейка* (Копейкин), *ТТ* (Трифоновна Таня), *Мокруха* (“дочь киллера”), *Рыба*, *Камбала*, *Сельдь* – Середкин, *Мент* – Гай (фамилия девочки), *Птица* – Синицына и др.

Формирование подобных прозвищ в школьной среде определяется также развитием у ребят чувства юмора, иронии. Оно позволяет подростку “вырвать” имя, фамилию, какое-то свойство человека из привычных связей и

установить с ним необычные, “странные” \4\ ассоциации. Оказиональная номинация в данном случае происходит на основании случайного признака, который приписывается человеку (или его имени) и формирует различные эмоционально - оценочные смыслы, актуальные только в данной ситуации, только в данном коллективе: *Авдотья* – любит конфеты “Дунькина радость”, *Рефрижератор* – Холодилова (от английского refrigerator – “холодильник”), *Шуга* – Сахаров (от английского sugar – “сахар”), *Бестолочь* – самый умный мальчик в классе, *Боровик* – Боровикова, которую через полтора месяца стали называть *Гриб*, а после того, как эта девочка неудачно покрасила волосы в зеленый цвет и кто - то в классе сказал: “Гриб заплесневел!”, прозвище изменилось на *Плесень*, *Аквариум* – создано от шуточного имени БГ (Борисова Галя) по ассоциации: БГ – Борис Гребенщиков, солист группы “Аквариум” др.

Но чем ярче признак, чем проще и понятнее ассоциация, тем меньше стилистическая и эмоционально - оценочная эффективность использованного слова, так как все очевидное, обычное менее выразительно. Неожиданность каких-либо представлений или неожиданность появления той или иной лексической единицы в качестве прозвища увеличивает его образность, потому что обыгрывание образов из далеких и несходных на первый взгляд областей усиливает действие приема “контраст имени и денотата” \5\, а следовательно, способствует более яркому воплощению установки на игровой эффект: *Визажист* – Сорокин (Сорокин – Сара – Сара Монзани (визажист, известный по телерекламе) – Визажист), *Плесень* – Боровикова и др.

Случайные ассоциации порождаются конкретной ситуацией и, чаще всего, с ней исчезают. Например, на уроке информатики школьники составляли программу, в результате работы которой на мониторе появлялась их инициалы. Красиво нарисованные буквы привлекли внимание учеников, а наиболее благозвучные из получившихся сочетаний (или совпадающие с уже имеющимися в языке) были присвоены в качестве прозвищ. Полученные в результате аббревиации образования, у которых осознается связь с реальными единицами языка, являются омонимичными им и надолго закрепляются в сознании школьников (БЕГ, НЛО, КРА, ТТ, СС и др.) или получают другую мотивацию: МИФ – *Миф-универсал*, МЕЛ – *Пропаганда* (“Пропаганда” – популярная группа, самая известная песня которой называется “Мелом”) . Но прозвища, только по форме напоминающие существующие лексемы, очень быстро утрачивают эту связь, становятся в представлении ребят простым набором звуков и перестают функционировать в речи (СИВ, СНА).

На кратковременность существования также обречены и другие прозвища, созданные стихийно: один человек случайно оговорился, сказав *Труда Танева* вместо Таня Трудова, и в течение минуты появилось еще несколько подобных образований (*Бруся Катева* – Катя Брусенская, *Боря Светова* – Света Борисова, *Глеба Юлева* – Юлия Глебова, *Тата Ирова* – Ира Татарина и др.). Эти игровые формы кроме своей необычности ничем не отличались от официальных имени и фамилии, поэтому, утратив новизну, исчезли через 3 -

4 дня или трансформировались: из имени Аня Баннова создали прозвище *Баня Аннова*, которое на следующий же день сократилось до *Бани*; Паша Галочкин – *Гала Пашечкин*, а позднее *Гала - центр* (по названию магазина); Дима Кокин – *Кока Димин* – *Кока - кола*; Коля Хрулев – *Хруля Колев* – *Хруль*.

За счет случайных или постоянных ассоциаций в прозвищах реализуется установка на языковую игру, использующая самые разные виды преобразований (*Сергея Плюс* – по названию радиостанции “Европа Плюс” от фамилии Плюснин; *Чупа - Чупс* – Леденцов; *Масленкина* – Москвинова; *Аббат* – Оботуров; *Сыроежка* – жена учителя по прозвищу *Чилик* и др.).

Как правило, в качестве признака, становящегося основой окказионального наименования, выступают наиболее известные, близкие предметы из окружения школьников, поэтому прозвища являются характеристикой не только называемого, но и именуемого. По ним можно судить об интересах школьников: *Куку - Руку* (Кукушкина), *Галина Бланка* (Галина Николаевна), *Кириешка* – Кира, *Леха Твикс*, *Супербизон*, *Спайдермэн* (мальчик долго носил футболку с изображением человека - паука), *Бэтмэн* (Батамин), *Долматинец* (Толмачева), *Фруктовый сад* (три друга с фамилиями Арбузов, Лимонов, Яблоков), *Фрутелла* (мальчик похож на актера из ролика) – свидетельствуют о влиянии рекламы, западных кино- и мультфильмов; *Бутанол*, *Феррум*, *Рефрижератор*, *Долгота и Широта*, *Единица*, *Колба*, *Лжедмитриевна*, *Меридиашка*, *Мегавольт*, *Хламидомонада* – указывают на связь с предметами школьной программы. О языковом чутье, меткости и образности речи говорят следующие образования: *Полкан*, *Авдотья*, *Коля Куб*, *Мария Хлопес* – Маша Хлопина любит шить, *Анька - Дизель* – очень подвижная девочка, никогда не сидит на месте, *Баламут* – лидер класса, постоянно предлагает что -нибудь “замутить”, *Светило* – девочка в белой блузке несколько раз проходила мимо группы ребят, и они обратили на нее внимание, т.е. она “засветилась” и др.

“Прозвища, которые приклеивают школьники своим одноклассникам и учителям..., нужны как условный знак маленькой замкнутой корпорации” /2/, поэтому их употребление в речи является одним из ярких показателей специфики класса, отличия его от других социальных общностей. Созданные часто по определенному шаблону прозвища, как правило, используются в эмоциональном контексте, привлекая тем самым внимание окружающих и являясь показателем принадлежности подростка к определенной компании, группе ребят.

Но при рассмотрении прозвищных именований необходимо разделять прозвища равных коллективов (школьников) и прозвища, даваемые членами группы третьим лицам, не входящим в данный коллектив, но связанным с ним определенным образом – в нашем случае педагогам. Учительские прозвища употребляются в отсутствие именуемого (за глаза) и служат для создания своеобразной социально - речевой обстановки в классном коллективе.

Прозвища педагогов неоднородны по своему значению и характеру и определяются особенностями взаимоотношений, свойственных для данного

коллектива. Мотивация антропонимов может быть такой же разнообразной, как и у прозвищ самих школьников.

Представляя собой нежелательное в школьной жизни явление, некоторые из прозвищ звучат как комплимент (например, *Супербизон* – учитель физкультуры с хорошей фигурой, сильный и выносливый). В мягкой форме ребята могут посмеиваться над преподавателями, которых ценят и уважают, но замечают в их поведении какие-либо странности, несообразности: *Иноземушка* – учитель английского языка, очень интересный и умный, но скромный; *Мегавольт* – учитель физики, увлеченный предметом, умеет заинтересовать ребят, но предъявляет к ним высокие требования; *Меридиашка* – учительница географии, миниатюрная и стройная, но всегда носит платья в продольную полоску.

В то же время в адрес нелюбимых педагогов звучат едкие, уничижительные прозвища: *Аллигатор*, *Глобус в очках*, *Жаба*, *Заноза*, *Иявка-Пиявка*. Они, как правило, не остаются в секрете и тягостят и без того нередко проблематичные отношения между учителями и учащимися.

Внешним толчком к присвоению прозвищного именования может послужить неправильное или какое-то вычурное произношение слов: *Тыча* – так называли учителя английского языка, который в слове teacher (“учитель”) произносила твердый звук [t]; учитель нечленораздельно говорит слово “человек” (как “чеек”), что напоминает шестиклассникам название гриба – чилик (моховик), такое прозвище преподаватель и носит – *Чилик*, а его жена, работающая учителем физики в этой же школе, зовется учениками *Сыроежкой*.

Само прозвище может указывать на предмет, преподаваемый учителем: *Колба* – учитель химии, *Принтер* – учитель информатики и др., при этом в антропониме может быть отражена и какая-либо черта внешности, характера педагога: *Глобус в очках* – учитель географии, пожилая и неприятная женщина в больших круглых очках; *Единица* – очень высокая учительница математики с длинным носом; *Зеленый* – преподаватель основ безопасности жизнедеятельности, названный так по цвету военной формы, которую всегда носит; *Карандаш* – учитель черчения, на каждом уроке заставляет ребят чертить проекции фигур, ничего перед этим не объясняя. Своим видом он напоминает семиклассникам Карандаша из мультфильма или журнала “Веселые картинки”: невозмутимый и всегда спокойный, лысина, борода клином. *Тетьа Поля-Семядоля* – так прозвали ребята учителя биологии Полину Семеновну, невысокую, полную, добродушную. *Хламидомонада* – учитель биологии очень высокого роста, когда школьники впервые услышали от нее это слово, то решили, что у такого высокого человека должно быть и длинное прозвище.

Ученики могут находить сходство учителей с животными: *Аллигатор* – Елена Олеговна, очень строгая, с вытянутым носом; *Ворона* – всегда лохматый учитель физики, *Иявка-Пиявка* – завуч Ия Алексеевна, придирчивая и “приставучая”. *Жаба* – так в одной школе называли трех разных преподавателей: 1) учитель биологии, толстая, однажды на уроке зевала и ей в рот залетела муха; 2) классный руководитель, женщина невысокого роста, полная, оде-

валась в зеленый костюм; 3) учитель русского языка, толстая, с бородавками на шее, постоянно отчитывала ребят ("квакала"). Молодой преподаватель сентября был в зеленых брюках, а когда представлялся классу, нечетко произнес свою фамилию – Квасов. Ученики сразу же переделали ее в Кваков и дали географу прозвище *Квака*.

Имена, отчества и фамилии учителей в совокупности с какими-либо внешними чертами педагога предоставляют учащимся широкие возможности для словотворчества, но и сами по себе они (официальные имя, отчество, фамилия) являются одним из основных источников появления прозвищ.

Чаще всего образование оценочных антропонимов происходит за счет различных ассоциаций в результате:

1) морфонологической деформации личных имен: *Лякс Ляксыч* – Александр Алексеевич, *Орех Вареньевич* – Олег Валерьевич, *Майкл Макаронович* – Михаил Миронович;

2) сокращения, сложения основ, аббревиации: *Зося* – Тамара Изосимовна, *Клавдий* – Сергей Клавдиевич, *Миссис Буш* – Бушина, *Платон* – Андрей Платонович, *Саванна* – Светлана Ивановна, *Сандра* – Александра; *Тазиха* – по инициалам Т.А.З., *Узик* – по инициалам У.А.З.

3) различных трансформаций исходных имен (часто с учетом нескольких признаков): *Аллигатор* – Алексей Геннадьевич (Геннадьевич > крокодил Гена > Крокодилович > Аллигаторович > Аллигатор); *Иявка - Пиявка* – Ия Алексеевна; *Кагорыч* – Сергей Егорович+ любит выпить; *Лжедмитриевна* – историк Ольга Дмитриевна; *Ниноль* – учитель математики Нинель Сергеевна; *Полкан* – преподаватель начальной военной подготовки (по воинскому званию полковник и распространенной собачьей кличке); *Микрофон* – Митрофан Алексеевич+ высокий, худой, сутулый; *Тетя Поля - Семядоля* – биолог Полина Семеновна; *Хоттабыч* – Валерий Хабибович.

Среди всего разнообразия прозвищ специфическими являются отыменные образования (отыменные в широком смысле слова: в основе номинации может быть имя, отчество, фамилия). Их особенность заключается в том, что они не опираются на реальные свойства носителей, а информация о возможной характеристике лица извлекается из "содержательного" осмысления имени или фамилии. Здесь проявляется тенденция к семантизации прозвища: из антропонима как бы вытягивается информация, которая "навязана" восприятию апеллятивной основой имени, а если реально осознаваемая связь отсутствует, то она устанавливается на основе созвучия (чаще всего случайного) /3/, условность ярко проявляется при образовании ассоциативных прозвищ: *Артемон* – Артюгина, *Окорочок* – Курочкин и *Бройлер* – Курочкин, *Киллер* – Кира, *Масленкина* – Москвинова, *Противогаз* – Киракозов и др.

Отсутствие ситуативной обусловленности и особенности образования прозвищных именований позволяют выделить еще одну специфическую для данной группы антропонимов функцию – это установка на языковую игру, эффект которой достигается за счет создания ассоциаций с официальным именем и фамилией или исходным прозвищем (если имеет место ассоциатив-

ная цепочка, например: *Туз* (старшеклассник) > его младший брат – *Тузик*, а так как это распространенная кличка собаки, то мальчика стали называть *Пес*).

Условность характеристики, приписываемой отыменным прозвищем его носителю, создает предпосылки для игры ассоциаций языкового и внеязыкового плана, в связи с чем выделяются следующие приемы создания эффекта языковой игры /ср. 4/:

1. Построение отфамильных прозвищ по модели сокращенного личного имени: *Аким* – Акимова, *Афон* – Афонин, *Беря* – Березина, *Варзя* – Варзина, *Гера* – Герасимчик, *Зыря* – Зырина, *Клим* – Климов, *Малыга* – Малыгин, *Пшен* – Пшеничников, *Сема* – Семьин, *Степа* – Степанова, *Филя* – Филиппов, *Чеба* – Чебунин, *Шапа* – Шапкина, *Юра* – Юрова.

Игровой эффект реализуется за счет осознания производности от фамилии прозвища, похожего на имя.

2. Имитация структурной модели имени с национально - культурной окрашенностью: *Андриано Разыграно* – Андрей Разыграев, *Ванидзе Михайлидзе*, *Мария Хлопес*, *Никола Лапиньо* – Коля Лапин после поездки в Италию.

Такое замещение русского имени иноязычным эквивалентом усиливает ассоциативную ориентацию обыгрываемой структурной модели и отличается необычностью, новизной.

3. Создание искусственных антропонимов путем произвольной смены частей исходных имени и фамилии: *Бела Киров* – Киря (Кирилл) Белов, *Гала Пашечкин* – Паша Галочкин, *Карпа Настева* – Настя Карпова, *Кока Димов* – Дима Кокин, *Леша Олева* – Оля Лешукова, *Степа Ирова* – Ира Степанова, *Тюра Юриков* – Юра Тюриков и др.

Данный прием языковой игры строится на коверкании, выворачивании “наизнанку” фонетической формы слова и не связан со смысловым содержанием имени. Он используется школьниками лишь с целью почудить, называть товарища не так, как принято.

Ассоциативное наложение прозвища на официальное имя и фамилию создает игровое поле, в котором условные антропонимы представлены как реальные.

4. Создание аббревиатур и односложных слов на основе инициалов, сложение основ имени и фамилии: *БГ (Бэгэ)* – Борисова Галя, *БЕГ* – Брусенская Екатерина Геннадьевна, *БФ (Бэф)* – Боря Федоров, *КВА* – Комаров Владимир Александрович, *КРА* – Качалов Роман Андреевич, *МЕЛ* – Макарова Елена Леонидовна, *МИФ* – Мареничев Игорь Федорович, *НЛО* – Надежда Леонидовна Обрядина, *СИБ* – Степанова Ирина Валентиновна, *СНА* – Соколова Надежда Андреевна, *СС (Эсэс)* – Степанова Света, *ТТ (Тэтэ)* – Трифонова Таня, *Вальваса* – Валя Васильева, *Васьгав* – Вася Гаврилов, *Жвина* – Женя Виноградова.

Несовпадение общепринятого значения аббревиатуры (или слова) и ее прозвищной функции создает эффект языковой игры; создание несущест-

вующих сокращений и сложных слов также носит шуточный характер, дает школьникам возможность поэкспериментировать со знакомыми именами.

5. Подмена нарицательных имен различными лексическими ассоциациями.

При этом актуализируются связи лексем одного ассоциативного поля, отражая:

А. Родо-видовые отношения слов: *Птица* – Синицына, *Чуна-Чунс* – Ледецов;

Б. Видо-видовые отношения: *Авторызин* – Колесов, *Водолаз* – Дуболазова, *Заполева* – Залесова, *Пятак* – Шестеркин, *Филин* – Савинов, *Чирок* – Кряквин;

В. Ситуативно обусловленные метонимические отношения: *Заноза* – Щепкина, *Колючий* – Ежов, *Мурлыкалка* – Котов, *Окорочок* – Курочкин, *Тычинка* – Пестикова;

Г. Синонимические отношения: *Бом* – *Бим* – *Бом* – Бомбин, *Бройлер* – Курочкин, *Доллар*, *Рубль*, *Копейка* – Копейкин, *Долгота* – Долгая и *Широта* – Ширикова, *Рефрижератор* – Холодилова; *Куку-Руку* – Кукушкина, *Чук-Чук* – Главчук (по повторяемости слогов фамилии);

Д. Антонимические отношения: *Длинная* – Короткова, *Младокленова* – Стародубова.

В качестве приема создания языковой игры в данном случае выступает осознание производности антропонима от нарицательного или другого имени собственного.

6. Создание прозвищ с привлечением имен фольклорных и литературных персонажей, широко известных личностей (прозвища с "культурологической ориентацией"):

А. Подбор прозвища по принципу его постоянной сочетаемости: *Анка-Пулеметчица* – Аня, *Газарин* – Юрий Алексеевич, *Ельцин* – Борис Николаевич, *Киса* – Воробьянинов, *Корнет* – Оболенский, *Пушкина* – Александра Сергеевна;

Б. Вычленение из основы фамилии прозвища, отождествляемого с именем или фамилией известного лица, которое и используется в качестве прозвища: *Шифрин* – Ефимов, *Шостакович* – Шестаков;

В. Использование прозвища – ассоциативного эквивалента основы фамилии: *Артемон* – Артюгина, *Бэтмэн* – Батами, *Горыныч* – Горынцева, *Кот* – Котофеич – Котов, *Курочка Ряба* – Рябечков, *Степашка* – Степанова, *Филиппок* – Филиппов.

Игровой эффект восприятия строится на несоответствии ситуативного употребления общеизвестных имен.

7. Произвольная мотивация прозвища по сближению с созвучным именем нарицательным:

Балалайка – Басалаев, *Брусника* – Брусенская, *Бутанол* – Бутусова, *Героин* – Герасимчик, *Зверь* – Зерин, *Кефир* – Никифорова, *Кожемяка* – Шемякин, *Кость* – Кастерина, *Мамонтенок* – Момотова, *Пешкарик* – Пешкова, *Проти-*

возаз – Киракозов, Роца – Лоцилова, Рычаг – Рычкова, Серега Плюс – Плюсин и др.

Этот способ используется в том случае, если школьниками четко не осознается содержание фамилии: оно изменяется и приводится, по мнению создающих прозвище, в большее соответствие с формой (происходит ошибочное или шутливое переосмысление значения исходной фамилии).

При этимологически затемненной внутренней форме исходного имени ребята создают прозвище на основании ассоциаций с теми или иными знакомыми словами. Это приводит к полной замене фамилии с непонятным значением прозвищем, созвучным с ней, но обязательно ясным по смыслу. Здесь отражается стремление школьников сохранить мотивированность шутливого имени и влечет за собой различные переделки.

В данном случае создается возможность выбора различных направлений обыгрывания основы фамилии, так как одна и та же звуковая форма включает в себе перспективы неоднозначного “прочтения” и условной семантизации на основе сближения с фонетически сходными словами. Например: *Аллигатор* – от отчества Олеговна и *Аллигатор* – от отчества Геннадьевич (Геннадьевич – крокодил Гена – Крокодилович – Аллигаторович).

На основе анализа имеющегося материала приходим к выводу, что деривационные модели прозвищ разнообразны, но наиболее распространенным является усечение основы фамилии или исходного слова и прибавление флексии - а (- я) (*Варзя* – Варзина, *Зыря* – Зырина, *Сара* – Сорокин, *Сема* – Семьин, *Шапа* – Шапкина, *Чеба* – Чебунин и др.) Это самый простой способ, который применяется не только при известной семантике фамилии, но и в случае, когда этимология основы производящего слова является затемненной. Также именованья на - а решают проблему поло-родового несоответствия: они свободно могут называть как девочек, так и мальчиков (например, *Степа* – Степанова Оля и Степанов Саша), и нельзя точно решить, не зная носителя прозвища, лицу какого пола оно принадлежит.

Способом усечения создаются единицы, специфические для разговорной речи: их отличает краткость, выразительность и экспрессивность. Фамилии подвергаются усечению, так как они являются часто употребительными в различных ситуациях и в сокращенном виде не затрудняют общение; во многих случаях укорачиваются длинные фамилии и имена (*Брюня* – Брюнхильда, *Гуля* – Гуликамби, *Мно* – Множинский, *Пшен* – Пшеничников, *Толча* – Толчельникова и др.).

Функционирование в качестве прозвищ несуществующих имен, образованных по продуктивным моделям языка, свидетельствует о том, что в разговорной речи (в том числе и в речи школьников) словотворчество реализует деривационные потенции языка и обуславливает одну из особенностей непринужденного общения – “большую свободу действия любых (даже словообразовательных) моделей”⁶¹.

Прозвища – оценочные антропонимы, служащие не столько для именования, сколько для характеристики человека, поэтому для них характерны две

основные функции: оценочно - характеризующая и контактоустанавливающая. Употребляясь в разговорной речи в рамках одной детской группы (класса, компании), многие шуточные имена приписывают своему носителю условные качества, основанные на ассоциациях языкового и внеязыкового плана. Языковая игра способствует эмоциональному осмыслению прозвищ, использованию их в целях индивидуализации общения.

Интерес к прозвищам как явлению языковой игры дает возможность установить, как подростки в разговорной речи достигают игрового эффекта, какие ресурсы языковой системы при этом используются; внимание к условиям появления и бытования дополнительных именовании в среде школьников позволяет педагогам обращаться к данной группе лексики для диагностики и оценки психологического климата в коллективе, применять в случае необходимости методы коррекции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., 1981. – С. 197.
2. Никонов В.А. Имя и общество. – М., 1974. – С. 22.
3. Гридина Т.А. Ментальные ориентиры ономастической игры в малых фольклорных жанрах// Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2002. – № 20. – С. 234-240.
4. Гридина Т.А. Имена собственные как база языковой игры: (На материале отфамильных прозвищ в речи школьников)//РЯШ. – 1996. – №3. – С. 51-56.
5. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 177.
6. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., 1981. – С. 190.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

П. А. Дилакторский

Прозвища жителей некоторых городов Вологодской губернии*

Русский народ любит посмеяться, позубоскалить. Смеется не только деревня над деревней, волость над волостью, но даже уезд над уездом и губерния над губернией. Эти шуточные пересмешки (прозвища) живут целые века, переходя из рода в род, из поколения в поколение. Они бывали даны благодаря какому-нибудь случаю, нередко даже и историческому, или по особенностям характера, жизни, привычек и, главным образом, промысла и занятий жителей. В этой заметке я намерен указать прозвища, данные жителям некоторых городов Вологодской губернии, и вместе с тем по возможности объяснить, по какому поводу они были даны.

Вологжан прозвали «телятниками», «теленка с подковою съели», «толоконники», «толоком Вологду замесили», «на словах – как на масле, а на деле – как в Вологде», «пропили воеводы Вологду», «заспили – царя проспали».

«Телятниками» зовут не только вологодских горожан, но и крестьян из Вологодского, Тотемского и других уездов, вообще всякого из Вологодской губернии, хотя это прозвище в Вологодской губернии относится исключительно для города Вологды и его уезда. Я слышал, что когда вологодские крестьяне ходят на заработки в другие губернии, то на вопрос: откуда? – вологжанин всегда переспросит, его и спрашивают: «кто, я-то?» – и будто по одному этому: «кто, я-то?» – знают, что он «вологодский телятник».

Некоторые предполагают, что «телятниками» прозвали вологжан за их скромность и безответность, но среди народа сохранилось несколько преданий относительно происхождения этого шуточного, но довольно обидного для вологжан прозвища. Одно из таких преданий говорит, что когда царь Иоанн Васильевич Грозный в первый раз (в 1545 году) посетил город Вологду, то вологжане, желая почтить такого великого гостя, поднесли ему вместо хлеба и соли на огромном блюде теленка с серебряными подковами. С. П. Шевырев это предание передает в несколько ином виде («Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году», издание 1850 года, часть I, с. 123). Когда Иоанн (Грозный) был в Вологде, тогда будто бы вологжане принесли ему в дар жеребенка с серебряными подковами. Иоанн остался недоволен подарком и сказал: «Это не жеребец, а теленок», – и велел вологжанам съесть его. Вологжане, когда ели, то все сомневались, в самом деле не

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект 03-04-00479а)

теленка ли, но когда доели до подков, тогда только узнали, что в самом деле то был жеребенок. Несомненно, что у Шевырева записан вариант вышеприведенного предания, предания неправдоподобного и несправедливого, так как телятина и в настоящее время среди простонародья не пользуется уважением, а в то время положительно считалось за грех употреблять ее в пищу. Как же могли вологжане поднести такому гостю, как царь Иоанн Васильевич, вместо хлеба и соли – теленка, есть которого считалось предосудительным и запретным.

Но есть другое более правдоподобное предание: когда в бытность Иоанна Грозного в Вологде копали по приказанию царя в 1569 году речку Золотуху, чтобы превратить ее в крепостной ров, царь, узнав, что некоторые рабочие по случаю дороговизны мяса ели телятину, велел будто бы виновных наказывать.

У И. П. Сахарова («Сказания русского народа», часть I, стр. 277, изд. Суворина, СПб, 1885) встречаем следующую старинную сказку о вологодцах [1] – как они толокно месили в Волге, досель сохраненную в народных преданиях. Говорят, что когда-то они собрались в дорогу и взяли с собой вместо хлеба – толокно. Подходят к Волге; время было обеденное. Вот и расположились на берегу обедать. Кашевар вынул мешок с толокном и стал разводить дежень в Волге. Мешал, мешал ложкой и стал потчевать земляков. Взяли ложки дружно вологодцы, принагнулись и полезли в Волгу за дежнем [2]. Пробуют: вода водой! Где дежень? Никто не знает, не ведает. Пристают к кашевару. Бедный, сколько ни уверял, а должен был, опустясь в Волгу, отыскивать толокно. Опустится на дно Волги и вынырнет ни с чем. Земляки не пускают его на берег. Догадался кашевар, что делать, и, догадавшись, сказал: «Водяной съел». «На водяном не будешь отыскивать», – сказали вологодцы и воротились обедать в свою деревню. Ведь не голодным же было идти в путь?

Река Вологда имеет слишком тихое течение: если бросить в нее щепку, то ее понесет не по течению, а по ветру. Отсюда понятно: «На словах – как на масле, а на деле – как в Вологде», – то есть «много говорят, да мало делают».

«Лягушечники»: вокруг города Вологды расстилается много болот.

В 1858 году император Александр II Николаевич посетил Вологду. По недоразумению Его приезд ожидали в 6 часов вечера, и, не дождавшись, вологжане разошлись по домам. Государь приехал в 6 часов утра. Говорят, когда Он прибыл, то не только никого не было на улицах, но будто бы даже и собор оказался закрытым. За это и упрекают вологжан, говоря, что они «царя проспали».

Грязовцев – «пьяная грязовица».

У С. Шевырева в вышеназванной книге записано: «Пьяная Грязовица: семь кабаков, одна церковь».

Город расположен в яме, на глинистой почве, отчего в дождливую погоду дороги грязны. Отсюда и самое название города – Грязовец, а эпитеты «пьяная», «пьяница» указывают на усердных поклонников Бахуса.

Кадниковцев – «Кадниковцы в бочонок (кадку) солнышко ловили». Надо сказать, что город Кадников в былое время был деревней того же названия.

Жители ее, между прочим, занимались деланием кадок и другой деревянной посуды. Некоторые уверяют, что это прозвище характеризует бывших кадниковцев как простоватых и мало развитых.

Жителей города Вельска [3] – «ваганами», «дегтекурами», «кособрюхи-ми» и «У нас на Ваге и уха с блинами». «Ваганами» зовут по имени реки Ваги, близ которой находится город, и это прозвище имеет равносильное значение со словом «вахлак», то есть неуклюжий, неповоротливый, это значение имеет и «кособрюхий». Вельск славится гонкой дегтя – отсюда «дегтекуры».

Тотьмяков – «кочанниками», «чулочницами» и «печенца на спицках».

Существуют два рассказа, объясняющие, почему тотмяков прозвали «кочанниками».

К одной замужней женщине ходил послушник из Спасо-Суморина монастыря, находящегося вблизи города. Однажды, когда послушник был в гостях, заметил он, что возвращается ее муж домой. Время было осеннее. В избе была грудка кочней капусты. Не желая встретиться с мужем гостеприимной хозяйки, послушник спрятался за капустой. Удобно расположившись, он заснул и во сне свалился на кочни. Те заскрипели. Хозяин заглянул за грудку кочней и, увидав послушника, спросил:

– Ты зачем здесь?

– Я за капустой.

– Вижу, что за капустой спрятался!

Одна тотемская мещанская девица попросила своего любезного подарить ей башмаки, но башмаки непременно со скрипом. Тот будто бы, когда пошел к ней в следующий раз, завернул вместо башмаков кочень капусты в платок, и, подавая ей свой подарок, он подавил несколько кочень, чтобы ее удостоверить, что башмаки со скрипом.

Тотьма славится вязанием чулков, носков – отсюда «чулочницы».

Прозвище же «печенца на спицках» осмеивает произношение тотмяков. Это на тотемском рынке и теперь еще продают жареную коровью печень, развешанную на деревянных спицах, и продавцы ее то и дело выкрикивают для подманивания покупателей: «Печенца на спицках!»

Жителей Красноборска – «кушачниками».

Жительницы Красноборска славятся как хорошие ткачихи кушаков, которые и слынут «красноборскими кушаками».

Яренжан – «векшеедами».

Большинство жителей Яренского уезда занимаются охотой преимущественно за белкою, которыми изобилуют тамошние обширные леса. В народе сохранился рассказ, что в один из тяжелых, неурожайных годов вдруг появилась какая-то повальная болезнь на скотину и будто бы некоторые яренжане, за неимением мяса, принуждены были есть векш [4].

Устюжан – «красноязыкими», «черносеребренниками», «мазами», «кулаками», «табачниками», «рожечниками», «колокольню рожком подпирали», «Устюг Великий – народ в нем дикий».

«Красноязыкими» прозвали в насмешку над их говором.

«Черносеребренниками» – по случаю черневых серебряных изделий известных в былое время великоустюгских мастеров.

«Мазами» – это слово произошло от слова «мазать», «подмазать», «подмазываться», последнему слову у нас его равносильное «подмасливаться», то есть унижаться, льстить и в то же время обманывать, что необходимо устюжанину как торговцу. Они разъезжают с товарами не только по своему уезду, но и по смежным, торгуя своими великоустюгскими изделиями и другими товарами. Как торговцы, они обладают такими качествами, которые свойственны только «кулаку». Другие уверяют, что прозвище «кулаки» дано за их удал и ловкость в драках и кулачных боях.

Устьсысольцев – «кычи» и «зыри».

Первое прозвище, вероятно, получилось от зырянского слова «кытчo» – куда. Зыряне, населяющие почти весь Устьсысольский уезд, имеют привычку при встрече даже прежде всякого приветствия спрашивать: «кытчo мупан?» – куда пошел?

Прозвище же «зыря» есть сокращенное слово «зырянин».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Названия жителей в русском языке образуются с помощью нескольких суффиксов: *-анин-* (ростовчанин), *-ак-* (туляк), *-ич-* (костромич), *-ец-* (новгородец). До начала XIX века самым употребительным был первый из них, *-анин-*: вологжанин, никольчанин, сокольчанин, тарножанин, устюжанин. Он сохраняет продуктивность по сей день, поэтому вологжанин по-прежнему остается наиболее предпочтительным вариантом. Позже, в XIX и XX вв, для названия жителей стал использоваться суффикс *-ец-*: вологодец, николец, соколец, тарножец, устюжец. В результате для жителей Вологодчины можно использовать сразу несколько названий: вологжане и вологодцы, устюжане и устюгцы. Жители Тотмы именуются в языке сразу четырьмя вариантами: тотмеец, тотмич, тотмяк и тотмянин.

2. ДЕЖЕНЬ. Холодное кушанье из толокна, приготовляемое следующим образом: толокно замешивается на воде до консистенции густого теста, эта смесь поливается свежим молоком, сметаной или простоквашей, иногда добавляются ягоды, сахар [Дил., 1, 80; СВГ, II: 17].

3. В статье приводятся прозвища жителей городов, входивших в состав Вологодской губернии до 1917 года. В соответствии с современным административным делением города Вельск, Красноборск, Сольвычегодск, Яренск относятся к Архангельской области.

4. ВЕКША. Белка. [Дил., 1, 38 /об.; СВГ, I: 60]. См также: ВЕКШЕЕДЫ. Прозвище жителей Никольского и Яренского уездов. Есть предание, что будто в один из голодных годов жители принуждены были есть мясо векш (белок). Охотничий промысел и преимущественно за белкою, один из главных промыслов в губернии и в особенности в уездах: Никольском, Устюжском, Сольвычегодском, Яренском, Устьсысольском, как еще богатых лесами [Дил., 1, 38 /об.].

Словарь П. А. Дилакторского – окно в языковой мир вологодского крестьянина*

П.А.Дилакторский (15.10.1868, г.Кадников Вологодской губ. – 10.12.1910, С-Петербург) закончил составление своего словаря в 1902-1903 гг. Полное название словаря – «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил Прокопий Дилакторский» – точно указывает на те образцы, которым стремился следовать вологодский краевед, ср.: Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении (СПб., 1885), Куликовский Г.И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении (СПб., 1898). Оценку лексикографической значимости первых русских областных словарей см.: (1).

Издание словаря П.А.Дилакторского до сих пор не осуществлено. Рукопись словаря хранится в словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург, шифр №35), фотокопия рукописи имеется в кабинете кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета, ксерокопия – в Вологодской областной библиотеке (далее в тексте ссылки на рукопись – Дил.; иллюстрации приводим в орфографии автора, заменяя лишь отдельные литеры на современные, сохраняем ударение и фонетико-морфологические особенности).

Словарь П.А.Дилакторского является первым самым крупным опытом систематического описания лексики говоров Вологодской губернии XIX в. (2)

Прокопий Александрович Дилакторский как краевед (3) развивался под влиянием Н.А.Иваницкого, известного прежде всего своими этнографическими работами. Вместе с тем Н.А.Иваницкий длительное время собирал в Никольском, Устюгском, Кадниковском и Вологодском уездах фольклорные и лингвистические данные и представил в Академию наук большую рукопись «Материалы для словаря вологодского народного говора» (1883-1889 гг., 480 с. - Картотека ИЛИ РАН, шифр №42), эти материалы позже были использованы П.А.Дилакторским при составлении своего словаря. Дилакторский прекрасно знал краеведческую литературу (4), и это сыграло положительную роль в его работе над диалектным словарем.

Изучение местных говоров он вел под наблюдением А.А.Шахматова, который помогал ему советами, присылал книги и картотечные материалы из Академии наук, принял участие в устройстве Дилакторского после переезда последнего в Санкт-Петербург (5).

История того, как проходила работа над словарем, восстанавливается по письмам начинающего филолога академику А.А.Шахматову. В своем первом

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект 03-04-00479а).

письме от 7.03.1899 г. Прокопий Александрович отмечал: «Словаря народных говоров Вологодской губернии нет, между тем соседние губернии Архангельская и Олонецкая имеют. Мне и хотелось пополнить пробел» (5, с. 647). Прежде всего Шахматов помог составить обращение к учителям и священникам о сборе и присылке данных о местных языковых особенностях. Поскольку первоначально данных с мест поступало мало, то были обработаны собственные записи по Кадниковскому уезду, затем сделаны выборки из публикаций вологодского фольклора, из словаря В.И.Даля (5, с. 648-649). Первая тетрадь материалов (36 стр) была отправлена в Академию наук в 1900 г. (5, с. 650). Были выписаны слова из публикаций словарных и этнографических материалов в газете «Вологодские губернские ведомости» и в журнале «Живая старина» (6).

В 1901 – 1902 гг интенсивная работа над словарем продолжалась: «все дни вожусь со словарем» (5, с. 653), 2 декабря 1902 г. Шахматову были отправлены материалы на буквы И – Н, в феврале 1903 г. был закончен фрагмент на буквы О – Р, а 13 марта 1903 г. автор сообщал А.А.Шахматову: «По расчетам кончу всю работу в первой половине апреля» (5, с. 657). Составитель предполагал, что в словарь войдет более 20 000 слов (5, с. 653). В целом получились 4 большие тетради следующего объема: А – З, 138 стр.; И – Н, 98 стр., О – Р, 111 стр., С – Я, 103 стр. Кроме того, имеется лист с оглавлением, вступление на 2 страницах, список источников – 4 стр., список сокращений – 1 стр. За свою работу благодаря хлопотам Шахматова составитель получил скромное вознаграждение. Опубликовать словарь не удалось, и он надолго остался лежать в архиве Академии наук.

Далее приведем вступительные замечания П.А.Дилакторского к своему словарю, где объясняются принципы сбора материала и правила указания источников:

«Я несколько лет записывал в Вологодской губернии слова, выражения, а также песни, причеты, сказки и т.п. народное творчество. Моих записей было, конечно, далеко не достаточно, чтобы взяться за составление словаря народного говора всей губернии, и поэтому я просил сообщать мне народные слова Вологодской губернии и примеры употребления слов.

Вот список лиц, откликнувшихся на мою просьбу присылать материалов: С.И.Баженова, А.А.Баракшин, Д.П.Баракшин, А.В.Бартенев, А.А.Болонина, А.Германов, С.А.Дилакторский, Н.Н.Дорогин, И.А.Желтов, А.А.Корнеева, И.И.Кошелев, М.С.Кубенина, Л.К.Кудрявцев, А.А.Ларин, С.В.Мальгинов, А.Е.Мерцалов, Мещенко, М.А.Мошкин, свящ. С.А.Непеин, А.Д.Неуступов, П.Е.Попов, В.М.Храмцов, Т.Цыпнятова, И.Шадрин и И.В.Шаманин, которым и приношу мою благодарность.

Слова, которые записаны мною или которые слышал, при составлении словаря я оставляю без ссылок на лиц, их записывавших; слова же, которые я не слышал и потому за правильность их записи и объяснений не могу ручаться – везде отмечал, кто сообщил слово или из какого сочинения оно взято, и, наконец, слова, где привожу примеры употребления, я счел за лишнее сооб-

щать, кем они были записаны, так как приведением примеров ясно доказывается, что действительно они употребляются. Не мои примеры отмечены указанием источника или автора.

В печатных материалах, к сожалению, часто не указаны уезды, где записаны слова, и поэтому я такие слова принужден оставлять без ссылок на уезд, где они употребляются.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить мою искреннюю благодарность Отделению русского языка и словесности Императорской Академии Наук за советы, указания и помощь, а также В.Я.Масленикову и Н.А.Артемьеву, благодаря которым я имел возможность получать в Вологде рукописи из Академии Наук через Вологодское Александровское реальное училище.

Прокопий Дилакторский
г. Вологда.»

Остановимся на списке источников, ориентируясь на рукопись Дилакторского. Источники можно разделить на 5 групп:

1) Рукописи, хранящиеся в импер. Академии наук: сборники местных слов, составленные жителями Вологодской губернии или иными лицами по собственной инициативе (Верховажье – А.М.Шайтанов, Кадниковский у. – свящ. Н.Попов, Никольский у. – Паули, Тотемский у. – Д.А.Андреев, Яренский у. – И.Пономаревский, Вологодская губ. – П.А.Баженов, Н.П.Титов).

2) Ответы по «Программе для собирания особенностей народных говоров. 1. Программа для собирания особенностей северно-великорусского наречия» (изд. ОРЯС имп. АН. СПб., 1896): Великоустюжский у. – П.Копосов, В.Е.Куканов, В.Кулаков, П.П.Шенников; Вологодский у. – А.Ф.Костылев, А.Кузнецов; Грязовецкий у. – В.К.Лебедев; Кадниковский у. – А.Е.Мерцалов, А.Шустиков; Сольвычегодский у. – К.В.Попов; Тотемский у. – Н.Голубев, А.Некрасов, И.Д.Попов, С.Попов, И.Попов, Ф.Ряжкин; Яренский у. – А.Журавлев.

3) Опубликованные работы лингвистического, этнографического и фольклорного содержания (Н.М.Белоруссова, В.И.Даля, Н.А.Иваницкого, Ф.М.Истомина, Кичина, Ф.Костыги, М.М.Кукина, А.Мудрова, И.Муромцева, Н.О., Н.Г.Ордина, А.И.Соболевского, Ф.Студитского, Н.Суровцова, Н.П.Титова, Фортунатова, Н.Чернавского, П.М.Шайтанова, Шевлякова, П.В.Шейна).

4) «Словарь народных слов и выражений, собранных в Вологодском и Грязовецком уездах» П.А.Обнорского (рукопись, принадлежащая Шахматову), карточки академика Шахматова, «которые у меня отмечены фамилиями: Буслаев, В.Попов, Срезневский» (Дил., 6).

5) Собственные записи автора и письменные свидетельства его корреспондентов.

Список источников позволяет говорить об охвате всей территории Вологодской губернии конца XIX в. (всего 10 уездов: Вельский, Вологодский, Великоустюжский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегод-

ский, Тотемский, Устьсысольский, Яренский – в этих границах губерния существовала с декабря 1796 г. до марта 1918 г.). Ученый Дилакторский материал неодинаков по качеству собранного материала, но безусловно положительным является использование ответов на программу ОРЯС. Учтены разнообразные речевые ситуации обыденного разговора и фольклорные тексты. Кроме записей песен, изданных Ф.М.Истоминным, А.И.Соболевским, Ф.Студитским, П.В.Шейным, он щедро цитирует свои многочисленные фольклорные записи. Учтена, хотя и в незначительном количестве, историческая лексика ХУІ – ХУІІІ вв (публикации А.Протопопова, П.К.Симони).

Оценим далее последовательно основные особенности словаря П.А.Дилакторского: 1)состав словаря (принципы отбора слов); 2)структуру словаря; 3)построение словарной статьи; 4)грамматические характеристики слова; 5)пометы; 6)определения значений слов; 7) иллюстрации; 8)документация сведений о слове.

Главный объект словаря П.А.Дилакторского – «областные» или диалектные слова, употребляющиеся на всей территории Вологодской губернии («повсеместно, т.е. во всех уездах Вологодской губернии») или в отдельных её уездах.

Диалектные слова по своему значению чрезвычайно разнообразны: бытовая лексика (названия построек, утвари, посуды, пищи, одежды; названия домашних животных, транспортных средств, сельскохозяйственных орудий), географическая лексика, названия зверей, птиц, растений и грибов, лексика различных промыслов и ремесел (прядения, ткачества, сапожного, лесного, рыбацкого и т.д.), наименования лиц по родству, по различным качествам, названия болезней, игр, лексика обрядов и верований. Использование ответов на программу ОРЯС обеспечило автора значительным количеством различного лексического и фразеологического материала. Как и в словарях современников (Подвысоцкого, Куликовского, Васнецова, Добровольского), у Дилакторского сделан упор на показ бытового, этнографического и художественного использования слова.

Приведем выборочно несколько примеров:

Ва'реги, ва'ряги (Вол. Гр. Ник. Тот. Кадн.). Чулки или рукавицы, связанные из толстой квашеной овечьей шерсти. Варегі (рукавицы) одне не носятсѣ, а вкладываются в кожаны (Дил. 1, л. 36 об.);

Ватру'шка (Тот. Вел. Кадн. Вол.). Рогулька, пирог, налитый сверху чем-нибудь. *Напекѣ-ко мне ватрушек на дорогу* (Дил. 1, л. 37 об.);

Вахлаки' (Тот.). Морошка (ягода). *Rubus Chamaemorus* (Шадрин) (Дил. 1, л. 37 об.);

Вахла'к (Вол. Тот.). Опухоль, волдырь, вал (Иваницкий – рук. Даль) (Дил. 1, л. 37 об.);

Вахлы'ш (Вол. Тот.). То же, что вахлак, вал. *У него на руке какой вахлыш вскочил* (Дил. 1, л. 37 об.);

Вежа'й (Устьс. Яр.). Божат. Крестный отец (Дил. 1, л. 38 об.);

Вербни́к (Вол.). Рыболовная снасть, похожая на невод. Ячеи больше, чем у невода, без поплавков, и оканчивается кошелем. Прикрепляют вербник к двум лодкам и плывут по течению воды. Попадает только крупная рыба: язи, леши, сиги и т.п. (Костылев, Иваницкий – рук.) (Дил. 1, 39);

Верхозе́м (Сольв. Ник. Тот. В-Уст.). Верхний слой земли, преимущественно на пашне. *Вишь, какой у нас верхозем-то хороший* (Дил. 1, л. 41);

Ве́рша, Ве́рша (Вол. Гряз. Кадн. Вел.). Рыбный самолов: конусовидный сплетенный из ивовых или березовых виц, прутьев и ставится в воротах заезда. Отличается от ванды или ванны тем, что верша состоит как бы из двух ванд: одной бо́льшой и другой – меньшей, но в которой есть небольшой проход, и эта вторая прикрепляется внутри первой бо́льшой. Рыба, пройдя в проход маленькой ванды, не может выйти обратно (приведен рисунок –Г.С.). Верши делают и из нитяных сетей, натянутых на деревян(ные) кольца. *В верши ныне плохо ловится, почитай, совсем ничего не попадает* (Дил. 1, л. 41);

Весну́ха (В-Уст. Ник. Тот.). Лихорадка, озноб (Дил. 1, л. 42);

Вешня́г (Вол.). Ягненок, родившийся весною (Баженов) (Дил. 1, л. 42 об.);

Вздризь, вздрись, взрись (Кадн. Вел. Ник.) Налить или насыпать весьма полно, наравень с краями посуды. *Да ты не жалеи вина-то, наливай вздризь. Вишь я тебе четверик-от вздрись насыпал овсом-то* (Дил. 1, 43 об.).

Принадлежность слова к диалектному словарному составу определяется путем сопоставления данных местных говоров со словарями, где зафиксировано общерусское лексическое богатство. Для П.А.Дилакторского таковыми были «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И.Даля (т. 1-4. СПб., 1882) и вышедшие к тому времени выпуски «Словаря русского языка, составленного Вторым отделением имп. Академии наук» (1891 – 1916), первые восемь выпусков (тетрадей) которого редактировал Я.К.Грот, а с 1897 г. – А.А.Шахматов. Эти словари фигурируют у Дилакторского и в списке источников. Но во многих случаях, поскольку составитель пользовался материалами других лиц, он вынужден был доверяться их выбору.

При отборе слов учтены разные типы лексических диалектных отличий: диалектизмы словарные – их большинство, диалектизмы семантические, диалектные фразеологизмы. Включено в словарь небольшое количество собственных имен (*Вань*), приводятся местные варианты некоторых географических названий: Ве́льско, Ве́льское (Вел.) Вельск, уездный город. *Не воротится мой миленькой/Из Вельского домой...* (песня) (Дил. 1, л. 38 об.).

Общий объем лексики в словаре Дилакторского составляет около 8 тысяч слов, ср.: в словаре Подвысоцкого – около 5 тысяч слов (7, с. 298). Это достаточно много и в сравнении с современным «Словарем вологодских говоров: так, на букву А у Дилакторского – 74 слова, в «Словаре вологодских говоров – 28 и т.д.

Порядок расположения слов в словаре последовательно алфавитный в отличие от словаря А.О.Подвысоцкого, который совмещал алфавитный и

гнездовой принципы. Все производные слова, образованные от одного корня, но относящиеся к различным частям речи, сопровождаются самостоятельными словарными статьями и помещаются на своем алфавитном месте. Формы совершенного и несовершенного вида глагола отдельно не выделяются, в заголовке ставится более употребительная форма вида. Фиксируются раздельно глаголы одного вида, образованные посредством разных суффиксов: *ва-ла'ндаться* – *валанде'риться* – *валя'ндать* «медлить, волочить, мешкать» (Дил. 1, лл. 35, 36). И в других случаях, как правило, однокоренные слова с различными словообразовательными показателями составляют самостоятельные словарные статьи, но при каждом из них даются ссылки на соответствующие слова. Прилагательные превосходной степени, причастия и деепричастия самостоятельными статьями не сопровождаются, иногда выделяется сравнительная степень.

Слово в заголовке статьи дается в орфографической форме, последовательно указывается ударение. Однако фиксируются в качестве отдельной словарной статьи и фонетические варианты слов как лексикализованные, так и произносительные: *валто'житься, волто'житься* «часто с кем беседовать, болтать, часто бывать вместе с кем, ухаживать за кем, уговаривать» (Дил. 1, л. 35 об., 37). В случае, когда имеется несколько таких вариантов, в словарных статьях приводятся соответствующие ссылочные указания: *Варето'к. То же, что варато'к, варото'к.* (Дил. 1, л. 36 об.). Иногда варианты включаются в одну статью: *Ва'лек, Ва'лѣк* (Кадн. Вел. Устьс. В-Уст.). Лентяй, лежебок, обманщик, мошенник, плут (Дил. 1, л. 35).

Словарная статья обычно имеет следующее построение: 1) заголовок – толкуемое слово, 2) географические сведения (отмечается география слова или значения), 3) грамматическая характеристика слова (часть речи, род, наклонение и т.д.) – редко, 4) пометы – при наличии сведений; 5) толкование значения (или значений) слова (фиксируются только географически документированные значения многозначного слова: знаки II, III и т.д.); 6) примеры употребления слова – иногда отсутствуют, что объясняется особенностями используемых источников; 7) указание на источник; 8) этимологические справки о заимствованных словах.

Устойчивые и терминологические сочетания, а также идиомы оформляются самостоятельными словарными статьями: *Валки' жечь.* Рубить, валить лес и сжигать его для расчистки под пашню. (Даль) (Дил. 1, л. 35 об.); *В густую ехать* (Кадн.). Сильно задеть кого или нешуточному делу завязаться. *С тобой нельзя и говорить-то: ты как раз в густую и поедешь... Мы думали, что у них тем и кончилось, что побрались. Ан нет! У них дело-то поехало в густую: Ефим-то, говорят, пошел в Кадников просьбу в суд подавать* (свящ. Попов) (Дил. 1, л. 55 об.).

Грамматическая характеристика слов, как уже отмечено, дается очень неравномерно, зачастую она отсутствует. Составителя больше привлекало отражение местных словообразовательных особенностей. Специально фиксируются, например, деминутивы.

В словаре применяются следующие виды помет: 1) грамматические (принадлежность слова к части речи: наречие, глагол, прилагательное, существительное; грамматические значения и формы: род, наклонение, сравнительная степень). Система этих помет и техника их подачи упрощены: Гл. Глаг. – глагол, Ж.р. Жен.р. – женский род, Зват. – звательный, Повел.н. – повелительное наклонение, Сравн.ст. – сравнительная степень и т.п.; 2) семантические пометы применяются редко: Уменьш. – уменьшительное; 3) помещаются также пометы и замечания о сфере употребления слова, о месте, занимаемом словом в диалектном лексиконе: Вм. – вместо и др.

Определение значения слова – основная часть статьи в словаре Дилакторского.

Значения диалектных слов, совпадающие со значениями соответствующих слов литературного языка, определяются посредством этих литературных слов (одним словом или группой синонимов): Вага́н (Вол.). Лентяй, домосед (Дил. 1, л. 35).

Часть слов истолкована с помощью филологических толкований: Ва́дега (В-Уст. Ник. Сол.) Глубокое место в реке, плесо, яма (Дил. 1, л. 35); Вере́тье (Кадн.). Рваная старая одежда, простыня, рогожа, холстина, которой покрывают товар в дороге (Иваницкий). 11 (Сол. Яр. Устьс.) Сухое возвышенное место. *По веретям растет больше ягод* (Куклин). См. веретя, веретья. (дил. 1, л. 38).

Применяются и энциклопедические толкования, в частности, для объяснения этнографизмов и терминов: Ва́нда (Кадн. Вол. Ник. В-Уст.). Рыболовная снасть, связанный из ниток или из ивовых виц мешок, имеющий конусообразную форму, ставится на дно реки на быстрых местах в заездках, отверстием против течения (см. ванна, верша) (Дил. 1, л. 35 об.); Вершённые дома (Кадн. Вол. Ник. В-Уст.). Дома, имеющие крышу на два ската с князьком посередине (рисунок – Г.С.), и дома невершенные – это те, у которых крыша на один скат (рисунок – Г.С.). Невершенными строятся холодные постройки, строятся и избы, но крайне редко. *Там хоромы-то невершённые* (Свад. Прич.) (Дил. 1, л. 41).

В одной статье иногда сводится значение слова, характерное для различных говоров: Ва́дья, Вадья́ (Яр. Устьс. Ник. Тот.). Небольшое озерко, окошко среди болота, трясина (зырянское вад). *Иди осторожнее, в вадью не попади*. 11. (Сол.). Кадка, кадушка под скоромное масло (Баженов) (Дил. 1, л. 35).

Каждое значение многозначного слова, кроме первого (при первом номере отсутствует), имеет свой порядковый номер. Оттенки значения не выделяются.

Иллюстрации приводятся после определения значения слова. Приводится чаще всего по одному примеру: примеры берутся из словарей, из записей живой речи, из фольклорных текстов.

В словаре устанавливается, где записано слово (его значение), кем или в каком источнике оно засвидетельствовано. Отсутствие сведений об источни-

ке означает, что слово зафиксировал сам П.А.Дилакторский. Документация начинается с указания на место употребления слова (уезд). После иллюстрации приводится фамилия собирателя или название труда, откуда взяты сведения. О характере подачи географических названий см. в "Объяснении сокращений» (Дил. 1, л. 7), например: Вел. – Вельский уезд, Вол. Волог. – Вологодский уезд.

Справочный отдел не имеет в словарной статье постоянного места и используется редко. Сюда относятся этимологические справки о заимствованных словах, стилистические оценки или указания на сферу использования: *бранное слово; говорят преимущественно о ком-либо, о чем-либо*. Например: Взду́шистый (Кадн.). Грудастый, с сильно развитыми дыхательными органами, не задыхающийся на бегу. (Говорят преимущественно про лошадей). (Иваницкий – рук.) (Дил. 1, л. 43 об.); Взмыва́ть (о воде). (Вол. Тот. Кадн. В-Уст.). Подниматься выше уровня, прибывать. *Поди скоро и Шарегу взмывать начнет?* (Дил. 1, л. 44).

Приведем одну любопытную словарную статью – справку о прозвищах жителей города Вологды: Вологжа́не. Жители города Вологды и её уезда. Существуют следующие прозвища вологжанам: «телятники, теленка с подковой съели» (будто вологжане при встрече царя Иоанна 1У поднесли на большом блюде зажаренного теленка с серебряными подковами. Царю не понравился подарок, и он велел вологжанам тут же съесть. По другим преданиям царь Иоанн 1У велел наказать тех вологжан, которые по случаю дороговизны мяса ели телятину); «толоконники, толоком Волгу замесили» (см.: Сахаров. Сказания русского народа. Спб., 1885, часть 1, стран. 277); «заспихи, царя проспали» (будто бы когда Александр 11 приехал в Вологду, то не только нигде не было народу, но даже и собор оказался запертым. Из статьи В.Чевского (Истор. вестн. Т. 53, 1889, №8) как очевидца встречи узнаем, что это сказка); «На словах как на масле, а на деле как в Вологде», т.е. вологжане много обещают, да мало делают. Река Вологда крайне тихая: если бросите щепку, то её понесет по ветру, хотя б даже и против течения; «лягушечники» – город на низком, болотистом месте. Масса лягушек, и лягушечьи концерты можно летом слышать почти всюду (Дил. 1, л. 49).

В заключение отметим, что с точки зрения современной диалектной лексикографии в словаре Дилакторского не всегда различается диалектное и общенародное, преувеличивается самостоятельность фонетических вариантов одного слова, омонимичные слова квалифицируются как одно многозначное слово, нет системы в описании значений слов, отсутствуют их грамматические характеристики. Всё это объясняется уровнем лексикографии эпохи и непрофессионализмом составителя.

«Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П.А.В.Дилакторского – первый большой словарь, включающий диалектную лексику Вологодской губернии второй половины XIX века. Составленный одним автором по определенной схеме, скорректированной по советам А.А.Шахматова, словарь отличается богатством лексических

данных (около 8 тыс. слов). Существенную основу словаря составили записи живой речи, этнографические сведения и фольклорные материалы. Вместе с тем словарь является, хотя и в меньшей мере, источником для изучения фонетических и морфологических особенностей говоров, а также содержит разнообразные сведения по этнографии губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История русской лексикографии. Отв. ред. Ф.П.Сороколетов. – СПб.: Наука, 2001. – С. 298-310; Васильева Е.З. Принципы составления «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.О.Подвысоцкого // Слово в народных говорах Русского Севера. – Л.: ЛГУ, 1962. – с. 115-121; Нефедов Г.Ф. А.О.Подвысоцкий и его словарная работа // Там же. – с. 122-128.

2. Ср. более поздние работы: Герасимов М.К. Словарь уездного череповецкого говора // Сборник отделения русского языка и словесности АН. 1910, т. 87, №3. – С. 1-111; Словарь вологодских говоров. – Вологда: ВГПИ-ВГПУ. Вып. 1-9. 1983-2002 (издание не закончено).

3. См. подробнее: Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В. Вологда: X – начало XX века. Краеведческий словарь. – Архангельск, 1993. – С.170.

4. См. его труды: Вологжане-писатели. – Вологда, 1900; Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 по 1904 г. – Вологда, 1921.

5. См.: Письма П.А.Дилакторского академику А.А.Шахматову // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда: 1997. – С. 643 – 679

6. Практически были использованы все опубликованные ранее списки местных слов, см. библиографию: Хрестоматия по истории вологодских говоров. Сост. Г.В.Судаков. – Вологда, 1975. – С. 89-90.

7. История русской лексикографии. Отв. ред. Ф.П.Сороколетов. – СПб.: Наука, 2001.

С. Н. Ипатова

Религиозно-мифологическая картина мира вологодского крестьянина (на материале словаря П. А. Дилакторского)*

Как известно, язык выражает и эксплицирует религиозно-мифологическую, философскую, научную, художественную и другие картины мира, которые через посредство специальной лексики и других единиц языка осваиваются языковым сознанием. Каждая из этих картин может быть обнаружена при анализе словарного состава языка. Языковым воплощением религиозно-мифологической картины мира вологодского крестьянина XIX века, формирующейся во взаимодействии экстра- и интралингвистического, явля-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-04-00479а)

ется вся совокупность лексики традиционной духовной народной культуры. Дialeктные словари становятся средством восстановления той или иной системы религиозных представлений. «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. Дилакторского включает в себя лексику, отражающую как традиционные христианские верования, так и различные демонологические представления.

Религиозная лексика в словаре П. Дилакторского может быть разделена на 2 группы:

- 1) собственно диалектная лексика (*поповка, каризни, черничка и др.*);
- 2) диалектные фонетические варианты общерусских слов (*Восподь, Осподь, кститься, окстить, свича и др.*).

Наличие этих двух групп обусловлено двумя задачами при составлении словаря, которые в свое время поставил перед П. Дилакторским А. А. Шахматов. Последний писал в одном из своих писем П. Дилакторскому следующее: «Я поставил бы на первом месте вопрос о словах, употребляющихся в отличном значении или совсем неизвестных, а уже на втором – вопрос об особенном произношении известных слов...» [4: 3].

Тематически религиозную лексику в словаре П. Дилакторского можно разделить на несколько групп:

- 1) наименование мифологических персонажей (*волосатик, дедок, домовой, суседко, жареник, овинник и др.*);
- 2) наименование людей, связанных с темными силами (*ведун, вельма, гад, еретик, заклинатель, знаток, отпущенник, смотрок, килунья, федьма, шептанник, кудесник*);
- 3) наименование людей церковного причета (*караульный, боговик, кучка, батька, батявка и др.*);
- 4) обозначение дней и праздников церковного года (*Вербница, Водокрещенье, Второго Спаса, Грозная неделя, Зверинная неделя, Иван постный, Капля, Звижев день, Еремей, Запрягальник, Колосеница, Засевальница, Ледоломка Суслонница и др.*);
- 5) наименование церковных служб (*завтренья, завтрина и др.*);
- 6) название различных предметов, связанных с религиозным культом (*гойтан, висило, Евандельё, Ёрдан и др.*);
- 7) наименование различных религиозных действий (*дзюргать, зазорить, зачураться, закармливать назиму, измолосниться, зааминить, закаяться и др.*).

Разберем более подробно первую ТГ – мифологические персонажи (МП). В эту группу мы включаем только ирреальных персонажей и не включаем реальных персонажей, имеющих ирреальные черты и свойства [18: 15] (Ср. 2 ТГ). Исследованием мифологической лексики занимались многие ученые (А. А. Потебня, Н. И. Толстой, Э. В. Померанцева) [9, 10, 16], нашей целью является восстановить систему МП, функционирующей в XIX в. на территории Вологодской губернии.

В основание классификации МП может быть положено несколько дифференциальных признаков, выделенных О. А. Черепановой [18: 12], эти признаки зачастую выступают как мотивирующая основа наименования МП: внешний облик МП, место, время функционирования МП, функция МП, форма проявления МП, отношение человека к МП.

По отдельной черте внешности мотивировано наименование *волосатик*: «*Волоса'тик* (Вел., Ник., Сол., В-Уст). Водяной (нечистый дух)». Такая мотивация особенно характерна для наименования различных представителей нечистой силы (черта, беса), т. к. народные представления об этих образах сложились под воздействием христианства, приобрели устойчивые характеристики, в числе которых особое место занимает волосатый покров. Здесь наблюдается синкретизм наименований черта и других персонажей: волосатик – черт и водяной. Отдельной чертой внешности, выступающей как мотивирующий признак, может быть цвет: «*Белая баба* (Кадн.) – русалка. По словам М. А. Иваницкого, «в каменистых реках она иногда выходит из воды, садится на камень и расчесывает себе волосы, заметив человека сейчас же кидается в воду» (мат-лы)».

Особое место занимают эмфатические бранные конструкции с наименованием МП: «*Волосатик бы ты взял* – кричат в ярости (Шайтанов – рук.)». «Бранные выражения, в которых фигурирует мифологическая лексика, может иметь остаточно-мифологический характер. Их первоначальная функция – магическая; стремление причинить зло с помощью обращения к недобрым силам» [18: 74].

Эмфатические бранные конструкции могут включать мифологемы, образованные на основе вторичной лексической номинации: «*Сулема'* (Волог.). 1) Сор, дрянь (Баженов). 2) (Повс.) Мышьяк, всякий яд, отрав, употребляет-ся как пожелание в гневе. Сулема ты дала! Сулема ты возьми! (Ив-рук.)». Здесь уже имеющиеся в языке номинативные средства используются в иной функции и представляют собой окказиональное употребление лексических значений в несобственной номинативной функции. Итак, в эмфатическом бранном контексте слово *сулема* в значении 'отрав' включается в круг мифологической лексики. Контекстуально это слово может быть заменителем слова *черт*. Подобный семантический сдвиг в направлении предмет, явление → мифологическое существо наблюдается у слова *комуха*: «*Комуха'* (повс.). – лихорадка. Часто употребляется в ругани, в сердцах: Комуха его знает – куда ушел. Комуха и с ним-то!...». Замещение слова *черт* на основе отрицательной экспрессии слов *сулема* и *комуха* позволяет говорить о наличии определенной семантической модели, представленной на территории Вологодской области в XIX веке.

Другое наименование МП, обитающего «ниже земли», а значит в воде (в словаре нет образов подземных духов), – *водяник* – мотивировано другим признаком. Место обитания: «*Водяни'к* (Тот.). Водяной, мифическое существо, живущее в воде, реке» – служит основным мотивирующим признаком наиме-

нования. Слово образовано от адъективной основы с продуктивным суффиксом лица -ик-.

В наименовании одного и того же МП может наблюдаться функциональная избирательность. Так, например, слова *лешак* или *леший* и *лесной*, наименования которых мотивированы местом обитания, различаются функционально и стилистически: слово *лесной* имеет нейтрально-назывную функцию: «*Лесно́й* (Сол.). *Леший, нечистый дух, обитающий, по мнению народа, в лесу* (Муромцев – Н.О.)», тогда как слова *лешак* и *леший* наделяются ярко выраженной отрицательной экспрессией, употребляясь в эфатических бранных конструкциях: «*Леша́к* (повс.). *То же что лесной. Лешак те понеси! Ну те к лешему.* (Ив. рук.)». На основе своей отрицательной экспрессии эти слова образуют ряд устойчивых сочетаний, аналогичных тем, которые включают слово *черт*. Эти слова втягиваются в устойчивую синтаксическую модель определенной функциональной направленности, что позволяет их переосмыслить.

Слово *лешак* образовано суффиксальным способом по непродуктивной для данной ТГ словообразовательной модели: *лес* *лешак*. Суффикс -ак в русском национальном языке имеет значение лица или существа и носит оттенок разговорности и фамильярности [11, 1: 216-218]. Очевидно, что коннотативные семы 'отрицательная оценка', 'экспрессия', характерные для лексического значения данных слов, получают свое выражение и на структурном (морфемном) уровне.

Еще один МП, обитающий в лесах, имеет нейтрально-назывную функцию: «*Де́до* (Кадн., Тот., В-Уст.). *Леший лесной (мифическое существо обитающее в лесах)*». В основе номинации, видимо, лежит представление об антропоморфном облике персонажа. Кроме этого, наименование *дедко* связано с культом предков. В языческом сознании славян мифологические персонажи часто воспринимались как предки, умершие родичи.

«*Домово́й* (Вол., Гряз., Кадн., Вел., Тот., Сол., Ник., В-Уст.). *По народному суеверию, мифическое существо, обитающее в домах и главным образом ухаживающее за скотом. Существуют рассказы, что и видели домовых: весь лохматый, напоминает фигурой несколько зайца и имеет большую длинную бороду. Домовой любит скотину одной какой-нибудь масти. За любимым скотом он смотрит, принесет корму, если мало его в яслях, и когда лошадь наестся, то он садится на нее верхом и заплетает гриву. Скотину же, которую он не любит, он отталкивает нередко от ясель и, хотя бы ясли и были полны сена, но он не даст ей поесть досыта. Кроме того, он садится на такую лошадь и гоняет ее по двору (хлеву). Утром приходит хозяин и застаёт лошадь в пене и голодную. Поэтому-то крестьяне и стараются покупать скотину по вкусу домового. Зовут его еще дворовым, дворовушком батманком, батаманом*».

Лексема *домовой* не имеет территориальной ограниченности, входит в состав русского национального языка Основным мотивирующим признаком также является место обитания.

По мнению О. А. Черепановой, слово *домовой* мотивировано функцией владения, управления хозяйством, домом [18: 61], потому как слово *дом* примерно до XIII в. не было основным наименованием жилого строения. Самое раннее употребление лексемы *домовой* датируется 1499 годом: *Домовое церковное Пречистыя Богородици* [14, 1: 701], и имело значение 'относящийся к дому, жилью'. Затем, примерно с XVII в., происходит расширение семантики данного слова. В словарях XI – XVII вв. среди четырех различных значений выделяется значение субстантивированного прилагательного *домовой* или *домашний дух*'. В словаре В. И. Даля (XIX в.) *домовой* и производные от него активно функционируют в значении 'дух хранитель и обидчик дома', кроме того отмечается его принадлежность к месту обитания – конюшне: «Он особенно хозяйничает на конюшне, заплетает любимой лошади гриву в колтун, а нелюбую вгоняет в мыло...» [2, 1: 466].

Лексемы *домовидушка* и *домовид* в значении *домовой* этимологически состоят из двух основ *dom-* и *vit-* (*a-ti*). По мнению О.А. Черепановой, непосредственным источником слова является церковно-славянское *домовить* 'владелец дома' [Ср.: 14, 1: 698; Мф. 21: 33]. Семантическое затухание основы *vit-* (*a-ti*) ведет за собой развитие вторичной мотивации в таких образованиях, как *домовидушко*, *дововид*.

Домовой в значении 'мифическое существо' образовано путем субстантивации, имеет древний корень *дом* общеиндоевропейского характера, который встречается в укр. *dim*, ст/сл. *домъ*, болг. *домъ*, словен *dom*, чеш. *dim*, слвц. *dom*, польск., в-луж., н-луж. *dom*. Дом родственно др-инд. *damas* «дом», *datunās* 'домашний, связанный с домом', лат. *domus* (Фасмер 1, 526).

В словаре встречается ряд других словарных статей с наименованием *домового*:

«Бата'ман, Бата'мушка, бата'мушко, бата'нушко (Сол., Яр., Устье). То же, что батаманка».

«Батама'нка, батама'нко (Сол., Усьс.). Домовой, мифическое существо, живущее в каждом доме. Дух добрый. Он главным образом следит, чтоб у скота был всегда корм».

«Ботама'нушко, бота'мушко, бота'мушка (Сол.). Домовой (Муромцев, Баженов)».

У данных лексем (*батаман, батаманка(-о), ба(о)тамушка(-о), батанушко, ботаманушко*) сложно определить мотивирующий признак. По мнению Д. К. Зеленина, *батаман, батаманка ботаманушко* в значении 'домовой' являются переделкой слова *атаман* [6: 106], однако в словаре П. Дилакторского представлены усеченные варианты этой мотивирующей основы (*ба(-о)тамушка(-о)*), а также фонематический вариант *батанушко*.

Словарь содержит наименование и женского духа дома: *«Кики'мора (Кадн., Вол., Вел.). Мифическое существо: жена домового. Употребляется это слово и как ругань для женщин особенно злых. Ах ты, кикимора проклятая! <...> По словам Н. А. Иваницкого, кикимора – дух, имеющий вид девушки в белой рубаше или в другой какой одежде, живет в гумнах до святок и*

после святок куда-то уходит. Видеть ее случается очень редко (материалы)». По мнению М. Н. Власовой, женский дух дома некогда был самостоятельным МП, но по мере разрушения системы мифологических представлений он стал выступать в роли жены домового. В основе номинации лежит признак уродливой внешности, горбатости скрюченности [1: 170; 18: 130]. Лексема не имеет территориальной ограниченности. В литературном языке функционирует в значении 'нечистая сила в женском образе'. С пометой *прост.* употребляется как бранное слово, а также кикиморой в просторечии называют уродливую или некрасиво одетую женщину [13, 2: 48].

По сведениям СРНГ, слово *кикимора* многозначное [12, 13: 205]. В словаре П. Дилакторского данная лексема используется при наименовании человека с определенными чертами характера и поведения. В значении 'род домового', 'проказящий по ночам с веретеном, прялкою' отмечено В. И. Далем без указания места [2, 2: 107]. Подробная этимологизация слова *кикимора* проведена О. А. Черепановой [18: 128-133].

Еще два МП в словаре П. Дилакторского мотивированы местом обитания – *овинник* и *банник* или *банный*: «*Ови́нник (Кадн.) – по народному поверью, дух добрый, живущий в овине. Когда засушивают овин в первый раз, то просят овинника, чтоб он все сохранил в целости от невзгод и ненастей, а когда кончат молотить, то кланяются в отворенную дверь овина и говорят: «Спасибо тебе, батюшко овинник, послужил верой и правдой (Иваницкий – мат-лы)».* Овин – важное место в крестьянском хозяйстве, «двухэтажное здание около тока или гумна» (Дилакторский: *овин*), «строение для сушки снопов перед молотьбой» [8: 442]. Место обитания – основной признак, положенный в основу номинации 'живущий в овине'. В отличие от других регионов в Вологодской губернии крестьяне положительно относятся к данному МП. В значении 'дух добрый, живущий в овине', слово *овинник* образовано по продуктивной словообразовательной модели с суффиксом лица -ик: *овин* → *овинный* → *овинник*.

«*Ба́нной, ба́нный, ба́нник (Гр., Вол., Ник., В.-Уст., Устьсыс.). Мифическое существо, обитающее в бане, дух недобрый, а поэтому вечером или ночью небезопасно ходить в баню.*»

Мотивирующим признаком является место обитания – баня. Слово *баный* образовано по продуктивной словообразовательной модели путем субстантивации прилагательного: *баня* → *баный* (прилаг.) → *баный* (сущ.); слово *банник* образовано от адъективной основы при помощи продуктивного суффикса лица -ик: *баня* → *баный* (прилаг.) → *банник*.

Значительная часть МП, представленных в словаре П. Дилакторского, имеет устрашающую или вредоносную функции.

Додон – МП, устрашитель. Функция устрашения является основной и единственной: «*Додо́н (Вол.) – мифическое существо, которым пугают ребят. Какой додон-от идет! (Дорогин).*» По мнению О. А. Черепановой, наименование мотивируется по внешнему облику «с признаком неестественности, уродливости формы» [18: 65]. Этот персонаж может быть мифологизиро-

ванным богатырем из фольклорной повести о Бове-королевиче, где отцом Бовы является Dodo de Mogance [17, 1: 521]. Непосредственный источник слова додон 'пугало' О. А. Черепанова видит в диалектном додон 'неуклюжий человек' Владимирской губернии [См.: 12, 8: 89].

МП – устрашителями являются *жареник* и *жареница*, представляющие собой мужскую и женскую разновидности МП. Функция устрашения («*Жа'реник, жарени'ца* (Кадн.) – мифическое существо, обитающее на гороховищах, им пугают ребятишек, чтоб они не ходили мять горох») сложилась в результате изменения их глубинной семантики. Мотивирующий признак – полдневная жара – позволяет включить этот МП в группу МП солярного цикла [1: 148]. По сведениям М. Н. Власовой, сведения об этом образе ограничены Вологодской областью.

Демон – специфический вредоносный образ. Христианский по происхождению – нечистый дух, объединяет верховного владыку царства зла (дьявол) и «рядовых» его служителей (черт): «*Де'ман* (Гр., Вол., Кадн., Вел., Тот., Ник.) – демон, дьявол, черт, чаще употребляется в ругани: «Деман с тобой-то!», «Да деман и с ним-то!», «Деман его знает»». «На основе многочисленных, табуистических и эмфатических наименований черта происходит дробление образа, наполнение отдельных его имен дополнительным понятийным содержанием, в результате чего появляются новые персонажи» [18: 41].

В основе многочисленных наименований МП лежит христианская оппозиция: святой – греховный, чистый – нечистый: «*Нечи'стой* (Тот., Яр., В-Уст., Вол.) – нечистая сила, черт. На ночь-то разве можно нечистого поминать»; «*Чекы'ш* (Ярен.) – черт (Куклин – Ив. – рук.)»; «*Шлику'н* (Сольв., Ярен.) – нечистый дух, черт, домовый (Баженов)»; «*О'мег, о'мек* (Ник.) – нечистый дух, нечистая сила. Омег тебя унеси (Баженов); употребляется как брань, ругань. Экой омег (Иваницкий – рукопись), Эдак ведь, как омег насолил, нельзя и хлебать-то (Свящ. Попов)».

Вторичная номинация МП может возникать на основе отрицательной эмоциональности: «*Пога'нный* (повс.). Нечистый». В церковнославянском языке слово *окаянный* имеет значение 'бедный, достойный сожаления' [3: 378], в словаре П. Дилакторского это слово служит обозначением существ, относящихся к темным силам: «*Окоя'нный* (повс.) – дьявол, черт. Ведь окоянный-то как раз в грех введет (Свящ. Попов)».

Словарь содержит и наименование привидения: «*Орд* – привидение, призрак, тень». В словаре В. И. Даля лексема *орд* с пометой *вгд.* имеет значение 'сретник, привидение, тень призрака покойника' [2, 2: 690].

Несмотря на то что на Севере мифологические сведения об оборотнях очень скудны, в словаре П. Дилакторского представлены наименования *упырь* и *оборотень*: «*Упы'рь*. По народному суеверию, человек, превращающийся в волка (Опыт словаря)». Лексема *оборотень* употребляется только в бранных контекстах: «*О'оборотень* (Вол., Кадн., Тот., Ник.). Иногда от ругани родителей, а иногда и силою колдовства людей обращают в каких-либо

зверей <...>. Это слово употребляется как ругань, брань. Экой оборотень проклятой, все норовит по своему сделать!»

Особое место в словаре П. Дилакторского занимает слово канюк. Это слово имеет вторичное производное значение от основного: «Канюк (Вол., Кадн., Вел.). То же, что канюкало. Экий канюк привязался» («Канюкало (Вол., Гр., Кадн., Тот., В-Уст.) – неотступный проситель, ханжа. Уйми ты эту канюкалу»). Этого легендарного персонажа П. Дилакторский называет сарыч и передает легенду: «В Кадниковском уезде записана следующая легенда. Всем птицам и зверям Бог по сотворении земли велел копать в земле углубление для воды. Все птицы послушались, только один канюк, боясь замарать о землю свои красивые ноги, ослушался повеления Божия. Бог за это ослушание велел пить воду только с листьев деревьев, когда они бывают влажны после дождя или росы, а не из рек, ручьев, луж и т.п. водоемов. Так и трудно пить и во-вторых древесная листва не всегда бывает влажна и потому канюк не может утолить своей жажды и он, постоянно просит пить! пить! пить! (Этн. Об. 1899: 3)».

Словарь также отражает развитие вторичных нерелигиозных значений слов религиозной семантики. Так, например, слово *ад* с первичным значением – место посмертных мучений грешников, развивает несколько переносно образных значений: 1) ‘о много едящем человеке’ («(Вол., Гряз., Тот.) Обжора многоедящий! Эко адище, все слопал! (Баженов)»; 2) «(Кадн.) Рот, пасть, горло. Я тебе заткну ад от! (Муромцев)»; 3) «Сильная непроходимая грязь. Просто суций ад! Поди да тут ад кромешный. Экой ад непокрытой! (Муромцев)». Здесь связь переносного значения слова и его религиозной семантики лежит на поверхности – в отрицательной экспрессии, проявляемой через бранное употребление.

В заключение отметим, мифологические данные П. Дилакторского относятся к позднему времени (XIX век), а значит, отражают мифологическую систему «нового качества» [18: 6], вобравшую в себя сохранившиеся черты старой, но принципиально отличающейся от нее. Устойчивость МП позволяет привлечь материал из других источников для восстановления системы мифологических представлений вологодского крестьянина при отрывочных сведениях П. Дилакторского, что помогает оттенить их самобытность, и вместе с тем их место в общеславянской мифологической системе.

Многие МП имеют ряд наименований. Число лексем, обозначающих тот или иной МП, зависит от степени разрушенности языческих представлений о данном МП, а также от его популярности.

Большую часть мифологической лексики составляют слова с достаточно ясной мотивацией значения. Наименования МП имеют различные вокативные характеристики. Иллюстрации, приводимые П. Дилакторским, представляют собой былички, повествовательные контексты бытовой речи, в которой лексемы выступают в нейтрально назывной функции как названия МП. «Представление о различных духах (анимизм), в т.ч. о т.н. хозяевах, от которых зависит успех деятельности человека <...> и прочие элементы первобыт-

ного мировоззрения» [7: 11] широко отразились в словаре П. Дилакторского. «Восприятие природы как живого организма, который не только живет самостоятельной жизнью (аниматизм), но также одушевлен и наполнен различными духами (анимизм), - это восприятие довольно хорошо сохранилось у восточных славян до наших дней» [5: 411].

Особое значение имеют эмфатические бранные конструкции, наличие которых свидетельствует о разрушении системы МП, переносе наименований демонических существ на свойства характера и поступков человека, хотя «семантические сдвиги в пределах мифологической лексики весьма ограничены» [18: 141]. В целом словарь отражает взаимодействие мифологической лексики с христианской. Несмотря на то что христианская мораль вологодскому крестьянину гораздо доступнее и ближе, он «сознательно или бессознательно придерживается принципа двоеверия: «Бога люби, но черта не гневи»» [5: 411]. Язык в этом случае выступает достоверным источником характеристики состояния религиозных представлений в XIX веке. П. А. Дилакторского отличало особое отношение к своему краю, «в нем ярко сквозила любовь к родине, к краю, к книге» [15: 10], он был хорошо знаком с общей этнографической и бытовой обстановкой своей местности. Культурно-исторический компонент наиболее отчетливо проявляется в словарном составе языка. Эта категория слов тесно смыкается с этнографизмами, отражающими различные верования вологодского крестьянина. Материал словаря П. Дилакторского позволяет восстановить многие черты духовной деятельности жителей Вологодской губернии XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. – СПб., 1995.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1999.
3. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., 2001.
4. Евдокимов П. Библиограф Прокопий Александрович Дилакторский (1868-1910) // П.А. Дилакторский. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 г. – Вологда: Изд-е Вологодского общества изучения Северного края, 1921.
5. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М., 1991.
6. Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и Северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1930. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 1-166.
7. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. – М., 1958.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 2001.
9. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М., 1975.
10. Потебня А. А. Слово и миф. – М., 1989.
11. Русская грамматика. – М., 1980.
12. Словарь русских народных говоров / Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. - Вып. 1-36. – Л., 1976-2002, издание продолжается.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой – М., 1999.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1-3. - СПб., 1893-1912. Репринтные издания: 1958, 1989.

15. Гарутин А. П. А. Дилакторский. Из личных воспоминаний // П.А. Дилакторский. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 г. – Вологда: Изд-е Вологодского общества изучения Северного края, 1921. – С. 10-15.
16. Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. – М., 1997.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1987.
18. Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л., 1983.

С. Х. Головкина

Именования родства в словаре П.А. Дилакторского*

Предметом исследования данной статьи являются именования родства и родственных отношений, зафиксированные в Словаре областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении (П.А. Дилакторского). Словарь включает как лексические единицы литературного языка, так и диалектизмы. Такое представление материала определяется прежде всего установками автора словаря, которые отражены уже в названии. Значимыми оказываются все слова, охватывающие сферу бытовых отношений: как диалектные, так и литературные. Тем более, что, по мнению Л.В. Щербы, литературные слова «тоже входят в систему общего областного языка», создаваемого говорящими отличным от местных говоров и имеющего свою, хотя и очень неопределенную норму [1]. Именования родства покрывают сферу семейных (а значит и бытовых) отношений.

Состав имен родства, помещенных в Словарь, определяется привлечением разных источников, отражающих специфику вологодских говоров, материалов фольклорного и этнографического характера («Песни русского народа», записанные Ф.И.Истоминным, С.М. Ляпуновым; «Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда» Н.Г. Ордина; «Великорусские народные песни» А.И. Соболевского; «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» Ф. Студитского; «Реестр словам и пословицам, схваченным около Верховажья Вологодской губернии с объяснением их значения» А.М. Шайтанова; «Материалы по этнографии Вологодской губернии» Н.А. Иваницкого). Использование П.А. Дилакторским в качестве источника Словаря этнографических описаний пополняет круг анализируемой нами лексики словами ритуального (обрядового) характера. Это именования участников свадебного обряда, вступающих в родственные отношения.

Значительную группу в Словаре составляют диалектные слова, обозначающие общее родство. Среди них можно выделить именования любого родственника безотносительно к степени родства (*порода, родаш, родинка, родник, родовая, свой* (мн. ч. *своё*) – ‘родня, родственники’ – ДЗ, с. 71, 105; Д4, с.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-04-00479а)

5 [2]) и учитывающих эту характеристику – *природья* (Ник.) – ‘дальняя родня, родственники’, *присвой* (Тот.) – ‘дальний родственник’ [Д4, с.83-84]. Часть таких слов (*род-племя, род-плмя, порода-племя, племя*), называющих коллективные субъекты свадебного обряда, выполняет ритуальные функции и фиксируется в текстах свадебной причеты, песен: “Присылать да приказывать / Всей *породе-племени*, / Чтобы шли да ехали / Ко батюшке да ко матушке / На веселый пир радостен...” [Д3, с. 71]; “Ведь я *род-племя* покорила / Тебя пана полюбила...” [Д3, с. 47].

Словарь содержит также лексемы, обозначающие действия и состояния, связанные с установлением отношений родства и свойства, в том числе и свадебную терминологию: *бабить* (Кадн.) – ‘быть замужем’ [Д1, с.7]; *брататься* (Кадн., Тот., Вол.) – ‘меняться шейными крестами и с этой поры называть друг друга крестовым братом или просто крестовым’ [Д1, с. 27]; *кстины* – ‘крестины, крещение младенца’ [Д2, с.36]; *свальба* (Тот., Ник., Кадн., В.-Уст.), *сварьба, сварба* (Вол., Гряз., Кадн., Тот., Ник., Вел., Ярен., Сольв.) – ‘свадьба’ [Д4, с. 3]; *жони’ться* (В.-Уст., Сол., Вел., Ник., Тот., Кадн., Гряз., Вол.) – ‘жениться, венчаться, бракосочетаться’ [Д1, с.106]; *заму’жье* (Кадн., Тот., Вел., Ник.) – ‘замужество, состояние замужем’ [Д1, с.124]; *запросватать, запоручить, запоручить* (Гряз., Вол., Кадн., Тот., Вел., Ник., Сол., В.-Уст.) – ‘просватать, сговорить невесту’ [Д1, с.126].

Широко представлена группа слов со значением кровного родства как по прямой, так и по боковой линии. Большую часть из них составляют единицы, отражающие лексическую систему диалекта. Так субъекты *кровного родства по прямой линии* представлены в словаре лексемами *баушенька* – (Ник., Вел., Гряз., Тот., В.-Уст.) ‘бабушка, бабка’; *баба* – (Кадн., Волог., Гряз., Ник.) ‘бабушка’; *батко, батько, бачько* – (Ярен., Устьс., В.-Уст., Ник., Сол.) ‘отец родной’; *батюшко, батюшкоу* – (Кадн., Гряз., Вол., Сол., В.-Уст.) ‘отец’; *батька* – (Вол.) ‘батька’ (в шутку); *татка* (Вел., Сольв., Тот.), *тата, татя, тятя* – (Повс.) ‘отец’; *мати* (Повс.) ‘мать, мать’, *мам, мамь* (Вел.) - ‘мать’; *доци, доць, до’чи, дочи* – ‘дочь’; *батькишина* (Кадн.), *батьковна* – (Вол., Гряз.) ‘похожая на отца лицом или любимая отцом дочь, более других детей’; *ба’тькович* – (Кадн., Вол., Гряз.) ‘похожий на отца сын’; *ма’ткишина, ма’тковна* – (Кадн., Вол., Гряз.) ‘любимая дочь у матери или похожая лицом на мать’; *ма’ткович* (Вол., Гряз), *ма’ткич* (Кадн.) - ‘любимый матерью или похожий лицом на мать’).

После заголовочного слова в словарной статье могут быть помещены тождественные с ним по значению дериваты (см., например, *маткишина, матковна*), если они зафиксированы в одной и той же местности. Толкование терминов родства данной группы дается через соотношение с аналогом литературного языка, не содержит каких-либо помет (грамматических, стилистических). Исключение составляет слово *батька*, содержащее указание на эмоциональную окрашенность – «в шутку». Слова *мамь* и *мам*, судя по контексту употребления (“А *мам-то* хотела придти, али нет?” [Д2, с. 59]), используются

как самостоятельные лексемы, а не как омонимичные стяженные формы обращения к субъекту родства.

Лексемы *маткович, маткишна, матковна, батькович, батькишна, батьковна*, кроме указания на ступень родства, содержат в толковании характеристику внешнего облика субъекта ('лицом похожий на...') и оценку ('любимый более других детей'). В основе внутренней формы таких номинаций лежат прежде всего относительные признаки, отражающие связи, отношения данного лица с другими субъектами соответствующей группы. Это слова с доминирующей реляционной семантикой. Описательные признаки (внешнее или внутреннее сходство субъектов, оценка) отличают данный субъект от других субъектов того же поколения (одной ступени родства), при этом значимым оказывается значение принадлежности в суффиксальных элементах – *ович, -овн, -ишн*.

Анализируемый источник включает также специальные термины родства с доминирующим описательным признаком «возраст»: *меньша'к* (Вол., Кадн., Тот.) – 'меньшой сын, брат'; *меньшу'ха* (Вол., Кадн., Тот.) – 'младшая дочь, сестра' [Д2, с.63]; *малы'ш, мальга'* (Ярен., Сол., Вел.) – 'младший в семье, младший в роду' [Д2, с. 59]; *больша'к* (гр., Вол., Кадн., Ник., Вел., Сол.) – 'хозяин, глава семьи, старший в семье' [Д1, с. 23]. В русском литературном языке при необходимости выразить соответствующие понятия используются словосочетания с определениями (*старший, младший*). Функционирование особых терминов в диалекте связано с длительным сохранением большой патриархальной семьи, спецификой ролей, закрепленных в семье за субъектами родства разного возраста, разных поколений. В связи с этим показательное существование в диалекте целой группы дериватов с корнем *больш-* (*большина* – 'хозяйничанье, старшинство в семье, первенство, власть'; *большиничанье* – 'хозяйничанье, управление'; *большиничать* – 'управлять, хозяйничать' [Д1, с.23-24]).

«Возраст» как один из доминирующих признаков номинации характеризует и лексему *мезонька* (Вел.) – 'дитя самое младшее, к которому родители более привязаны и которого особенно любят и постоянно балуют, лакомят' [Д2, с. 63]. Мотивировано, по-видимому, лексемами *мезёнок, мизинок* – 'палец мизинец' [3], 'самый маленький палец руки, ноги' [4]). Не менее значимой оказывается аксиологическая характеристика, которая сосредоточена в суффиксе.

Наличие одного сына в крестьянской семье отмечалось носителями языка в специальном термине *одинец (единец)*. В основе номинации доминирующим является не относительный (реляционный), а описательный признак «количество».

Одине'ц (Кадн., Тот., Вел.). Единственный сын у отца. Считается хорошим женихом, так как имение после смерти отца не будет делиться. *Что дура не идешь-то, ведь он одинец.* (см. *единец*). [Д3, с. 11]

Положительная оценка субъекта в этом случае функционально, ситуативно обусловлена, о чем свидетельствует словарная статья.

Словарь отражает вариативность произношения некоторых терминов кровного родства (ср., например: *доць* (Повс.) – *до'ци* (Тот., Кадн., Ник., Ярен.) – *до'чи, дочи'* (Вол., Гряз., Кадн.)). Некоторые именованья (*баушка, бавишка, мнук*) передают специфику произношения общенародных слов (*бабушка, внук*) в говоре. При каждом заголовочном слове указывается его ударение (оно дублируется и в контекстах) и фонетические варианты этого слова, если они есть (например, *ба'тюшко, ба'тюшкоу; ба'тко, ба'тько, ба'цько; до'чи, дочи'*).

Отметим разнообразие в представлении состава *терминов кровного родства по боковой линии*. В словаре фиксируются как словообразовательные, так и фонетические варианты именованья родства в говоре (*сестренница, сестрѣнка, сестренница, сестреница* (Тот., Кадн., В.-Уст., Вел., Сольв., Ярен.) – 'двоюродная сестра', *сеструга, сеструха* (Кадн., Вел., Сольв.), *посестра* (Кадн.) – 'сестра'; *своя'шница* (Вол., Гряз.), *своя'чина* (В.-Уст., Ник., Сольв., Ярен.) – женщина-сестра [Д4, с.6]; *побратимко, побратим* (Вол., Гряз., Кадн., Тот., Вел., Сольв.), *братан* (Повс.), *сродный, сродник* (Кадн., Тот., Ник.) – 'двоюродный брат', *брателко, братеуко* (Тот., Сольв., Кадн., Вел., Ник., Вол., Гряз.), *братьки* (Кадн.), *братя* (Гряз., Вол.) – 'брат'; *батькѣ, батько* (Кадн.) – 'дядя'; *племеньник* (В.-Уст.), *племяш* (Вол., Кадн., Тот., Вел., Ник.) – 'племянник', *племянка* (Вол., Ник.) – 'племянница'). В отдельных случаях дается стилистическая (*бра'тьки* – 'брат', *уменьш.*) или грамматическая помета (*братя* – брат. зват.) [Д1, с. 27].

Кроме того, словарь фиксирует общеупотребительные литературные стилистически окрашенные варианты именованья родства: *сестрица, сестриця* – 'сестра'.

Иногда в словарной статье отражаются тенденции, связанные с непоследовательным употреблением отдельных терминов родства. Например, «*побратимко, побратим* – двоюродный брат и *иногда крестовый брат*» [Д3, с. 50]; «*братан* – собственно двоюродный брат, но употребляется иногда и вместо слова *брат*, например, троюродных братьев называют троюродными братанами. При обращении не к родне употребляется и вместо слов *товарищ, друг* и т. п., особенно при встречах» [Д1, с. 27].

Отмечается ослабление особого терминологического значения слов данной группы, расширение их функциональных возможностей (наименование родственника – близкого и дальнего - и неродственника), дублирование значения лексемы в сочетании с определением-прилагательным (*двоюродный*): «Уж ты, свет сокол, милый *брат*, / Ты *двоюродный братанушко*, / Ты оседлай-ко коня...» [Д1, с. 27].

Словарь представляет многообразие состава группы терминов свойства, которые называют лиц по отношениям, возникшим в результате брачного союза. Это именованья «одного из супругов по отношению к другому или его родственникам», а также «родственников одного из супругов по отношению к родственникам другого» [5].

В количественном отношении в Словаре П.А. Дилакторского среди наименований данной группы преобладают лексемы, называющие зятя (мужа дочери). При этом значимым признаком номинации оказывается не реляционный, а обстоятельственный (место проживания). Ср.: *дворя'к* (Сольв.) – ‘мужчина, принятый в дом, приемыш, подживотник’; *домови'к* (Гряз., Вол., Кадн.) – ‘то же, что дворяк, то есть зять, принятый в дом’; *дворяни'н* (Ник.) – ‘то же, что дворяк’; *живо'тник* (Вел., Кадн., Тот., Ник.) – ‘приемыш, подживотник’ [Д1, 80, 86, 103]; *подживо'тник* (Вол., Кадн., Вел., В-Уст.) – ‘приемыш в доме, муж, вошедший в дом своей жены’ [Д3, с. 50]; *приёмок* (Тот., Ник.) – ‘женившийся и поселившийся в доме тестя или в доме жены’ [Д3, с. 87].

Часть терминов свойства составляют общенародные слова (*деверь, золовка, невестка, сноха, свояк, сноха, сват, сватья, свёкор, свекровь*), нередко в одной словарной статье с терминами родства помещены (без каких-либо помет) слова, которые содержат уменьшительно-ласкательные суффиксы и обладают эмоционально-экспрессивной окраской (*сношенька, сватушка, дедюшка*). Помещены в словарь лексемы, представляющие особенности произношения в той или иной местности (*диверь, невестка, свояченица*). Можно отметить единичные случаи включения в словарь грамматических характеристик слова: *шуровья', шурья'* (Повс.) – *множественное число* слова шури́н, то есть брат жены [Д4, с.97].

Кроме того, в словаре зафиксированы слова, характеризующие систему терминов родства говора: *де'дина, дя'дина, дяди'на* (Сол., Ник., Устьс.) – ‘жена дяди, тетка по дяде’; *де'дя* (Повс.) – ‘дядя’ [Д1, с. 80]; *сноше'нница* (Повс.) – ‘жена сына, невестка’ [Д4, с. 20]; *шура'н* (Тот., В.-Уст.) – ‘шури́н, родной брат жены’ [Д4, с. 97]; *сво'дчик* (Кадн.) – ‘сват’ [Д4, с. 5]; *свёкра* (Повс.) – ‘мать мужа’ [Д4, с. 4]. Данные слова определяют отношения между родственниками новобрачных (*молодых*): мужа (*хозяин* [Д4, с.75]) и жены (*хозяйка* [Д4, с. 75], *бабень, баба, жона* [Д1, с.8, 106]). Фиксируются и случаи табуированного именования: *мой* (Вол.) – муж (когда жена говорит о своем муже) [Д2, с.66].

Отношения между супругами, недавно вступившими в брак, по данным словаря, можно представить в виде рядов терминов, противопоставленных по признаку рода: 1. *Молода'я, молоди'ца, молоди'ча, молоду'шка* (Повс.) – ‘женщина, недавно вышедшая замуж’ [Д2, с. 67]. 2. *Новотере'б, новотерён* (Сол.), *новожён* (Сол.), *новоже'ня* (Вол., Кадн., Тот.) – ‘молодой, недавно женившийся’. Название это удерживается в продолжение года после брака [Д2, с. 96]. В основе номинаций доминирующий признак “продолжительность брака”.

К терминам свойства также относят и слова, обозначающие лиц по отношению, возникшим между одним из супругов и детьми другого от предыдущего брака. В Словаре П.А. Дилакторского было обнаружено лишь две лексемы, отражающие этот тип отношений: *мачеха* (Повс.); *тётка* (Сольв.) – ‘мачеха’ [Д4, с. 44].

Нельзя не упомянуть и о небольшой группе терминов свойства более позднего происхождения. Это термины, возникшие в связи с христианским обрядом крещения. В словаре эта группа представлена следующими лексемами: *крёсна* (В-Уст., Ник.) – ‘крестная мать’; *кресный, крёсный* (Повс.) – ‘крестный отец, зовут еще *божатом, божатком*’ [Д2, с.33]; *божатка, божатушка* (Повс.) – ‘восприемница, мать крестная’; *божатко* (Гряз., Вол., Тот., Кадн.) – ‘крестный отец’; *божатый* (Вел., Ник.) – ‘восприемник, отец крестный’; *божаток, божат, божатушко* (Кадн., Вол., Гряз.) – 1) ‘отец крестный, чаще зовут крестным, хрестным, хресным’, 2) ‘воспитывающий незаконнорожденных детей’ [Д1, с.22]. Последний пример свидетельствует о функциональном расширении значения термина свойства. К данной группе примыкает лексема *крестовый* и составное наименование *крестовый брат* (Вол., Кадн., Тот., В-Уст.) – ‘закадычный друг, приятель, обменявшийся шейными крестами’ [Д2, с.34].

Толкование терминов родства и свойства предполагает описание разных типов отношений между субъектами (модусов родства) [6]. В одной словарной статье отношения между участниками коммуникации (*эго* – субъект речи, *альтер* – обозначаемое лицо, *коннектор* – связующий родственник) в ситуации “со-бытия” родства могут иметь разный модусный план, отражать точки зрения разных коммуникантов на родственные отношения. Рассмотрим это на конкретных примерах словарных статей.

1. *Де’дина, дя’дина* (Сол., Ник., Устьс.) – жена дяди, тетка по дяде. [Д1, с. 80] Первая часть толкования определяет альтера (термином жена) в отношении к коннектору (*дядя*). Вторая часть указывает на отношения альтера к *эго* (*тетка*), а отношение *эго* к коннектору устанавливает степень, характер родства и экспрессивную функцию самого термина родства.

2. *Сноха’, сно’шенька, сноше’нница* (Повс.) – жена сына, невестка. [Д4, с. 20]. В первой части (описательной) именование альтера (*жена*) устанавливается в отношении к эксплицитно выраженному в толковании коннектору (*сын*), во второй – название альтера дается в отношении к *эго* (коннектор не назван, имплицитно присутствует в термине *невестка*, мысленно восстанавливается).

А.И. Моисеев указывает ряд возможных способов толкования терминов родства и свойства в словарях русского языка: относительный (через другие термины родства), частично-относительный (термином родства + словами, не принадлежащими к терминологии родства), безотносительный (словами, не принадлежащими к терминам родства) [7]. В отношении терминов свойства в словаре П.А. Дилакторского используется только первый тип (*божатка* ‘крестная мать’; *деверь* – ‘брат мужа’, *дедина* – ‘жена дяди, тетка по дяде’, *невестка* – ‘сыновья жена, братнина жена’, *свёкра* – ‘мать мужа’ и др.). Толкование терминов кровного родства, зафиксированных в говоре, обычно дается путем приведения аналога литературного языка (ср.: *дедюша* – ‘дядя’, *брателко* – ‘брат’, *дочи* – ‘дочь’, *мати* – ‘мать’, *тата, татя, тятя* – ‘отец’ и др.).

В качестве заголовочного иногда используются метафорические (*месяц – ‘свекор-батюшко’*) и устойчивые речевые номинации персонажей в текстах, сопровождающих свадебный обряд (*богоданный батюшко – ‘свекор’, богоданная матушка – ‘свекровь’, чужой чуженин, цюжсой цюженин, чужевин – ‘жених’*). Как правило, это «инвективные по характеру оценки речевые номинации с семантикой мнимого родства, чуждости», приписываемой обычно свадебному роду жениха» [8].

Меня запоручили,

Главу запроссватали

На цюжсую сторону

За цюжса цюженина... [Д 4. С. 80]

Словарь фиксирует также и другое (бытовое) понимание слов *цюжсой, чужой* (Кадн., Тот., Вел., Сол., В-Уст.) – ‘чужой, дальний, неродственник, незнакомый’ [Д4, с.80].

В ряде случаев метафорические замены термина родства содержатся в примерах употребления слов (во фрагментах свадебных причетов и песен), не выносятся (как в случае со словом *месяц*) в заголовочную часть: «На печи сова пестрая – / Это ихняя бабушка»; «Молодая молодича, белая лебедушка...»; По окошкам сизы голуби – / То деверья братцы милые...»; «А по лавкам ласточки – / То золовки голубушки...».

Контексты отражают дополнительные (прагматические, обрядово-ритуальные и др.) характеристики субъектов в разных ситуациях общения, значимость того или иного субъекта, названного термином родства, для «своих» и «чужих». «Старая девка в божатки годится»; «Вот тебе раз, другой бабушка подаст. Погоди не роди, дай по бабушку сходить»; Кошку бьют – невестке наветки дают» (пословицы); «Жили-были старик со старухой, и была у них одна дочка. Вот пришло время отдавать ее замуж, и стало им ее жаль. Они взяли подживотника Павла» (фрагмент сказки); «У меня дома-то не родная мать, / Не родная мать – злая мачеха» (песня); «...Да ко свекрови бранливой, / Да ко диверьям собаковатым» (свадебная причеть) и др.

Фрагменты свадебной причети позволяют наблюдать и некоторые другие особенности употребления терминов родства. Отметим, например, возможность использования терминов родства не только по отношению к кровным родственникам, но и по отношению к свойственникам: родителям своего супруга (*свекор – батюшка, свекровь – матушка, деверья – братцы* и т.д.) – «Сестрице золовке / Из русой косы ленты...» [Д1, с. 137]; «По окошкам сизы голуби – / То деверья, братцы милые» [Д1, с. 79]; «На ту пору матушка / Сеночку мела, / Невестушек-лапушек / Побуживала» [Д2, с. 90]; «Что чужой-от отец, мати / Идут по постеленке / Что и громко-то говорят...» [Д1, с. 61]; «Свекра-батюшка дома нету, Свекровь-матушка на пирушке...» [Д4, с. 4]; «Свекра батюшка побойтся, / Свекры матушки постыдятся» [Д4, с. 4] [9].

Имена родства нередко участвуют в процессах вторичной номинации, и диалектный словарь имеет особую ценность для создания наиболее полной картины переносных значений терминов родства. Показательны в этом плане

и данные литературного языка и поэтики фольклора. Как справедливо отмечает И.А. Седакова, «"родственный" код распространяется на многие области материальной и духовной культуры и очень продуктивен в словообразовании» [10].

Обозначим некоторые сферы переноса терминологии родства, представленной в Словаре П.А. Дилакторского.

1. Обозначение мифологических персонажей лексемами *дедко* – 'леший, лесной, мифологическое существо, обитающее в лесах' (Кадн., Тот., В.-Уст.) [Д1, с. 94]; *батьюшко* – 'овинник, по народному поверью дух добрый, живущий в овине' [Д3, с.11]. Слово *батьюшко*, выполняя обрядовую функцию, используется в обращении к овиннику – помощнику в ходе молотбы – "Спасибо тебе, батьюшко, послужил верой и правдой!" (говорится в отворенную дверь овина). Та же функция характерна и для слова *кумушка* – 'последний сноп хлеба, убранный с поля'. Его повязывают платком и с песнями приносят домой. Ставят под образа, а через неделю из переднего угла уносят в клить, где он хранится до Покрова дня, когда им кормят домашний скот [Д2, с. 40].

2. В поминальной обрядности, имеющей связь с культом предков. Словарем фиксируется лексема *родитель* – 'покойник' (Ник., Устьс., Ярен., Сольв.), и дается указание на ее обрядовую функцию: "не потому ли и дни поминовения усопших зовутся родительскими субботаами" [Д3, с. 105].

3. Обозначение антропоморфных образов болезней (*кумоха*, *подруга* – 'лихорадка' [Д2, с. 40; Д3, с.58]; *nana* – 'огонь, болезнь' [Д3, с. 35].

4. Названия игр и субъектов, выполняющих игровые функции. Так словами *матка*, *детки*, *сынки* обозначают участников многих детских игр ("Ку-ма", "Дедушко-медведушко", "Городки", "Лапта", "Ожик").

5. Обозначения различных компонентов материальной культуры (предметов быта, частей дома, орудий труда и др.), живых существ. Например, в словаре П. Дилакторского зафиксированы такие случаи употребления: *матка* – 'небольшой компас'; 'груда льна в 10 снопов'; 'в играх лучший игрок' [Д2, с. 61]; *дедко* – 'рукоять весла (хватка)', 'валет'; *дочуха* – 'молодая свинья, свинка, самка' [Д1, с.94] и др.

Таким образом, термины родства ярко демонстрируют специфику Словаря П.А. Дилакторского, не только в лингвистическом, но и в этнографическом плане. Это позволяет считать его ценным источником для изучения языка и быта вологодского крестьянина XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 269.

2. Здесь и далее в виде сокращения [Д1, Д2, Д3, Д4] дается указание на источник: «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П.А. Дилакторского. Цифра определяет номер тетради.

3. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3. – СПб., 1996. – С. 218.

4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3. – СПб., 1996. – С. 218.

5. Сумникова Т.А. Термины родства и свойства в современном русском языке // Русская речь. – 1969. - № 2. – С. 119.

6. См. об этом в ст. Дзибель Г.В. Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 2. – СПб., 1998. - С. 89-135.

7. Моисеев А.И. Типы толкования терминов родства в словарях современного русского языка // Лексикографический сборник. Вып. V. – М., 1962. – С. 122-123.

8. Вавилова М.А., Смольников С.Н. Функции и номинации персонажей крестьянской свадьбы начала XX века в Кокшенинге (по материалам М.Б. Едемского) // Традиционная культура: Научный альманах. - № 1 (9). – 2003. – С. 3-9.

9. Как отмечает А.И. Моисеев в статье Термины родства в современном русском языке (ФН. – 1963. - № 3. – С. 130), наименования родственников первой линии в принципе не передаются по мужу и жене, однако некоторые явления этого порядка наблюдаются и здесь. В нашем случае сказывается и влияние особой модели свадебного обряда, использование устойчивых речевых формул в текстах свадебной причити.

10. Седякова И.А. Метафорические значения терминов родства и их производных в русском и болгарском: сопоставительный анализ // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. Сборник статей. – М., 1993. – С. 219-227.

М. В. Богданова

Поэтика северного крестьянского жилища в стихотворениях Н. Клюева

В процессе создания Поэтического словаря Н.Клюева после составления частотного указателя словоформ и лексем [1] были выделены ведущие тематические группы слов, которые являются ключевыми в системной организации словаря поэта.

Одна из таких групп – с ведущим словом *изба*. При подготовке словаря поэтической фразеологии нами были составлены словарные статьи со словами *изба, светелка, светлица, горница, горенка, сруб, прируб, терем, печь, лежанка* и др. Все они объединены темой «*жилище северных крестьян*». Словарные статьи включают грамматические и семантико-синтаксические модели поэтической сочетаемости ключевых слов во фразах, а также ассоциативно-смысловые модели образных значений исследуемых слов, поскольку основная цель лингвистического исследования языка Н.Клюева, как определяет Л.Г.Яцкевич, «заключается в создании лексико-семантической системы его словаря. Современные ученые убеждены, что неповторимая образная картина мира каждого поэта имеет общие закономерности, опирается на общие для поэтической культуры словесные образы» [2].

Для выяснения ассоциативно-смысловых отношений в поэтических фразах нередко было необходимо обращаться к фоновым знаниям о культурно-исторических традициях употребления слова и тех реалиях, которые называются в тексте.

На материале этих наблюдений и построена наша статья. Следует отметить, что образная семантика самого слова *изба* и его основного символического значения у Клюева – «избяной космос», а также слова *печь*, которую поэт сам определил как «сердце избы», уже не раз были предметом исследования лингвистов и литературоведов. Например, в работах А.И.Михайлова, Л.А.Киселевой, Е.И.Марковой, С.Г.Семенова, Н.Л.Купер, А.Н.Захарова, Л.Г.Яцкевич, С.Х.Головкиной, С.Б.Виноградовой и других [3]. Поэтому мы обращаем большее внимание на образную семантику других слов этой парадигмы, выделив группы:

- 1) названия крестьянских жилищ, разновидностей изб в русской северной деревне;
- 2) внутренние помещения северной избы, расположенные на верхнем ее ярусе;
- 3) слова, характеризующие избу как деревянное рубленое строение, и наименования составных частей этого строения.

Предметом нашего анализа в данной статье является семантическая сочетаемость слов выделенной парадигмы, которая позволяет выявить не только сам предмет, но и его характеристику, оценку с точки зрения поэта, а также устойчивые поэтические мотивы, возникающие в художественном целом поэтических фраз.

Посредством такого анализа можно выявить фрагменты языковой картины мира, представленной в поэзии Н.Клюева, творчество которого воспринимается как глубоко национальное, связанное с вековыми народными традициями и духовными поисками. Н.Клюев по-своему создает поэтическую картину мира, осмысливая материальную и духовную жизнь человека и все, что его окружает, в частности, его жилище. Его понимание крестьянского мира, крестьянского жилища связано с универсальной оппозицией «свое - чужое», которая проявляется и в других поэтических парадигмах: с концептами *термины родства, мир, рай* и др., где дается оценка явлений окружающей действительности как определение своего, родного пространства. Крестьянская изба – это «свой» культурный мир, жилище вечных святынь, в котором они сохраняются и охраняются, т.к. крестьянское миропонимание не предаст своих святынь, не меняет их» [4].

Вот, например, небольшой текст, где благодаря ассоциативно-смысловой модели *изба – печь – кот – лежанка – сказка* с поэтическим мотивом «крестьянское жилище» создается яркая картина чего-то близкого, родного, дорогого:

Твоя изба рудо-желта,
Крепко срублена, смольностенна,

С духом семги и меда от печи,
С балагуром-котом на лежанке
И с парчовою сказкой за пряжей. [10, 287]

А вот другая картина – ночной горницы с ее тайной жизнью:

Однажды в горнице ночной,
Когда хореk крадетсЯ к курам
И поит молоком каурым
Молодок теплозобых рой,
Дохнула турицею лавка. [13, 34]

Фразообразующий характер в этом контексте имеют слова *горница ночная, хореk, куры, дохнула турицею лавка*. И возникло ощущение чего-то тревожного, тайного.

Третья «картинка»:

Вижу за окнами прялку,
Песенку мама поет,
С нитью веселой вповалку
Пухлый мурлыкает кот,
Мышку-вдову за мочалку
Замуж сверчок выдает. [11, 37]

В этой поэтической фразе – внутренний мир крестьянского дома с его жильцами, занятиями, играми: мама, прялка, нить, кот, сверчок, мышка, мочалка. Эти слова создают единую картину крестьянского мира.

Для выяснения поэтических образов, возникающих у Клюева при обрисовке крестьянского жилища, очень важны атрибутивные и предикативные сочетания слов, называющих самые разнообразные признаки и детали именно северного избяного строения: изба – «бревна сцеплены в лапу» [9, 10], «брусяная новая горница, накатная половичина» [10, 187], «белоструганые половицы» [10, 187], «резное русское окно» [13, 42], «слюда затейна у окон» [14, 99], «ребра стропил, перастый тес» [10, 461], «изба с матицей пузатой» [12, 304], «укладистые матицы, кокоры и столбы» [13, 6], «на матице ожила карлиц гурьба, топтыгин с козой – избяная резьба» [10, 183], «под матицей резной, искусством позабытой» [10, 358], «под заклЯтой черной матицей» [11, 179], «ветхая ставень резьба, кровли узорной конек» [3, 50], «тепел паз, захватисты кокоры, Крутолоб тесовый шоломок. Будут рябью писаны подзоры И лудянкой выпестрен конек» [10, 286], «сруб-церковка» [10, 266] и др.

Анализ парадигмы с ведущим словом *изба* позволяет увидеть, как в творчестве Н.Клюева проявляются такие философские категории, как *осевое время и пространство*, о которых писала Л.Г.Яцкевич: «Клюев считает, что ось времени мировой истории проходит не через цивилизацию Нового времени, а через православный крестьянский мир» [5].

И царство нашел многоцветней златниц,
Оно за печуркой, под рябым горшком,
Столетия мерит хрустальным сверчком. [10, 312]

Лингвопоэтическая категория *осевое время и пространство* выражается в исследуемой нами парадигме очень четко: в стихах о крестьянской избе объединяются священные для поэта символы *Бог, Русь, Древо печное*:

За стеною Кто и Незнаю.
Закинут невод в Чужое...
И вернусь я к нищему раю,
Где *Бог* и *Древо печное*.
Под смоковницей солодовой
Умолкну, как *Русь*, навеки...
В мое бездонное слово
Канут моря и реки. [12, 234]

Дом, изба являются для Клюева символами-архетипами, передающими идею *центра мира* – образ *мирской избы*, который сохранил и воскресил праславянскую концептуальную структуру.[6]

Беседная изба – подобие вселенной:
В ней шолом – небеса, полати – Млечный путь,
Где кормчему уму, душе многоплачевной
Под веретенный клир усладно отдохнуть...
Беседная изба на свете не случайна –
Она *судьбы* лицо, преддверие могил. [10, 300]

Основной частью парадигмы с ведущим словом *изба* являются названия крестьянских северных жилищ. Это слова жилище (3), жилье (10), дом-домик (61), изба-избушка-избенка (143), хижина (16), хоромы-хоромина-храмина (11), хата (22), чум (24), сруб-срубец (22), терем (32). Рассмотрим каждое из слов этой группы. Они называют разные типы крестьянских жилищ, различающиеся по назначению, величине, красоте, месту постройки, способу постройки.

1. Общее наименование – слово *жилище* – у Клюева встречается всего три раза, и во всех случаях не в отношении к крестьянскому дому, а в обобщенном, метафорическом или сакральном значении: место, где кто-то живет.

Вышли мы из мочища
На заезженный ток –
Нет вернее *жилища*,
Чем *косой солннек*. [7, 142]

Я был прекрасен и крылат
В надмирном ангелов *жилище*,
И райских кринов аромат
Мне был услadoю и пищей. [1, 32]

Все пережной – *жилище сора*. [14, 95]

2. Слово *жилье* тоже обозначает общее понятие, но оно благодаря сочетаемости с прилагательными приобретает добавочные коннотативные смыслы в поэтическом тексте:

У лесного *жилья* зааминена дверь [10, 285];

Так холодно в людском *жилье*
На Богом проклятой земле! [13, 41];

На деревню привезен трактор –
Морж в людское *жилье* [12, 306].

Сочетаемость позволяет выявить и переносные метафорические значения этого слова, и поэтические мотивы, характерные для Клюева:

- тревога за судьбу русского человека:

Сердце, сердце, русской удали жилище,
На тебя ли ворог точит лезвие,
Цепь кандальную на кречета кует... [10, 340];

- мотив любви к родному краю и творчества:

Разлюбит ли сердце мое
Лесную любовь и жилище,
Когда, словно ландыш в струи,
Гляделся ты в *песни мои*? [11, 177];

- мотивы святой православной веры:

Сыты кони овсяной *молитвой*
И подкованы *веры* жезлом;
Ель Покоя *жилье* осеняет,
А в ветвях ее *Сириш* гнездится. [10, 302];

3. Слова *дом*, *домик*, означающие крестьянское жилище (о других значениях пока не будем говорить) сочетаются у Клюева со словами, а) определяющими принадлежность его близким людям или самому поэту: *отчий* дом [11, 89; 11, 124], *праотцов* дом [10, 282], *вдовицын* дом [13, 43], *мой старый* дом [10, 444];

б) со словами оценочного характера: *дряблый* дом [11, 147], *милый* дом [10, 447], *новый* дом [12, 311], *продрогший* дом [11, 225; 13, 26], *родимый* дом [12, 242; 14, 98; 11, 177], *строгий* дом [13, 10], дом *крепкий*, *просторный* и *убранный* [10, 301];

в) со словами, указывающими на местоположение: *лесной* дом [12, 302], *поморский* дом [13, 16];

г) со словами, на способ украшения: *резной* домик [14, 96].

4. *Хижина*. Если это слово обозначает крестьянское жилище, то сочетается со словами, указывающими на ее принадлежность близким людям: хи-

жина *твоя, наша* [10, 102; 10, 118], вышли из хижины *мы* [10, 123], хижина *дровосека* [11, 95].

5. Синонимичные словам *дом, изба* слова *хоромы, хоромина, храмина*. Это уже конкретные наименования крестьянского жилища, если они употреблены в прямом значении, – избы добротной и красивой, построенной по северным традициям:

Налетела на *хоромы преукрашенны*
Птица мертвая – поганый вран. [12, 244]

Ах, *брусяные хоромы,*
В вас кому ли *жировати,*
Красоватися кому? [10, 187]

По-клецки рублены хоромы,
Где *нерушим* Микулы род. [14, 96]

Слово *хоромина* связано с мотивом творчества поэта:

Струнным тесом крытая
И *из песен рублена,*
Видится *хоромина*
В *глубине страниц.* [12, 245]

6. Частотно у Н.Клюева слово *хата*. Оно называет не только северное жилище, поэтому сочетается со словами, указывающими на область его постройки: *рязанские хаты* [8, 93; 12, 228; 13, 40], *тверские хаты* [12, 250]; *на Дону вишневы хаты* [12, 308], *пудожская хата* [12, 227], *степная хата* [10, 375]. А северные хаты чаще всего оцениваются как близкие, родные: *родимая хата* [11, 165], *девичья хата* [10, 189], *наши хаты* [12, 128], *двоеперстная хата* [13, 31]; или же с болью за родной край им дается отрицательная оценка: *сивушные, гиблые хаты* [12, 210].

7. Частотно у Клюева и слово *чум* – жилище поморских крестьян. Поэтические контексты позволяют определить:

а) географическое распространение этих построек и название народностей, живущих в них: *эскимосский чум* [12, 185],

Чуть брезжат по *чумам* огни,
Лапландия кроткая спит. [13, 9]

По желтой *лопи,* в *заонежсях,*
По дымным *чумам Вайгача,*
Трепещут вешего сыча. [13, 16]

б) по сочетаемости можно определить, и чем занимаются жители сурового северного края:

Глядь, к *тресковому чуму* примчалась Москва
Табунами газетных листов. [10, 372]
На закате плещут *тюлени*,
Загляделся в озеро *чум*.
Златороги мои *олени* –
Табуны напевов и дум. [11, 87]

Повыйду замуж не в уголье
За Калистратово отродье,
За Федьку в *рыболовный чум*. [13, 17]

8. В северных вологодских лесах жилищем бедных людей, староверов и отшельников были сосновые и еловые срубы. В стихах Н.Клюева *сруб*, *сруб-бец* опозитизирован как священное место, где спасаются гонимые люди:

В *дедовском кондовом срубe*
Беда покумилась с котом [10,441]

Сосновый длинный сруб,
Занесенный метелью,
Для нас стал *алтарем*,
Таинственно-святым. [12, 46]

В срубax шла тайная жизнь, неведома чужим:
По *тайникам*, по *срубам келий*,
Пред ним сердца, как свечи, рдели. [13, 24]

Самосожженческие срубы
Годятся Алексею в сказки. [13, 38]

Поэт с гордостью говорит о себе: «Я человек, рожденный в *срубe*» [12, 276].

9. Опозитизирован в стихах Н.Клюева и *терем* – высокий дом с покатою крышей, иногда в виде башни, с надворными постройками. Так же называли и жилое помещение в верхней части такого дома, чаще всего для девушек и женщин. Это слово употребляется в стихах Клюева, отражающих архитектурные традиции древней Руси, воспетые в фольклоре, особенно в свадебной лирике, где это слово сочеталось с постоянными эпитетами: *высокий терем*,

девичий теремок и др. [7]. Терем как крестьянское жилище представлен по-этом в атрибутивных сочетаниях со словами *дубовый, клецкий, рубленый, слядяной*, которые характеризуют его по материалу и способу постройки, а также с возвышенно-положительными оценочными словами: *заветный, заповедный, пречудный, чудо-терем, терем тих и мирен*. Образная семантика слова *терем* связана с фольклорными представлениями о чуде. В одном стихотворении он представлен, например, как сказочное видение, древнее и таинственное, дом, куда приезжает добрый молодец на боевом коне, которое противопоставлено реальной, обыденной жизни:

Прохожу ночной деревней.

В темных *избах* нет огня.

Явью сказочную, древней

Потянуло на меня...

...

Передо мною взвился конь

...

Передо мной узорный *терем*,

Нет дозора у ворот. [10, 161]

Таким образом, поэтическая сочетаемость слов, называющих крестьянские жилища, позволяет Н.Клюеву воссоздать и реальную картину окружающего его мира и отношений в нем, и свое поэтическое восприятие и оценку всего, что он видит и описывает.

Во вторую группу слов мы включаем те, которые называют внутренние помещения северной крестьянской избы, расположенные на верхнем ее ярусе: *горенка* (25), *горница* (19), *светлица* (28), *светелка-светелочка* (18), *прируб* (4). Эти части избы были «чистые», светлые, предназначенные чаще всего для девушек. Н.Клюев воспевае их с большой любовью. Во многих фразах с этими словами выражены поэтические мотивы, проходящие через все творчество поэта. Назовем некоторые из них:

1) мотив счастливого девичества, потаенного девичьего мира, красоты молодости и духовной чистоты:

Что куколь розовый во ржи,

Цвели в *прирубе* посиделки. [13, 13]

На горе стоит елочка,

Под кудрявою – *светелочка*,

По *светелке* красны девушки сидят,

На кажинной брилятиновый наряд... [10, 217]

Она любила незабудки

И синий бархат васильков,

В ее *прирубе* от цветов

Тянуло пряником суропным... [13, 22];

2) **мотив тайного, сокровенного, скрытого от чужих недобрых людей:**

Я человек, рожденный не в боях,
А в *горенке* с муравленою печкой,
Что изразцовой пестрою овечкой
Пасется в дреме, супрядках и снах
И блеет сказкою о лунных берегах,
Где невозвратнее, чем в пуше хвойный прах,
Затеряно *Светланино* колечко! [12, 274]

У *горенки* есть много *таин*,
В ней *свет* и *сумрак* не случаен,
И на лежанке *кот трехмастный*
До марта с осени ненастной
Прядет *просонки* неспроста. [13, 9]

И лишь в *избе*, в *затишье* вековом,
Поет *сверчок*, и *древен сон* *полатей*...
Завтра дед расскажет *мудрый сон*... [12, 156];

3) **мотив духовной жажды спасения души:**

Виноградный Спас, прости, прости.
Сон веков, как смерть, не выпить горсткой.
Кто косматой пятернею жесткой
Остановит душу на пути?
Мы тебе лишь алчем вознести
Жар очей, сосцов и душ купинных.
В *ландышевых горницах* пустынных
Хоть кровинку б цветик обрести. [7, 149]

Дубовый терем тих и мирен,
Ордынский не грозит полон,
А в *горнице* двуглавый Сири
Поет Кирие елейсон. [13, 15];

4) **мотивы святости, Богородицы в царстве небесном, святой Руси:**

Часто в *горенке* белой
Посещал кто-то нас, –
Гость крылатый, безвестный,
Непостижный уму, –
«Здравствуй, тятенька крестный!» –
Лепетал я ему. [10, 318]

Больше не будет сказки за веретеном,
Позапечных брынских тропинок.
На лежанку не сядет дед
В валенках-кораблях заморских,
В горенке Сирин и Китоврас
Оставили помет да перья. [12, 192]

Приходи, жених Дароносимый,
Чиста скатерть, прибрана *светелка*.
Есть в хлевушке, в сумерках проселка,
Золотые Китежи и Римы. [12, 128]

5) мотив народных праздников, обычаев:

Суббота *горенку* любила,
Песком с дерюгой, что есть силы,
Полы и лавицы скребла
И для душистого тепла
Лежанку пихтою топила,
Опосле охрой подводила
Цветули на ее боках. [13, 10]

Не по зеленому бархату,
Не по рытому, черевчату
Золото кольцо катается,
Красным жаром распалается, –
По брусяной новой *горнице*,
По накатной половичине
Разудалый ходит походом,
Голосит слова ретивые. [10, 187]

Молодым шептухи да свахи
Стелют *в горнице* волчий тулуп. [10, 474];

6) мотив тревоги за девичью судьбу:

Угодити мне *из горниц*
С белоструганых половиц
В поруб – лютую тюрьму! [10, 187]

Нет по избам девушек-улыб,
Томных рук и кос в рублях татарских.
Отсыяли *в горницах боярских*
Голубые девичьи светцы. [12, 261]

Могильным враном *на прируб*
Обронен человеческий зуб!
Ох, ох! Хвороба неминуа,
Голубку до смерти замучит! [13, 16];

7) мотив противопоставления технического прогресса и новых обычаев старому привычному крестьянскому миру:

Постучался Зингер в *светелку*,
Лодзь в хороводе пошла в присядку.
Глядь, по лесному проселку
Догоняет вихрь самокатку. [12, 236]

С коклюшек ускакали кони,
Лишь златогривый горбунок
За печкой выискал клубок,
Его брыкает в суてменки...
А в горенке по самогонке
Тальянка хриплая орет –
Хозяев новых обиход. [12, 324];

8) мотив творчества:

Об Индии в *русской светелке*,
Где все разноверья и толки,
Поет, как струна, карандаш. [10, 308];

9) мотив рукоделия, шитья, вышивки – девичьих занятий:

Только мне горюну – горынь-трава...
Овдовел я без тебя, как печь без помяльца,
Как без Настеньки *горенка*, где *шелка да канва*
Караулят пустые, нешитые *пяльца*! [11, 176]

Однажды, когда Расстегай
Мурлыкал про масленный рай,
И *горенка* была светла,
Вспорхнула со швейки игла, –
Ей нитку продели в ушко,
Плясать стрекозою легко.
И вышло сукно из ларца
Сине, бархатисто с лица,
Но с тонкой тимьянной душой... [13, 8];

10) мотив сказки:

Гляжу, домашние все лица,
И в горенку от заряницы
Летят малиновки, касатки,
И сказка из сулейки сладкой
Меня поит цветистым суслom. [13, 27].

С.Х.Головкина отмечала, что «сказка выступает как атрибут идеальной крестьянской жизни, гармоничной и прекрасной» [8].

Итак, мы выделили десять характерных «сквозных» для творчества Н.Клюева поэтических мотивов, которые звучат в тех стихах, где он создает кусочек языковой картины мира, рассказывающей о тех частях крестьянского жилища, где сосредоточена духовная жизнь девушек: *горенка, горница, светлица, светелка, прируб*.

Таким образом, поэтизация северного крестьянского жилища – прежде всего *избы* с его необходимыми атрибутами сельской жизни, с ее красным углом и божницей, с закутом за «сердцем избы» – печью, где живет «Оно» и формируется творчество поэта, с верхними «светлыми» помещениями, где проходят лучшие годы юности, кроме того, разных видов северных жилых строений создается благодаря тому, что все эти слова объединяются общими поэтическими мотивами: с одной стороны свое родное, близкое, светлое, священные символы Бог, Русь, Древо печное, сокровенное тайное знание о мире, традиционные символы крестьянской жизни – нить, рукоделие, пряжа, прошлое и настоящее, а с другой стороны – мотив враждебных сил, способных разрушить мир в крестьянском доме, тревога за сохранность этого хрупкого духовного мира, на привычный уклад которого наступает и который вытесняет индустриальная цивилизация. Все это позволяет воспринять творчество поэта как глубоко национальное, связанное с вековыми народными традициями и духовными поисками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стихотворные иллюстрации из произведений Н.Клюева сопровождаются в статье указанием на номер источника и страницу текста, как это сделано в частотном указателе словоформ.

2. Яцкевич Л.Г. Предисловие к «Клюевскому сборнику». – Вып. I. – Вологда, 1999. – С. 4.

3. Михайлов А.И. Поэтический космос Николая Клюева // Вытегорский вестник. – № 1. – Вытегра, 1994. – с. 87; Киселева Л.А. Семантические поля клюевской топонимики (к постановке вопроса) // Вытегорский вестник. – № 1. – Вытегра, 1994. – с. 10; Киселева Л.А. Есенин и Клюев: скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) / В кн.: Николай Клюев. Исследования и материалы. – М.: «Наследие», 1997. – с. 183-198; Семенова С.Г. Поэт «поддонной» России (религиозно-философские мотивы творчества Н.Клюева) / В кн.: Николай Клюев. Исследования и материалы. – М.: «Наследие», 1997. – с. 21-53; Захаров А.Н. Контуры поэтического мира Н.Клюева /

В кн.: Николай Клюев. Исследования и материалы. – М.: «Наследие», 1997. – с. 102-112; Купер Н.Л. Печь как центр клюевского космоса / В кн.: Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Сб. статей. – Петрозаводск, 1996. – с. 109-114; Маркова Е.И. Мать-Троица в поэзии Н.Клюева // Вытегорский вестник. – Вып. 1. – Вытегра, 1994. – с. 27-33.

4. Яцкевич Л.Г., Виноградова С.Б. Концептуальные архетипы слова «мир» в поэзии Н.А.Клюева. // Клюевский сборник. – Вып. I - Вологда, 1999. – С. 84-85.

5. Яцкевич Л.Г. Предисловие к 3-му выпуску «Клюевского сборника». – Вологда, 2002. – с. 4-5.

6. Яцкевич Л.Г., Виноградова С.Б. Указ. работа, с. 82.

7. Смолицкий В.Г. Русь избяная. – М., 1993.

8. Головкина С.Х. Образ сказки в поэзии Н.Клюева // Клюевский сборник. – Вып. III. – Вологда, 2002. – с. 135.

РУССКОЕ СЛОВО В ТЕКСТЕ И В СЛОВАРЕ

Публикуется в авторской редакции

ИД № 05241 от 02 июля 2001 г. Подписано к печати 18. 11. 2003 г. Формат 60х84/16.

Бумага ксероксная. Уч.-изд. л. 14,55. Усл. печ. л. 10,6. Тираж 150 экз.

Цена руб. коп.

160035 г. Вологда, С. Орлова, 6. ВГПУ, издательство «Русь»

Отпечатано: ООО ИПЦ «Легия»

160035, г. Вологда, Октябрьская, 19